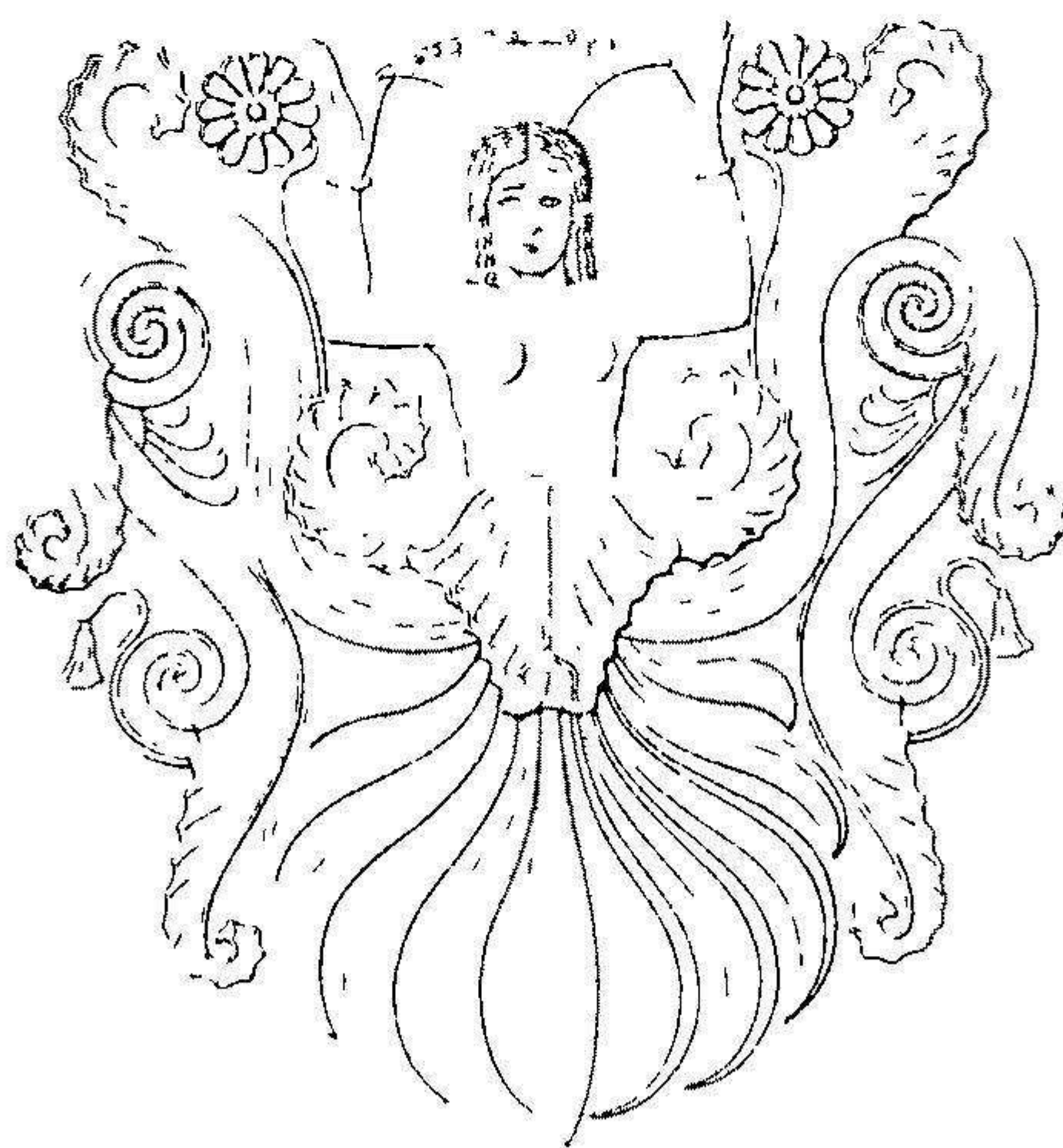

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН:
КОЛОНИЗАЦИЯ РЕГИОНА
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИСОВ
ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА**

Санкт-Петербург
2001

Министерство культуры Российской Федерации
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

Российская Академия Наук
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН:
КОЛОНИЗАЦИЯ РЕГИОНА
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИСОВ
ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Часть 1

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2001

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Редколлегия

*М Ю Вахтина, В Ю Зуев (ответственный редактор),
Е Я Рогов, В А Хрищановский*

ISBN 5-93572-039-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

У любого творения, деяния или просто начинания есть своя непредугадываемая судьба. И творение может оказаться с изъяном, и деяние невеликим, и начинание недолговечным. Но бывает и наоборот. Почти случайная единовременная акция неожиданно обретает друзей, единомышленников, союзников, получает продолжение и живет. Живет своей жизнью, подчиняясь логике своего собственного развития и, подчиняясь ей, тех, кто так неосмотрительно “произвел ее на свет”. Именно так произошло с конференцией “Боспорский феномен”. Приуроченная к 30-летию археологической экспедиции Государственного музея истории религии в 1998 году, она потребовала устами ее участников повторения и продолжения. Вторая конференция – “Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира”, состоявшаяся через год привлекла гораздо больше заинтересовавшихся ею специалистов: археологов, историков, филологов-классиков, обрела статус международной и была проведена при участии и финансовой поддержке “Центра по изучению и развитию эллинизма Причерноморья” из греческого города Салоники. После этого “Боспорский феномен” стал уже как бы общим достоянием. Надежды и многочисленные пожелания рассмотреть наш общий “феномен” в цикле тематических конференций, сделав их регулярными и систематическими, не давали организаторам морального права остановиться. Началась подготовка третьей. Посыпались заявки от тех, кто уже принимал участие в предыдущих, тех, кто о них только слышал, тех, кого просто заинтересовала тема. Неизвестно, в какой степени удалось бы довести очередную затею до конца, если бы не помощь Государственного Эрмитажа в подготовке и публикации материалов, не поддержка друзей и коллег из “Отдела культуры античного мира” и “Отдела археологии Восточной Европы и Сибири”.

Мы рады приветствовать на нашем очередном “Боспорском феномене”, как хорошо знакомых по предыдущим конференциям постоянных участников, так и прибывших на него впервые. И, очень надеемся, что он своей очередностью, при всех как обзримых так и непредвиденных трудностях и препятствиях, “из века в век переходя”, продолжит и закрепит наметившуюся традицию.

Оргкомитет конференции

I. БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РЕГИОНА

D. A. Machinsky V. I. Mousbakhova

The Land of Aea, the Island of Aeaëa and the Entrance to the Hades in Early Argonautics and in Odyssey in the Light of Evidences on Pontic Region Preserved by the Ancient Tradition

A detailed study of ancient sources on Pontic region brought us to the following hypothesis

The core of early Argonautic must have been Frixos' and Jason's journeys to the land of Aea reigned by the king Aeetes. The most prominent features of the very land was the river Phasis and situated in it the island of Aeaëa, the living place of Circe. In Odyssey this island is located in the opened sea, but the maid-servants of the deity Circe were the nymphs of the sacred rivers obviously flown at the same place. The name of Phasis in the written sources belonged to the period earlier than mid 5th cent. BC is one of the names of Kuban river (ancient Hypanis). We suppose that Phasis of the early Argonautic corresponded with Kuban (Jacoby 1957 Bd I Fr 195 a, Мачинский 1989 С 19) and the island of Aeaëa – with one of the islands at the place of the modern Taman peninsula (the island of Sinds?). Later the image of the treacherous Circe herself was partly reflected in the image of Aphrodite Apaturos (deceitful) who's cult is attested for this only locality.

In the early Argonautic there were motives of Aea's close neighbourhood with the Underworld, both being situated near the stream of the river Ocean. The author of Odyssey described the journey from Aeaëa to the Hades as taking place first on the sea and continuing through the Ocean stream with no boundary therebetween as if the sea would be smoothly transformed in the river Ocean. We think that the realm of Persephone in Odyssey must have been localized on the shore of the estuary formed by the rivers Dnieper and South Bug, probably near the cape Hippoleo, the point of confluence of these rivers where later the temple of Demeter was built (Herod. IV, 53). The localization of the principal centers of Achilles posthumous cult in the North-Western Black Sea region agrees well with the supposed place of Odyssey's Hades where Achilles played completely unique role as compared to other heroes. The Cimmerians of Odyssey lived on the Ocean's coast at the entrance to the Hades and correspond to the Cimmerians of Herodotus, had inhabited before

their displacement by the Scythians in Old Scythia, the middle point of which on the seaboard of Pontus was the mouth of Borysthenes- Dnieper (Herod IV, 11, 17, 99–101)

Thus early sea-voyages of the Greeks in Pontos (earlier than the late 8th cent BC) reflected in myths and legends were directed to the same places where two main streams of the Greek colonization of the Northern Black Sea coast were directed later, beginning with the mid 7th cent BC

The abstract proposed is a brief application for the vast and basic theme, to which we would like to attract the attention of Russian and foreign scholars - archaeologists, historians and linguists

Литература

Мачинский 1989 Д А Мачинский Босфор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв до н э // Кочевники евразийских степей и античный мир Новочеркасск 1989

Jacoby 1957 - Г Jacoby Die Fragmente der Griechischen Historiker Leiden 1957

Д А Щеглов

Путешествие Аристея Проконнесского: проблема датировки

В современной науке дискутируются два возможных варианта датировки жизни Аристея VII или VI в до н э (VII в Bolton 1962 P 5 132, 179, Пьянков 1967 С 175 Пьянков 1978 С 186, VI в Иванчик 1989 С 54 Тохтасьев 1993 С 28–29) Главными основаниями для этих датировок служат указания Геродота и Свида¹ Согласно Геродоту Аристей появился в Метапонте через 240 лет после своего возвращения в Проконнес из путешествия в Скифию, которое само длилось 7 лет (IV, 14–15 1) Свида синхронизирует Аристея с Киром и Крезом и датирует его ‘ появление ’ (очевидно – акмэ Иванчик 1989 С 42) 58 олимпиадой то есть – 548–545 гг до н э γέγονε δὲ κατὰ Κροίσου καὶ Κύρου, οὐμπιάδι v<η> (A 3900) Иными словами, Свида связывает деятельность Аристея с событиями персидского завоевания Лидии

Обе эти даты несомненно искусственны Датировка Геродота очевидно является результатом хронологических вычислений основанных на счёте лет по поколениям где одно поколение принимается за 40 лет (Forrest 1964 P 209) В основе сообщения Геродота должно лежать указание о том, что путешествие Аристея состоялось за шесть поколений до его появления в Метапонте (или восемь поколений по тридцать лет Иванчик 1989 С 44) При этом Геродот указывает

‘следующее же, я знаю случилось у метапонтий в Италии на 240-й год после второго исчезновения Аристея как я найду сопоставляя то что говорят в Проконнесе и Метапонте’ (ὡς ἐγὼ συμβαλλόμενος ἐν Προκοννήσῳ τε καὶ Μεταποντίῳ εὑρίσκων, IV, 15 1) Это даёт основание полагать что цифра в 240 лет могла быть вычислена самим Геродотом. Такому выводу противоречит тот факт что Геродот в своих хронологических вычислениях обычно исходил из равенства трех поколений 100 годам (II, 142), но не 40 или 30 лет одному поколению (ср Иванчик 1989 С 44–45, где также отмечается, что Геродот не был последователен в следовании этому принципу а относился к своим вычислениям с исключительной небрежностью). События в Метапонте, вероятно, имели место при жизни Геродота, но сведения о них он мог получить, скорее всего во время своего визита в Италию в 443 г до н э связанного с основанием Фурий. Следовательно именно это событие является наиболее вероятной точкой отсчёта (точнее – terminus ante quem для подобной точки отсчёта) для определения времени жизни Аристея (ср Иванчик 1989 С 44 вряд ли за точку отсчёта можно принимать время публикации сочинения Геродота Тохтасьев 1993 С 27).

Датировка по поколениям должна отличаться сравнительной надёжностью поскольку она обычно основывается на некой локальной генеалогической традиции. Так и в данном случае Геродот прямо ссылается на сведения полученные им в Проконнесе и Метапонте. В качестве свидетельства недостоверности даты Геродота, часто отмечается то обстоятельство, что, если буквально понимать его слова путешествие Аристея должно относиться ко времени, когда Проконнес в лучшем случае был только что основан, если не к ещё более раннему периоду.² Однако здесь следует учитывать то что при переводе датировки, основанной на счёте поколений в абсолютную дату результаты могут получаться совершенно произвольные, причём обычно имеет место тенденция к удревнению, что мы, очевидно, наблюдаем и в данном случае.

Обстоятельством, осложняющим понимание данных Геродота, является то что в колониях Италии были широко распространён местный культ героя ойкиста Аристея, с образом которого могли быть смешаны сведения о проконнесце (Иванчик 1989 С 45–47). Это подрывает наше доверие и к дате, сообщаемой Геродотом, которая также первоначально могла относиться к метапонтскому герою Аристею.

Датировка Свида на первый взгляд подкупает своей конкретностью. Но при этом Свида не даёт никакой возможности определить, на каких реальных фактах основывается сообщаемая им дата.³ Между тем датировка “временем Кира и Креза” сама по себе вызывает подозрения. Дело в том что в античной литературе

чрезвычайно широко распространены сюжеты, которые помещают в контекст событий, связанных с персидским завоеванием Лидии, различные истории из жизни многих знаменитых греческих деятелей Фалеса (Hdt , I, 74–75), Бианта (Hdt , I, 27, Diog Laert I, 82–88), Периандра (Hdt , I, 70, III 48, 94–95), Питтака (Hdt , I, 27 74–81 Diog Laert , I, 94–100, 101–105) Алкмеона (Hdt VI 125), Солона (Hdt , I, 29–34, 87, Diog Laert , I, 2, 50–51, Plut Sol , 27–28, etc), полумифического скифского мудреца Абариса (Pind F 270 Snell-Mahler), и даже всех семи мудрецов которые якобы собрались у Креза (Ephor FGH 70 F 181)⁴ Геродот прямо говорит об этом *“после того как Крез покорил все эти народности и присоединил их к лидийскому царству, в богатые и могущественные Сарды стали стекаться все жившие тогда в Элладе мудрецы каждый из них – по самым различным побуждениям”* (I, 29) При этом большинство подобных историй являются недостоверными, а большинство фигурирующих в них деятелей в действительности жили в VII – первой половине VI вв до н э и никак не были связаны с персидским завоеванием Лидии (Грантовский 1998 С 214–225 сл) Появление в античной традиции подобных исторически невероятных сюжетов связано с тем колоссальным впечатлением, которое произвело на греков падение Лидии Поэтому вполне вероятной представляется что Аристей, в действительности никак не связанный с событиями завоевания Лидии будучи при этом известной фигурой так же как и ряд перечисленных выше персон, был произвольно помещён в данный исторический контекст Таким образом указание Свида с большей вероятностью могло бы свидетельствовать о том, что время жизни Аристея, так же как и время жизни остальных указанных деятелей, следует отнести к периоду более раннему, нежели время персо-лидийской войны

Другим основанием для недоверия датировке Свида служит тот факт, что в его сообщении явно проступает соединение сведений о двух разных Аристеях Так Сuida приводит два патронимика Аристея (сын Демохариды или Каистробия) и приписывает ему наряду с “Аримаспеей” также прозаическое сочинение “Теогония” и ряд поэм, ложно приписываемых некому Писандру (Suid , s v Πείσανδρος Πείσωρος) Возможно, что и дата, сообщаемая Свидой относится именно к Аристею сыну Демохариды автору “Теогонии” и ряда поэм Показательно также, что Сuida, говоря о содержании “Аримаспеей” следует поздней традиции, отождествляющей гипербореев и аримаспов Это заставляет сомневаться в том что данные, известные Свиде восходили к подлинному сочинению Аристея (Bolton 1962 P 22–25)

Таким образом, свидетельства Геродота и Свида не могут служить надежным основанием для датировки жизни Аристея Поэтому единственным надежным способом датирования деятельности Аристея

является поиск и анализ возможных заимствований из “Аримаспси” в последующей литературной традиции

Самое раннее из дошедших до нас упоминаний об Аристее принадлежит Пиндару (F 271 Snell-Mahler) До Пиндара судя по всему “Аримаспею” использовал уже Гекатей (он упоминал исседонов FGH I F 193 Jacoby 1923 S 351–352, Bowra 1956 P 1, Bolton 1962 P 40) Три основных источника, передающих традицию Аристея Геродот (III 116, IV, 13, 26) Дамаст (FGH 5 F 1) и Павсаний (I, 24 6), возможно, черпают свои сведения именно через передачу Гекатея (о Дамасте Gardiner-Garden 1987 P 14) Эти авторы описывают одинаковую диафесу народов следующих с севера на юг ‘другое море’ (Damast) – Гипербореи – Рипейские горы – Грифы – Аримаспы – Исседоны или исседы – Скифы – ‘южное море’ = Понт (Hdt IV, 13)

Самым ранним автором сообщаящим сведения, которые могли быть заимствованы из ‘Аримаспеи’, является Алкман⁶ Со скифской темой связаны три его фрагмента 1 упоминание Рипейских гор “*гора Рипы сплошь покрытая лесом чёрной почти грудь*” (*Ρίπας ὄρος ἀνθέων ὄλα, νυκτὸς μελαίνας στέρνον* PMG F 90), 2 упоминание народа исседонов со специфической неаристеевской формой этнонима *ἔσσηδόνες* – эсседоны (*Ἔσσηδόνες* F 156), упоминание *Колаксаева коня* *ἵπλος εἰβήνω Κολαξαῖος ὄρωεῖται* (PMG F 159)

Первые два фрагмента показывают что Алкману был известен некий вариант “аристеевской географии” – диафесы которая описывается в традиции Аристея Этот факт еще не предполагает в обязательном порядке знакомство Алкмана с ‘Аримаспсией’ хотя делает его весьма вероятным Упоминание “Колаксаева коня” свидетельствует о том что ему была известна приводимая Геродотом (IV, 5–7 2) скифская этногенетическая легенда в которой фигурирует Колаксай – первый царь скифов⁸ Судя по повествованию Геродота, с этой легендой связано описание ‘страны падающих перьев’ – непреодолимого северного предела земли скифов (IV 7, 31) Отсюда можно предполагать, что описание этой страны также должно было быть известно Алкману

Форма этнонима “эсседоны” (essedones) часто встречается в сочинениях латинских авторов Это позволяет заключить что все такие упоминания “эсседонов”, а также другие связанные с “аристеевской” географией сведения, которые сообщают авторы, упоминающие “эсседонов” должны восходить в конечном итоге к Алкману⁸ Для такого предположения имеется ряд подтверждений

1 Наиболее целостное описание ‘аристеевской’ географии в котором употребляется форма “эсседоны”, приводится в традиции Агриппы (Mela, II, 2, Plin, IV, 74) Агриппа говоря о Сарматии описывает географическую систему близкую Геродоту но при этом искусственно

встраивает в нее ряд народов протянувшийся с севера на юг Океан – гипербореи – Рифейские горы – страна Птерофор – грифы – аримаспы – эсседоны (essedones), обитающие до Меотиды – савроматы, обитающие у реки Бук – озеро Бук (Buces) связанное с Меотидой (Сиваш) и впадающая в него река Бук”

Аналогичная диафеса народов описывается Страбоном (в качестве самого южного народа здесь также фигурируют не скифы, а савроматы) “древние этнические писатели (οἱ παλαιοὶ τῶν Ἑλλήνων συγγραφεῖς) называли все северные народности общим именем скифов или кельтоскифов а ещё более древние (οἱ δὲ ἔτι πρότερον) различая их по частям, называли живущих выше Эвксина Истра и Адрия гиперборейями, савроматами и аримаспами а живущих за Каспийским морем [называли] одних саками других массагетами не имея ничего определённого чтобы сообщить о них хотя и описывали войну Кира с массагетами Однако в результате своих исследований историки не сообщили об этом племени ничего точного и правдоподобного, а древняя история персов мидян и сирийцев не приобрела большей достоверности из-за наивности писателей и их увлечения мифами” (XI, б 2–3)

Под *древними писателями* здесь скорее всего подразумевается традиция Эфора (‘роза ветров Эфора в которой северный сектор занимали скифы а западный – кельты FGH 70 F 30 см Ростовцев 1925 С 39–41, Gardiner-Garden 1987 P 4) Имена ‘ещё более древних (Страбон сам указывает в следующем абзаце это – “Ктесий Геродот и Гелланик и другие подобные писатели” (XI, б 2–3) Действительно, сохранившиеся фрагменты сочинений этих трёх авторов свидетельствуют о том, что все они в той или иной степени касались темы ‘аристеевской’ географии и восточных кочевых народов Ктесий упоминал об эсседонах добывающих золото у реки Кампилин (Aelian De nat anim , III, 4 о принадлежности данного сообщения Ктесию Пьянков 1976 С 20), и описывал походы Кира против восточных кочевников дербиков и саков Геродот, используя различные источники, подробно излагал ‘аристеевскую’ географию (III, 116 IV, 13, 16 2 33–35) и описывал поход Кира на массагетов (I, 201–216) Гелланик приводил описание гипербореев, живущих выше Рипейских гор (FGH 4 F 187 a, b), и упоминал о саках амиргиях (F 65) Однако ни Ктесий, ни Геродот не подходят на роль источника сообщения Страбона Ктесий локализовал эсседонов рядом с Индией, ничего не сообщал о массагетах, а противниками Кира называл дербиков Геродот излагая концепцию Аристея никак не связывал её с савроматами, Истром и Адрием да и отношение Геродота к “аристеевской” географии было весьма скептическим (I, 116 1–2, IV, 32 36 1) Таким образом, непосредственным источником приведенного сообщения Страбона мог

быть только Гелланик (Ф. Якоби включил данное сообщение Страбона в число фрагментов Гелланика (F 185), также Gardiner-Garden 1987 P 4). Это позволяет предположить, что данный вариант 'аристеевской географии', отражённый у Агриппы, восходит к Гелланику¹¹ и только через него к Алкману. Это обстоятельство позволяет допустить, что все сведения латинских авторов об 'аристеевской' географии, которые можно возвести к Алкману, прошли через передачу Гелланика.

Показательно то, что в 'аристеевской' географии Гелланика и Агриппы фигурирует страна "Птерофор", локализуемая между грифами и Рифеями, то есть на самом северном рубеже обитаемого мира. Упоминание "Птерофора" в едином контексте с "эсседонами" согласуется с фактом присутствия во фрагментах Алкмана одновременно тех же "эсседонов" и "Колаксаева коня". Это наблюдение дополнительно подкрепляет гипотезу о том, что источником сведений об 'аристеевской' географии для Гелланика и для зависящих от него латинских авторов, упоминающих "эсседонов", является Алкман.

Вместе с тем данное наблюдение подтверждает то, что описание страны "Птерофор" изначально было неразрывно связано со скифской этногенетической легендой. Включение "Птерофора" в контекст 'аристеевской' географии у Агриппы скорее всего, является результатом некой переработки данных Алкмана, предпринятой Геллаником. В пользу этого указывает то, что в географических фрагментах самого Аристея страна "Птерофор" никак не представлена¹², и в то же время в изложении Геродота наиболее подробного и достоверного источника по этому сюжету "Птерофор" связывается со скифской этногенетической легендой. Недостаточно отчетливая логическая связь между "Птерофором" и содержанием легенды у Геродота, очевидно, обусловлена его скептическим отношением к сведениям о "стране падающих перьев" (IV 31).

Поскольку использование Геродотом произведений Алкмана или касающихся скифской темы сочинений Гелланика никак не засвидетельствовано, очевидно, известный ему вариант скифской этногенетической легенды восходит к автору, независимому от Алкмана и Гелланика. Скорее всего, этим автором является Гекатей, основной источник сведений скифского логоса Геродота.

2. Ряд оригинальных свидетельств, относящихся к той же скифской этногенетической легенде, приводятся в традиции Варрона Атацинского (Plin., IV, 83–88; VI 22–50–51; Flacc., VI 48–64–132; Solin., XIV 1; Amm. Marc. XXII, 8–26)¹³, который упоминает "эсседонов" и в силу этого, а также по ряду других признаков, принадлежит к традиции Алкмана и Гелланика. При этом Варрон приводит факты, отсутствующие у Геродота и существенно дополняющие его изложение

1) указание о том, что Колакс был порождён Юпитером и нимфой (Flacc VI 48–49, согласно же Геродоту, Колаксай был сыном Таргитая сына Зевса и дочери реки Борисфен IV, 5 1–2), 2) упоминаются народы авхеты-авхоты (Plin IV 83, 88 VI 50 Flacc VI, 132, Solin XIV, 1, или их эпоним Авх Flacc, VI 60) и котнеры (Plin VI 50) которые согласно Геродоту вели свое происхождение от сыновей Таргитая (IV 6) 3) сообщается о полузверином и змееподобном облике нимфы (Flacc VI, 51–52, ср. аналогичное описание скидов из эллинской версии легенды о происхождении скифов Hdt, IV 9 1) 4) описывается облик Авха (Flacc VI 60–64), 5) также для народа авхетов приводится конкретная географическая локализация у истоков Гипаниса-Кубани (см. ниже)¹⁴ Все эти факты свидетельствуют о том, что в распоряжении Варрона имелась некая оригинальная версия скифской этногенетической легенды независимая от традиции Геродота и более подробная (так же Грантовский 1960 С. 5 сл.)

С другой стороны Агриппа и Варрон Атацинский в том же контексте что и данные традиции Алкмана, приводят сведения, которые определенно должны восходить к Аристею

1. Чрезвычайно важным является упоминание реки Каспас у Плиния (Caspasum, vi 51) и одновременно рек Кампеса (Carpesus) и Одриса (Odrysus) у Флакка (VI 590, ср. 243). Обе эти реки известны из традиции Аристея

Одрисс упоминается Гекатеем (F 217) *Гекатей говорит о городе Атазии протекает Одрисс с запада через Мигдонийскую равнину, беря своё начало из озера Даскипитиды и впадая в Ринопак. По его словам в настоящее время Атазия безлюдна но алазоны обитают во многих селениях через которые протекает Одрисс в этих селениях Аполлон пользуется особым почитанием в особенности же на границе с кизикенцами* Как убедительно показал И. В. Пьянков этот фрагмент Гекатея очевидно, основан на сведениях Аристея и связан с описанием маршрута его путешествия. Согласно Геродоту (IV, 14 2), Аристей, покинув Проконнес отправился в Кизик. Очевидно, фрагмент Гекатея связан с описанием следующего этапа пути – далее на восток по побережью Малой Азии через землю алазонов и реку Одрисс (Пьянков 1978 С. 185–186, Пьянков 1994 С. 193). Помимо упоминания Кизика, на авторство Аристея здесь указывает сообщение о культе Аполлона у алазонов. Аристей был почитателем Аполлона как и народ гипербореев, являющийся целью его путешествия.

Кампас упоминается Симнием Родосским. Описывая путь к гиперборейцам, он следует главным образом представлениям Пиндара помещающим гипербореев у истоков Истра. При этом он добавляет сведения и из других источников и упоминает *‘дивный поток вечнотекущего Кампаса (Καμπίβορς) который несёт свои воды в*

божественное бессмертное море” (Tzez Chil, VII, 693) С другой стороны такие авторы, как Эсхил, Ктесий и Зенотемис связывают исседонов и аримаспов с некой рекой Согласно Эсхилу, аримаспы *“живут у золотоносного Плутонова потока”* (νῆμα Πλούτωνος, Prom Vinct, 805–806) Ктесий говорит об исседонах соседствующих с индийскими муравьями, которые *“не переходят реку называемую Камптин”* (Καμπότινος – напоминает ‘Кампас’, Aelian De nat anim, III, 4), и явно компилирует здесь сведения традиции Аристея об исседонах которые сражаются со стерегущими золото грифами (и обитают близь некой реки, Hdt, III, 116) с данными Геродота (III, 102, 104–105) о северных индах, похищающих золото у гигантских муравьёв (Пьянков 1976 С 20) Зенотемис указывает что *“по соседству с Аримаспами у потоков (или истоков) реки обитает большой народ исседонов Скифши”* (Tzez Chil, VII 693–694) Скорее всего, во всех этих четырёх пассажах отражены сведения об одной и той же реке в земле исседонов и аримаспов, правильное название которой вероятно, отражено у Симмния (Bolton 1962 P 67–70, Пьянков 1978 С 186) Сведения об этой реке очевидно, должны восходить к Аристею и быть тесно связаны с событиями его путешествия (известно что Аристей – единственный человек побывавший в стране исседонов) Вероятно реки Одрисс и Кампас могли фигурировать в ‘Аримаспее’ как отправной и конечный пункты путешествия Аристея (Пьянков 1978 С 185–186, 189)

В такой ситуации упоминания Одрисса и Кампаса в контексте традиции Алкмана неизбежно предполагает то что источником сведений Алкмана об “аристеевской” географии являлся непосредственно сам Аристей

2 Описание “исседонов” в традиции Агриппы возможно, восходит через Гелланика к Алкману В таком случае то обстоятельство что это описание полностью совпадает с характеристикой исседонов у Геродота, скорее всего также должно объясняться тем, что оба описания в конечном итоге восходят к Аристею Возможное влияние Гекатея или тем более Геродота на характеристику “исседонов” Агриппы менее вероятно

Присутствие в традиции Алкмана сведений, определенно восходящих к Аристею, свидетельствует в пользу мнения о зависимости Алкмана от Аристея Этот вывод является решающим и аргументом в дискуссии о времени жизни Аристея, заставляя датировать его периодом ‘до Алкмана’ то есть – VII в до н э Время деятельности Алкмана в Спарте датируется 640–600 гг до н э (West 1965 P 188–194, Page 1951 P 164–166) Акмэ Алкмана, судя по всему античные хронологи датировали седьмым годом правления лидийского царя Ардиса то есть – 638 г до н э

В дополнении рассмотрим вопрос о локализации авхатов в традиции Алкмана. В источниках традиции Варрона фигурируют два варианта локализации авхатов. Общий источник Плиния и Солина описывая концепцию скифской географии близкую сведениям Геродота и восходящую к Гелланику (см. Пьянков 1994 С. 193, 201–202) помещает авхатов у истоков Гипаниса-Южного Буга (Plin., IV, 88, Solin., XIV, 1). Однако авхаты очевидно, являются искусственным добавлением к данной диафесе. Во-первых, на это указывает то, что все остальные источники восходящие к скифской географии Гелланика (Dion. Per. 308–319 Ptol., III, 5, 2, 4, 5, 6, 10, 11, 13, 14, Solin., XIV, 1, XV, 1–4 Plin., IV, 88, Amm. Marc. XXII 8, 31, 39–40, XXXI, 2, 14–15) ничего не сообщают об авхатах в контексте данной диафесы. Во-вторых, судя по Геродоту, авхаты изначально принадлежали миру скифской мифологии (IV, 5–7) и были оторваны от реальной географии, поэтому их появление в контексте реальных и исторических народов вызывает недоумение.

Вторая локализация связывает авхатов с областью Северного Кавказа и представлена у Плиния и Флакка. Плиний упоминает авхатов в числе племен, вторгнувшихся в район Северного Кавказа (VI, 22). Флакк указывает, что Авх – эпоним авхатов – *“выставляет напоказ киммерийские богатства”* (VI, 60) и упоминает авхатов вместе с кессеями (Cesseaque) и аримаспами (VI, 130–133). Учитывая что Флакк использовал географический источник указанный контекст упоминания авхатов может быть объяснен тем, что, согласно этому источнику, авхаты обитали по соседству с киммерийцами, кесеями и аримаспами. Киммерийцы же, согласно другим источникам локализуются на Северном Кавказе (Mela, I 13, Plin., VI, 35 Dion. Per. 582–584). Народ ‘киссии’, несомненно тождественен ‘киссиантам’ (Cissianti Mela I 13, Plin., VI 35) которые локализуются на Северном Кавказе, и связаны с Киссийскими горами северными отрогами Кавказа (Plin., VI 21). Аримаспы же по сведениям Плиния (IV, 88) и Аммиана Марцеллина (XXIII, 6 13) источников наиболее близких Флакку, граничат с Меотидой и Персией. Совпадение локализаций этих трех народов позволяет предполагать что источник Флакка помещал авхатов также на Северном Кавказе.

Такая ситуация, очевидно, объясняется путаницей, связанной с рекой Гипанис – так называли одновременно две реки – Южный Буг и Кубань. Показательно, что Плиний полемизирует с мнением тех, кто помещает реку Гипанис в Азии – то есть, отождествляет её с Кубанью (Plin., IV, 88). При этом ни Плиний, ни Солин не говорят о Гипанисе-Кубани – зато это Гипанис упоминают все авторы традиции Варрона Атацинского (Flacc. VI 147, Amm. Marc., XXII, 8, 26, Honor. A, 33). Так Флакк указывает, что Гипанис вброд переходят эксоматы, народ локализуемый по данным параллельных источников к востоку от Меотиды (Ps.-Scymn. 878–879, Mela I, 114, Polyæn., VIII, 55, Ptol., V 8, 17).

¹ Явно искусственная версия Страбона (Аристей – один из учителей Гомера, XIV 1, 18) в расчет не берётся Иванчик 1989 С 42–43 Попытки датировать написание ‘Аримаспей’ на основании филологического анализа дошедших фрагментов (Иванчик 1989 С 29–37) также не дают убедительного результата ср Bolton Op cit P 7–19, критический отзыв Тохтасьев 1993

² Если появление Аристея в Метапонте относится ко времени ранее 443 г до н э то путешествие Аристея должно было начаться ранее 690 г до н э (443 + 240 + 7) Основание Проконнеса относится к этому же времени Кроме того датировка Аристея 690–670 гг до н э мало вероятна потому, что интерес эллинов к киммерийцам и скифам в данный период, предшествующий их непосредственному контакту с этими народами, представляется недостаточно мотивированным чтобы послужить причиной для совершения такого предприятия, как путешествие Аристея См Иванчик 1989 С 43–44, Тохтасьев 1993 С 25, 27–28

³ А И Иванчик (1989 С 42) предполагает что синхронизация Аристея с персидским завоеванием Лидии может опираться на некие указания содержащиеся в его произведении поскольку такой способ определения времени жизни древних деятелей был типичным для античных хронологов Однако это предположение не подкрепляется никакими конкретными фактами

⁴ Кроме того, временем падения Сард Свиды также датирует погограф V в до н э Ксанфа (Xi 9) Аполлодор Афинский использует падение Сард как хронологический репер для датировки жизни Анаксимандра (FGH 244 F 29, ср Plin II 31) и Анаксимена (FGH 244 F 66 ср Irrol Ref, I 7–9), которые действительно были современниками этого события

На мой взгляд, убедительным является предположение Дж Болтона о том что сосуществование этих двух форм этнонима эсседоны обусловлено не наличием разных первоисточников (Пьянков 1967 С 175 Прим 4) а слоговым чередованием, обусловленным метрикой поэмы Аристея Bolton 1962 P 5 Иванчик 1989 С 38–39

⁶ Зависимость Алкмана от Аристея предпочитали Bowra 1956 P 1 N 2 3–4 Bolton 1962 P 5 40–187 Однако в указанных работах отсутствовала убедительная аргументация этого предположения за что они были подвергнуто справедливой критике Burkert 1963 S 235 Иванчик 1989 С 37–40, Тохтасьев 1993 С 28

⁷ По сою ῥεσσιγίαναι Существует также чтение Ἄσσηδόνες (σσι αἰδίη) Вариант эсседоны является более предпочтительным во-первых поскольку форма *essedones* часто встречается в латинских источниках Во-вторых Алкман по происхождению был лидийцем а в лидийском языке звуки *i* и *e* могли быть взаимозаменяемыми, кроме того, существовал особый звук средний между *i* и *e*, который мог быть двояко передан на греческий Иванчик 1989 С 38 Поэтому значительная форма Ἄσσηδόνες вполне могла превратиться у Алкмана в Ἐσσηδόνες

⁸ Эпипет коня ‘Колаксаев’ обычно трактуют как синоним для определения ‘скифский’ Bolton 1962 P 43 187–188 West 1965 P 193 N 6 Devreux 1965 P 176 Между тем в приводимой Геродотом легенде также фигурирует конь согласно скифскому обычаю тому человеку который, охраняя во время праздника священное золото, уснет под открытым небом дадут столько земли сколько он сможет объехать на коне за один день, поскольку как считается у скифов такой

человек не проживёт и года (IV, 7 2) По всей видимости, здесь приводится описание древнего обряда избрания ритуального царя-жреца на срок в один год, по прошествии которого он должен быть принесён в жертву, отправляясь на тот свет вместо настоящего царя. На этот срок ему и выделяется та земля, которую он объедет на коне, причём этот обряд имеет солярную символику: царь на коне уподобляется солнцу, которое аналогичным образом объезжает небосвод (Аргамонов 1947 С. 7–8; Расветкин 1977 С. 110–118). По всей видимости, у Алкмана речь идёт именно об этом коне. На это указывает, во-первых, то, что в 'Парфении' также как и в описываемом I сродотом обряде, конь фигурирует в связи с загробным миром (в связи с заупокойным культом местных спартанских героев) и солярной символикой (подробнее Зайков 1998 С. 29–44).

⁷ Строго говоря, фрагменты Алкмана не позволяют однозначно утверждать, что именно к нему восходят сведения поздних авторов об эседонах и скифской географии, а не к какому-либо более раннему источнику, общему для Алкмана и поздних авторов. Но поскольку это предположение также ничем нельзя аргументировать, даже, если мы примем его, это не изменит сути дела. Напротив, есть указания в поэме Алкмана. Так, упоминание "*Котаксаева коня*" в контексте 'Парфении', предназначенного для публичного исполнения на официальном празднестве, свидетельствует, что аудитория Алкмана в Спарте уже должна была быть хорошо знакома с этим образом, а кто, как не Алкман, мог познакомить с ним спартанцев?, ср. Page 1951 P. 90; Bowra 1956 P. 9 N. 1; Зайков 1998 С. 42–44.

¹⁰ Судя по тому, что озеро и река Бук также упоминаются у Птолемея (III 5 3–4), его источник был известен и вся диафеса, описываемая Агриппой. Отсюда можно предположить, что эту 'аристеевскую' диафесу описывал уже Гиппарх, общий источник Агриппы и Птолемея, о Гиппархе Пьянков 1997 С. 56–102, 110–167–175, 247–259.

¹¹ Источником Страбона здесь скорее всего является Посидоний. Во-первых, Дионисий Периегет, чьим основным источником является Посидоний (Пьянков 1997 С. 212–219), упоминает аримаспов на севере Европы близ Ледовитого Океана (27–32). Лукан также зависящий от Посидония, упоминает вблизи Меотиды эседонов и аримаспов (III 280–281). Отсюда можно предположить, что Посидоний описывал ту же 'аристеевскую' диафесу народов, о которой говорят Страбон и Агриппа. Во-вторых, рассматриваемый пассаж Страбона тесно связан с приводимым далее описанием массагетов (XI, 8 3–4), которое согласно наблюдениям И. В. Пьянкова, было заимствовано им у Посидония (1997 С. 23, 212–220). Отсюда можно предположить, что и весь интересующий нас пассаж Страбона восходит к Посидонию. На Посидония также указывает специфический термин 'кельтоскифы', использование которого приписывается древним этническим писателям, под которыми, очевидно, подразумевается Эфор. Однако Эфор не использовал подобного термина, а говорил отдельно о кельтах и о скифах. Зато особый интерес к кельто-скифским контактам и, в целом, к проблеме смешения различных народов присущ Посидонию, который при этом использовал также сведения Эфора, и есть основания полагать, что термин 'кельтоскифы' использовался именно Посидонием (другие его упоминания Strab. I 2 27; Plut. Mar. 11). Ростовцев 1925 С. 39–41.

¹² Дж. Болтон сам указывал, что скифская этногенетическая легенда, в контексте которой фигурирует Птерофор, противоречит представлениям Аристея о происхождении скифов и не могла приводиться в его поэме (Bolton 1962 P. 43–44). Несмотря на это, сведения о Птерофоре он всё же возводит к Аристею (Bolton 1962 P. 42–45, 177–178).

¹³ Основным источником Флакка, очевидно, был его непосредственный литературный предшественник Варрон Атацинский автор первого татинского переложения 'Аргонавтики' Аполлония Родосского, а также сочинения 'Хорография' Ростовцев 1925 С 57 Пьянков 1997 С 113 Вероятно, именно влиянием Варрона можно объяснить обилие географической терминологии у Флакка Это позволяет возвести к Варрону те сведения Плиния и Аммиана Марцелина, которые обнаруживают специфические совпадения с Флакком

¹⁴ Возможно, Гипанис изначально фигурирует в источнике Варрона в том же качестве, что и Борисфен в версии Геродота Локализация авхетов на Кубани дополнительно подтверждает что анализируемая скифская этногенетическая легенда хронологически восходит к VII в до н э, поскольку именно в этот период, согласно и письменным, и археологическим свидетельствам, центр Скифии располагался именно в районе Прикубанья Это подчёркивает высокую достоверность той версии данной легенды, которую использует Варрон

Литература

Артамонов 1947 – *М И Артамонов* О землевладении и земледельческом празднике у скифов // Учёные записки Ленинградского университета 1947 №95 Сер ист наук Вып 15

Грантовский 1960 – *Э А Грантовский* Индо-иранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов Доклады делегации СССР М, 1960

Грантовский 1998 – *Э А Грантовский* Иран и иранцы до Ахеменидов Основные проблемы Вопросы хронологии М, 1998

Зайков 1998 – *А В Зайков* Скифский конь в спарганской ритуальной поэзии // Античная древность и средние века Екатеринбург, 1998

Иванчик 1989 – *И И Иванчик* О датировке поэмы "Аримаспея" Аристея Проконнесского // ВДИ 1989 № 2 С 29–49

Расевский 1977 – *Д С Раевский* Очерки идеологии скифо-сакских племён М, 1977

Пьянков 1967 – *И В Пьянков* Рец на *J D P Bolton* Aristeas of Proconnesus Oxf, 1962 // ВДИ 1967 № 4

Пьянков 1976 – *И В Пьянков* Бактрийский гриф в античной литературе // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века) М 1976

Пьянков 1978 – *И В Пьянков* Кочевники Казахстана и античная литературная традиция // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока М 1978

Пьянков 1994 – *И В Пьянков* Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж Р Гарднер-Гардена) // ВДИ 1994 № 4

Пьянков 1997 – *И В Пьянков* Средняя Азия в античной географической традиции Источниковедческий анализ М, 1997

Ростовцев 1925 – *М И Ростовцев* Скифия и Боспор РАИМК, 1925

Тохтасьев 1993 – *С Р Тохтасьев* Античная литературная традиция о киммерийцах // *А Ю Алексеев Н К Качалова С Р Тохтасьев* Киммерийцы этнокультурная принадлежность СПб 1993

Bolton 1962 – *J D P Bolton* Aristeas of Proconnesus Oxf 1962

Bowra 1956 – *C M Bowra* A Fragment of Arimaspea // Classical Quarterly 1956 Vol 49

Burkert 1962 – *W Burkert Rev J D P Bolton Aristeas of Proconnesus Oxf*, 1962 // *Gnomon* 1963 Bd 35

Devereux 1965 – *G Devereux The Kolaxaian Horse of Alkman's Parthenion // Classical Quarterly* 1965 Vol 15

Forrest 1964 – *W G Forrest Rev J D P Bolton Aristeas of Proconnesus Oxf* 1962 // *Journal of Hellenic Studies* 1964 Vol 84

Gardiner-Garden 1987 – *J R Gardiner-Garden Herodotos Contemporaries on Skythian Geography and Ethnography // Papers on Inner Asia № 10 Bloomington* 1987

Jacoby 1923 – *F Jacoby Die Fragmente der griechischen Historiker* 1923 Teil I A Page 1951 – *D L Page Alkman The Parthenion Oxf* 1951

West 1965 – *M L West Alcmanica // Classical Quarterly* 1965 Vol 15

А С Русьева

Афродита Урания – патронесса милетско-понтийской колонизации

Культ понтийской Афродиты привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Больше всего самых разных работ посвящено культу Афродиты, в том числе и Урании, на Боспоре Киммерийском. В них на основании сведений античной литературной традиции, эпиграфических и археологических источников, сопоставлений с разнообразными данными отмечались многогранные функции этой богини в боспорских городах, где она действительно пользовалась большой популярностью, а ее культ получил оригинальное развитие (Харко 1946, Гайдукевич 1949, Марченко И Д 1977, Тохтасьев 1983, дальше см лит Ehrhardt 1983, Alexandrescu Vianu 1997, Кошеленко 1999). Тем не менее, вопрос о том, что Афродита Урания выступала в роли покровительницы милетско-понтийской колонизации как будто никем специально не рассматривался.

Прежде всего следует вспомнить, что в поэтическом творчестве эллинов почти в одно и то же время было создано две разные версии о происхождении Афродиты: согласно Гесиоду, она – дочь Урана (Hesiod Theog 176–206), Гомер же назвал ее дочерью Зевса и Дионы (II V. 370), поставив ее таким образом в один ряд с самыми известными божеествами-олимпийцами. Гесиод впервые представил и ее древнейшие эпитеты: Пенорожденная, Кипророжденная и Киферея. С этими же эпитетами, но уже как Зевсова дочь и хитрая обманщица воспевается она и в гомеровских гимнах (Hom Hymn IV, 1–16 175 181, 287 VI 15–18). Античные авторы нередко сопоставляли Афродиту Уранию с различными богинями восточного происхождения, что в общем наложило на ее культ в греческих городах своеобразный оттенок.

Соответственно древнейшему мифу эпитет Афродиты Урании появился благодаря ее волшебному рождению из крови оскопленного Урана, вследствие чего она считается его дочерью, а значит старше олимпийских богов в том числе и Зевса. Народноэтимологическая интерпретация ее имени от *ύφρος* (пена) тесно связала ее с морем (Nilsson 1976 S 522). Храм Афродиты Урании на о-ве Кифера считался самым древним из всех храмов этой богини у эллинов и самым священным благодаря ее ксоану (Paus III, 23 1). Ее храмы и статуи находились в разных местах: Афинах, близ Коринфа, в Элиде, Аркадии, Беотии (Paus I, 14, 7 19, 2, II, 23, 8, VI, 20, 6 25, 2, VIII, 22 2, IX, 16, 3, 4). Среди всех известных святилищ Афродиты Урании только на Кипре, особенно в финикийских колониях Пафосе и Амафунте, ярко сохранялись восточные влияния в том числе самый позорный обычай храмовой проституции; здесь же происходили тайные мистерияльные празднества (Ср. Herod I 199 Nilsson 1976 S 524, Burkert 1985 P 220). Более того, изображения Афродиты Урании Киприды в башенных коронах разных типов во многом напоминают малоазиатскую Мать богов (Кибелу) и Астаргу (*Ḫādaāldāāéd'ō* 1997 P 94–101 (с лит.), *Ḫéi* 15–16). Отличает ее атрибут – голубь как символ неба, связь которого с Афродитой относится еще к микенской эпохе (Nilsson 1976 Taf 23). Таким образом, культ Афродиты Урании является одним из древнейших и наиболее сложных для понимания и выяснения ее основных функций, поскольку в нем произошли разновременные и разноэтнические наслоения еще до милетско-понтийской колонизации.

Недавно *M. Alexandrescu Vianu* предложила ряд собственных наблюдений о распространении культа восточной Афродиты в милетских колониях на Понте, в частности Истрии, Борисфене, Ольвии, некоторых городах Боспора (Alexandrescu Vianu 1997 P 15–32). Она обратила особое внимание на эпитет Афродиты Сирийская в Ольвии и путем разных сопоставлений в основном терракот и скульптуры пришла к выводу, что культ Афродиты Урании получил наиболее интенсивное развитие как в западной, так и в восточной части Боспора Киммерийского.

Полностью соглашаясь с этим выводом, все-таки нельзя не отметить, что она, как и ряд других исследователей, очевидно не знала или не обратила внимания на то, что в начале 90-ых годов XX века в Милете было открыто святилище Афродиты середины VII–VI в до н.э. (Gans 1991, Senff 1992). До этого только по более поздним источникам, в том числе и стихам Теокрита (VII, 115, XXVIII 4) а также архаическим изображениям Афродиты с голубем предполагалось, что в Милете было отдельное святилище Афродиты Урании (см. лит. Ehrhardt, 1983 S 164–166). Данная гипотеза наконец-то подтвердилась. Темнос с храмом, алтарем, священной оградой, ботросом был расположен на скалистом холме *Zeytintepre* над морем в пригороде Милета недалеко от

ставшего уже эталонным архаического храма Афины на Kalabaktere Несмотря на огромные разрушения и разграбление, очевидно во время персидского нашествия на холме обнаружены строительные остатки, фрагменты мраморного и терракотового архитектурного декора храма. Особенно важно что сохранилось множество обломков посуды различных votivных даров, а также кости животных от жертвоприношений (Peters 1992 S 117–125). Обращают внимание древнейшие “дедалийские” терракоты (Senff 1992 S 106, Taf 1–4), различные женские терракотовые статуэтки и протомы в том числе фигурные сосуды для благовонных масел с изображением Афродиты с голубем, тип которых хорошо знаком по находкам в Истрии и Нижнем Побужье. Кроме того нельзя не отметить фрагменты светильников, разнообразные бронзовые и костяные изделия, амулеты из восточногреческого фаянса. Набор металлических украшений из ботроса и слоев перекликается с образом Афродиты Киприды, воспетой в гомеровских гимнах (Hom Hymn IV, 162–164, VI, 7–15). Кипрские и северно-сирийские элементы в милетском культе Афродиты подтверждаются находками терракотовых и известняковых мужских фигурок (Senff 1992 S 107–108). Вероятно наличием последних можно объяснить и появление в Ольвии эпиклэзы Сирийская. Обнаружены в ее святилище терракоты так наз. “тучного демона” или неокора, аналогичные которым были найдены в Борисфене, Ольвии и Нимфее и которые, следом за А. Фуртфенглером и А. А. Передольской, связывались с архаическим и раннеклассическим культом кабиров (см. лит. Русяева 1979 С 93–97, 1982 С 103–107, Alexandrescu Viana 1997 P 18–19). Расположение святилища у моря на холме (ср. Hom Hymn IV, 100–102) и многие остатки приношений бесспорно свидетельствуют что в нем почиталась Афродита Урания, хотя в посвященных надписях из него зафиксировано только имя этой богини. По комплексу разнообразных источников считается, что оно имело межрегиональный характер (Senff 1992 S 108). К сожалению, возможные обобщающие исследования всех материалов из этого теменоса мне не известны.

Исходя из ряда сходных данных в милетских колониях на Понте, а также того что святилище Афродиты Урании в их метрополии является одним из древнейших, вряд ли могут быть сомнения в том что ее культ был перенесен милетянами на новые места обитания, тем более что богиня в этой ипостаси имела теснейшую связь с морем. Это подтверждается наличием ее святилища с храмом VI в до н.э. в Истрии и посвящением архаического архитектурного терракотового декора милетского производства (Alexandrescu 1990 S 52, 53). Совсем недавно открыт новый теменос Афродиты второй половины этого же столетия в Борисфене с набором сходных с милетскими терракотами и обломками сосудов (Назаров 1997–2000). Святилище закрытого типа (судя по двум граффити

“святая святых Афродиты”) находилось на Западном теменосе Ольвии (Русяева 1992 С 102, 1994 S 90), что впрочем не исключает того, что ольвинополиты по милетскому образцу не устроили святилище Афродиты Урании и в наиболее возвышенной юго-восточной части города над Гипанисом. Однако эпikleза Афродиты Урания как и в вышерассмотренном милетском святилище позднеархаического времени не отмечена ни в одной надписи. Не зафиксирована она и в боспорских городах в VI–V вв до н э. Первые посвящения этой богине на Боспоре появляются впервые при Левконе I и его сыне Перисаде I в IV в до н э (КБН 971–972, 1111), в Милете – в III в до н э (см лит Ehrhardt 1983 S 164, 461). Это, естественно, не значит, что Афродита Урания не почиталась здесь со времени колонизации. Присвоение ей почетного титула “Владычица Апатура” – то есть той местности где находилось главное святилище, приравнивает ее к тем верховным божествам в Причерноморье, которые наделялись аналогичными сакральными именами в колонизационный период с целью узаконить свои права на занятые земли (например Аполлон Иетрос – владыка Истрии и возможно, Борисфена, Мать богов – владычица Гилеи, Ахилл – владыка Скифии и о-ва Левке).

Первое появление на Боспоре посвятительных надписей Афродите Урании на Боспоре в IV в до н э и вместе с этим явное усиление ее культа и создание мужского религиозного фиса можно объяснить тем, что в Афинах, с которыми в это время были налажены теснейшие экономические, политические и культурные взаимоотношения, было уделено особое внимание почитанию этой богини. очевидно, под влиянием популярного философского диалога Платона ‘Пир’. В нем он впервые прямо противопоставил Афродиту Уранию и Афродиту Пандемос, подчеркнув, что существует две Афродиты (Plato Conv 180, d, e). Большую роль для пропаганды и популярности культа последней – т е богини любви, дочери не Урана, а Зевса и Дионы – сыграли знаменитые статуи обнаженной богини Праксителя, созданные им около середины IV в и в многочисленных копиях и репликах распространившиеся по всему античному миру. В связи с этим приверженцы древнейшего культа Афродиты Урании в боспорских городах и в понтийских полисах обособили ее от культа другой Афродиты, стараясь подчеркнуть ее титулатуру. Этим самым следует объяснять усиление функций Афродиты связанных с морем и мореходством в Ольвии – Понтия и Эвплойя, в Истрии – Понтия а несколько позже – Навархида (Пантикапей, Горгиппия). Скорее всего популярность культа Афродиты – покровительницы мореплавателей в Нимфее где на высоком плато над морем был выстроен ее храм (Грач 1984 С 81–82, Соколова 1994, 2000), необходимо также связывать с Уранией и общими причинами характерными для развития ее культа как в других боспорских городах, так и северо-западнопонтийских полисах.

Относительно единственного сохранившегося в Причерноморье мифа об Афродите и Геракле высказано много различных точек зрения (ср. Тохтасьев 1983, 1986, Кошеленко 1999). Сначала мне тоже казалось, что главным персонажем в нем является Геракл, который как и в понтийской легенде о происхождении скифов, так и многих других мифах предстает в образе сакрально-мифологического предшественника колонизации побережий Понта Евксинского и западных земель в Средиземноморье (ср. Русяева 1989 С 31, 1991 С 96–116, 1992 С 8–13, Кошеленко 1999 С 147–152). Однако, при более внимательном сопоставлении таманского мифа с другими мифами о Геракле времени колонизации ясно просматривается их различие. В первом из них главным действующим персонажем выступает Афродита. Страбон недвусмысленно указывает, что именно для объяснения первоначального значения эпитета Апатурос “приводят некий миф о том, как богиня, когда на нее здесь напали гиганты, позвала на помощь Геракла, спрятала его в какой-то пещере, затем, принимая гигантов поодиночке, она отдавала своих врагов Гераклу, чтобы коварно обманом убить их” (Strabo XI, 2, 10). Геракл в данном мифе лишь исполняет волю Афродиты, самостоятельно придумавшей хитроумный план убийства гигантов (кстати, тоже рожденных от Урана). Только благодаря свойственной для нее хитрости и обману (ср. Нот Нупл IV, 81–291) Геракл одержал в данном случае победу. По-видимому, это часть какого-то литературного сочинения, созданного специально одним из боспорских авторов – приверженцем культа богини любви, а не популярной на Боспоре Урании, выступающей главным образом в ипостаси богини, связанной с морем и изображаемой обычно в длинном хитоне и гиматии иногда восседающей на троне или летящей на лебеде.

Однако, только открытие главного святилища Афродиты Урании – владычицы Апатура могло бы дать ответ на ряд спорных вопросов в ее культе как на Боспоре, так и в полисах Причерноморья. Основываясь на том, что в Милете на холме у моря существовало в период милетско-понтийской колонизации ее святилище и многие сходные элементы этого культа можно проследить в Истрии, Борисфене и Ольвии, а также что ее культ в тесной связи с мореплаванием подтверждается и позже учреждением новых (морских) эпиклез и сооружением храмов на возвышенностях близ моря можно полагать, что ее культ был занесен сюда милетянами считавшими ее одной из важных покровительниц и защитниц на море и во вновь созданных городах.

Боспор: территориальное государство и полис

На протяжении последних полутора – двух десятилетий отечественные антиковеды прочно усвоили, что *πόλις* – не «город-государство», а прежде всего гражданская община (В этом особая заслуга Г. А. Кошленко (1979 С. 5 сл., 1980 С. 3-28), заострившего внимание на данном вопросе). Более того выяснилось, что греческий полис совсем не обязательно имел городской центр, который сопровождался монументальным архитектурным убранством, крепостными стенами и проч. С другой стороны, важным было также осознание, что не всякий урбанистический центр был полисом. Вполне возможно, что один полис мог иметь (и примеры тому известны) несколько городских центров. В зависимости от конкретно-исторических условий складываются различные сочетания правового положения и «внешнего облика» городов и городков в рамках одного полиса.

Теоретические изыскания привлекли внимание и специалистов по истории Боспора. После долгого безразличия к проблеме о судьбах полиса (Так или иначе, этого вопроса касались В. Ф. Гайдукевич (1949 С. 27–30), Д. П. Каллистов (1949 С. 78), С. А. Жебелев (1953 С. 68, 159), К. М. Колобова (1953), В. Д. Блаватский (1959 С. 11), Н. К. Сопова (1970), И. Г. Шургая (1977 С. 38), Ю. Г. Виноградов (1983 С. 369 сл.), Ф. В. Шелов-Коведяев (1985 С. 51, 55) и др.), наконец, появились работы (Ю. А. Виноградов (1992 С. 21–22, 1993 С. 79–95, 1995 С. 65–68, 1995 а, С. 152–160, 1999 С. 101–115, 2000 С. 27–232, А. А. Масленников (1996), Е. А. Молев (1997 С. 5–10), В. Д. Кузнецов (1999 С. 66–67), Г. Р. Цецхладзе (1999 С. 193–200) и др.) в которых предпринимаются попытки решить вопрос, какие упомянутые античными писателями населенные пункты (их около 3-х десятков), были полисами. До этого момента в большинстве случаев ограничивались констатацией того, что на Боспоре были крупные города (такие, как Пантикапей, Фанагория и т. п.) и так называемые «малые города» (например, Тиритака или Мирмекий). В этот список попадали и населенные пункты, о которых ничего определенного ни по литературным свидетельствам, ни по данным археологии сказать невозможно, даже такие – как Акра (Strabo XI, 2, 8), – про которые в античной традиции сообщалось, что это *κόμμη*? Впрочем четких критериев для различения этих двух категорий предложено не было. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что очень четко вопрос о полисном статусе боспорских городов ставил С. А. Жебелев (1953 С. 68, 159), считая, что из них «лишь четыре могут с полной

достоверностью быть названы колониями, выведенными на Боспор милетский Пантикапей теосская Фанагория милетская Феодосия, милетская (или митиленская) Гермонасса с меньшей уверенностью к этим четырем колониям можно присоединить пятую – милетские Сады (Κήποι)”” (Синдскую Гавань, Киммериду и Танаис, согласно письменной традиции (Ps -Scytn Per 889. 836 sq , Strabo XI 2 3) Жебелев (1953 С 62-63) считал продуктом внутренней боспорской колонизации) За рамками этого списка остался Нимфей, впрочем учитывая рассуждения С А Жебелева об измене Гилона (Жебелев, 1953, С 180 слл), по-видимому, исследователь не отказывал в полисном статусе и этому городу

Спустя годы к данной проблеме в серии статей и заметок вернулся Ю А Виноградов Определив критериями полиса а) прямые указания письменных источников о выведении колоний, б) сохраненный эпиграфическими и литературными памятниками демотикон, в) городские чеканки монеты, Ю А Виноградов приходит к заключению, что только Пантикапей, Феодосия, Нимфей Фанагория, Гермонасса и Кепы могут с полным основанием считаться полисами (Разумеется, речь об апойкиях возникших в ходе Великой греческой колонизации по нумизматическому признаку и по наличию демотикона в этот перечень добавляется Горгиппия Вопрос о статусе Киммерика Азиатского, Синдской Гавани (и ее соотношения с Горгиппией – см Завойкин 1998 С 134-145) и Танаиса по указаниям источников об их ктизме мы тоже оставляем за рамками) Правда исследователь вполне резонно отмечает “Что касается остальных боспорских городов то считать их автономными центрами нет особых оснований хотя разумеется и здесь могут быть какие-то исключения ’ (Виноградов 1995 С 68)

Оценив по достоинству строгость подхода к проблеме должен однако напомнить, что Ю А Виноградов строит выводы на избранных (хотя и самых показательных) критериях Для утверждения что только эти шесть городов Боспора были полисами, необходимо было бы во-первых использовать данные всех источников в полной мере а во-вторых, – и это самое главное – подойти к проблеме конкретно-исторически мы не в праве отрицать вероятности, на которую указывал еще Д П Каллистов (1949 С 78) что некоторые апойкии возникшие как полисы в ходе колонизации со временем утратили таковой статус «деградировав» по той или иной причине Этот тезис останется лишь умозрительной гипотезой если не подкрепить его конкретными материалами Но прежде, чем обратиться к его аргументации хотелось бы внести некоторые коррективы в схему Ю А Виноградова, опираясь на те же критерии, которыми оперирует он сам

Исследователь не обратил внимания на эпитафию из Тамани Исократу ахиллийцу (Αχιλλήϊ(ωι) Σρ St Byz s v Αχιλλεῖος δρόμος имя жителей Ахиллеона – Αχιλλειώτης, Αχιλλεΐτης Часто искусственные ἔθνικá Стефана Византийского, конечно же, не могут служить подспорьем в поисках реальных демотиконов КБН 1059), датированную по характеру письма V-IV вв до н э Один этот факт дает основания предполагать, что Ахиллий, упомянутый Страбоном (Strabo VII, 4, 5, XI, 2, 6, 8) как κώμη в ранний период был полисом

Говоря о демотиконе как критерии полисного статуса безотносительно времени Ю А Виноградов упустил из виду что приведенные им сведения в эпиграфических памятниках самого Боспора распадаются на два хронологических пласта IV в до н э (главным образом его первая половина) и I в до н э – первые вв н э (Начиная с эпохи Митридата VI – постановление совета и народа фанагорийцев о наемниках 88/7 г до н э – см Ю Г Виноградов 1991 С 14–33) Столь значительный временной «зазор» заставляет думать, во-первых, что в этот период на Боспоре сложились условия которые не стимулировали употребление демотикона гражданами на самом Боспоре, а во-вторых что за этот длительный отрезок времени некоторые «потенциальные» полисы могли сойти с исторической арены и потому не проявить себя в новый период расцвета городской жизни (как Пантикапей, Фанагория, Горгиппия, Гермонасса Ганаис) При том необходимо подчеркнуть что ранее рубежа V-IV вв до н э мы вообще не знаем упоминаний ἔθνικá боспорцев (впрочем, исключая сведения Гекатея Милетского (дошедшие отрывочно в выдержках Стефана Византийского) и письменная традиция освещает данный вопрос начиная с 3-й четверти IV в до н э Это необходимо помнить) Вхождение полисов в состав Боспора а вернее – их насильственное подчинение в конце V – начале IV вв до н э (Позднее – только Феодосия и Синдская Гавань 2-я четверть IV в до н э) могло столь существенно повлиять на их судьбы (о Синдской Гавани и Киммериде см Завойкин 1998 С 142–145, 1999 С 114–122) что нет ничего удивительного в том, что некоторые из них если не вовсе канули в Лету, то были лишены даже остатков полисного самоуправления

С другой стороны, за пределами Боспора его жители начиная с 1-й половины III в до н э начинают именоваться «боспоритами» (МИС 4 11 и др., Завойкин 1994 С 68) Ф В Шлов-Коведяев (1985 а С 72), исходя из того что в декретах Левкона I предоставляется полития без ограничений (как ателія – «на всем Боспоре»), делает вывод об «общебоспорском гражданстве» уже в 1-й половине IV в Закономерен вопрос не являются ли выход из употребления демотикона и формирование общебоспорского гражданства двумя сторонами одной медали?

За пределами Боспора демотикон жителей его городов – явление редкое. Во всех случаях оно связано с культовой жизнью. Дважды упомянуты жители Пантикапея (МИС 21–14), положение которого в государстве Спартокидов всегда было особенным, один раз – нимфант (МИС 58). Но важнее, что первые два документа датируются соответственно второй половиной III в и 195/4 г до н.э., а посвящение нимфанта на Делосе – самым концом II в до н.э. (видимо, уже при Митридате VI).

Трудно ли при подобных обстоятельствах допустить, что даже те города (полисы), что пережили вхождение в Боспорское государство, просто не оставили следов своего существования в эпиграфических памятниках?

Говоря о статусе боспорских городов, нельзя обойти вниманием перечень полисов Эвксинского податного округа, плативших форос в казну I Афинского морского союза в 425/4 г. В их числе (МИС 1) реконструируются имена Гермонассы, Ким(мерика) (конечно, азиатского – см. Завойкин 1997, С. 130–136) и Пат(рея). Пожалуй, здесь не место обсуждать надежность реконструкции. Мне она представляется весьма убедительной, а альтернативы никто предложить не смог (Крайние скептики предпочитают игнорировать восстановление У Келлера). Следовательно, предложенный Ю. А. Виноградовым перечень следует расширить еще двумя полисами.

Киммеридой и Патреем, которые, кстати говоря, пережив ряд катаклизмов, прекратили свое существование около середины I в до н.э. (см. Завойкин А. А. 1999, С. 114–122). Возможно, та же участь постигла и располагавшийся с ними по соседству на Фанталовском п-ове Ахиллеон – «Ахиллово селение» Страбона).

На первых подступах к проблеме апойкии – полиса, конечно же, необходимо установить разумные хронологические рубежи (см. Кошеленко, Кузнецов 1992, С. 23–24; Яценко 1983, С. 138–140; Ю. А. Виноградов 1983, С. 368–370). Большинство исследователей сходятся на том, что Великая греческая колонизация затронула северо-восток Понта на поздних своих этапах, в целом не выходя за пределы VI в до н.э. Выделяются этапы колонизации (времени лидийского и персидского нашествия), на характеристике которых я позволю себе не останавливаться. Считается также, что приток греческого населения на Боспор Киммерийский в более позднее время (например, после разгрома ионийского восстания 494 г до н.э.) не имел следствием образование самостоятельных апойкии, но распределялся в уже существовавших полисах или же апойкии расселялись на новых землях, становясь гражданами старых полисов. Е. А. Молев (1997, С. 6–7; Прим. 11) полагает, что в этом процессе особо активную роль играл Пантикапей, причем в таковой функции он на правах старейшей и

наиболее сильной колонии стал выступать еще в VI в до н э. В любом случае за пределами круга интересующих нас «городов» мы можем оставить те, что были основаны позже VI в до н э (я бы предложил ограничиться периодом до 3-й четверти VI в до н э включительно, поскольку ни один достоверно известный полис не был основан позднее). Большинство (т е кроме Фанагории и Синдской Гавани – Анапского поселения) они основаны в 1-й половине VI в до н э), но и те, что появились раньше – не могут быть автоматически определены как полисы. Однако число тех, что известны по письменным источникам и археологически, не столь уж велико.

Среди них – *Мирмекий*. До того, как выяснилось, что мелкие серебряные монетки с изображением муравья на аверсе конца VI-V вв до н э (анэпиграфные, а позднее с легендами ΠΑ – ΠΑΝΤΙ и ΑΠΟΛ) являются младшими номиналами чеканки Пантикапея и храма Аполлона (союза боспорских городов) (См Анохин 1986 С 7–8, 10, 27; Фролова 1992 С 205–207, 1996 С 48), исследователи держались мнения, что это автономная монета Мирмекийского полиса (см Шелов 1956 С 29). Независимо от того считали они, что название города происходит от слова «муравей» от личного имени или же – подводного рифа (см Жебелев 1953 С 303 сл., Гайдукевич 1949 С 166). Однако теперь в полисном статусе Мирмекию отказано. Правда, исследователь отмечает: «Конечно, нельзя полностью исключать возможности образного переосмысления любого топонима, в том числе и названия поселения» (Ю А Виноградов 1987 С 173, 1992 С 99).

Изначально Н А Фролова (1988 С 130–132) считала, что «муравей» – эмблема Мирмекия – фигурирует на пантикапейских монетах ввиду того, что между городами был заключен монетный союз, но потом изменила свою точку зрения. По-моему, напрасно. По какой бы причине не именовался так Мирмекий, более чем вероятно, что его гербом был «муравей». Пожалуй, здесь уместно вспомнить, что муравьи для греков – не только символ трудолюбия, многочисленности и богатства, но и связи с хтоническим миром и Ахиллом (в таком именно контексте понимают находку геммы с изображением муравья С Б Охотников и А С Островерхов 1993 С 81), который, согласно поздней античной традиции (Лев Диакон, Ист IX 6 со ссылкой на перипл Арриана), родом был из Мирмекия. (В данной связи трудно не припомнить, что напротив Мирмекия, с другой стороны пролива располагался город, названный именем героя, как по материнскому, так и по отцовскому родословию – бога мертвых. По просьбе деда Ахилла Эака Зевс превратил в людей (мирмидонян) муравьев и заселил ими Эгину). Очевидно, цикл представлений о связи этих мест с Ахиллом восходит к эпохе колонизации северной окраины ойкумены.

Но в таком случае почти невозможно представить чтобы «муравей» на мелком серебре Пантикапея появился случайно, не в какой-либо связи с лежащим в 5 км к северо-востоку Мирмекием. Если же это действительно так то данные монеты указывают на то, что в конце VI - начале V в до н э на тех или иных условиях произошло объединение двух полисов (синойкизм ?) Эмблема Мирмекия фигурирует и на монетах с АПОЛ середины – 3-й четверти V в до н э, что видимо, указывает на то что к тому времени она имеет уже технический характер (Сохраняется же она вплоть до того времени, когда в качестве разменной монеты начинает чеканиться медь – появление типа «голова сатира» на аверсе)

Корокондама Страбон вероятно следуя сведениям Артемидора Эфесского (конец II в до н э) называет Корокондаму *κόρινθ*. Однако такое же наименование у него имеют и Киммерик Ахиллеон и Патрей (см Завойкин А А 1999 С 116-119) (Мирмекий назван *κόρινθ* и *πολίχμιον*

Strabo XI 2 6, VII, 4, 5) Локализуется Корокондама в районе м Тузлы. Принято считать, что поселение затоплено морем. Однако на суше остался обширный некрополь, в котором имеются значительное число погребений VI-V вв до н э начиная с рубежа 1- 2-й четверти VI века (см Сорокина 1957 наиболее ранние материалы из него датируются ок 580–560 гг до н э см Кузнецов 1991 С 34) Учитывая что на Таманском п-ове (и на Боспоре в целом) для данного периода не известны внегородские некрополи да и в них исключая Кепы захоронения архаического периода единичны, (особняком стоит некрополь поселения у пос Пересыпь – Паромов Сударев 2000 С 209 впрочем, самые ранние погребения в нем относятся к концу VI – началу V вв до н э) можно сделать вывод что данный некрополь принадлежал значительному центру. Недавно Н И Сударев попытался выделить в погребальном обряде боспорских некрополей черты имеющие отношение к культу Аполлона Врача – исконного покровителя милетских колонистов в Северном Причерноморье (Сударев 1999 С 219-224 речь идет о символических наборах наконечников стрел в погребениях) Согласно наблюдениям автора, в Тузлинском некрополе (Корокондамы) такие черты вполне выражены (Сударев 1999 С 225) Корреляция полученных результатов с данными письменной традиции и керамической эпиграфики заставляет со внимание отнестись к выводам исследователя. Если же это в самом деле так выходит, что Корокондама либо основана непосредственно милетянами либо же появилась вследствие внутренней колонизации близлежащей милетской колонии. Из известных нам апойкий Милета на Азиатском Боспоре – только Кепы (Ps -Scymn Per 899, Plin NH 6, 18, Ps -Agr PPE 74 – между Корокондамой и Кепами располагались Фанагория (примерно с 543 г) и Гермонасса (со 2-й четверти VI в до н э))

Однако, как отметил Н И Сударев (1999 С 225–226), в погребальном обряде некрополя поселения у пос Пескокарьер (Кепы) черты почитания Аполлона Врача как раз не прослеживаются. Наконец, если говорить о «внутренней колонизации», сама хронология памятников тому противоречит (Основание Кеп В Д Кузнецов (1991 С 34) датирует 80–70 гг VI в до н э). По-видимому, чуть ранее интересующего нас периода был основан милетянами только Пантикапей (по В Д Кузнецову (1991 С 33) – на рубеже 1-й и 2-й четвертей VI в до н э). Назывались и более ранние даты этого события – см, напр Блатский 1964 С 15 последние десятилетия VII – первые десятилетия VI в до н э. Однако поскольку нас интересует относительная дата, я предпочитаю держаться единой системы датировки, предложенной В Д Кузнецовым). Но я совершенно исключаю вероятность, что едва возникнув, эта апоклия была способна сама выселить часть населения через пролив. Иначе думает Е А Молев (1997 С 6).

По-видимому приведенных примеров вполне достаточно, чтобы сделать вывод: реальная картина колонизации области Боспора Киммерийского была много сложнее, чем представляется исследователям, опирающимся только на прямые свидетельства источников о полисном статусе боспорских «городов». Следует подчеркнуть, что решать вопрос о полисе «вообще», на Боспоре «в целом» – дело неблагодарное, ибо судьба полисов в разные исторические эпохи была различна. Соответственно, и подход должен быть конкретным. Приведенные случаи подтверждают, что одни наиболее значительные полисы (Пантикапей, Фсадосия, Нимфей, Фанагория, Гермонасса, Кепы, Синдская Гавань–Горгиппия, Танаис) в тех или иных (по-видимому, различных) формах сохраняют свой статус в изменяющихся условиях на протяжении всей своей истории. Другие (в их числе – Мирмеккии, Корокондама, Ахиллий, Киммериды, Патрейи и, возможно, иные) со временем не только меняли свое положение в составе Боспорского государства вследствие разных причин, но иногда даже прекращали свое существование. Самым важным фактором, который необходимо здесь учитывать, является вхождение некогда автономных полисов (больших и малых) в состав территориального государства Спартокидов в конце V – I-й половине IV в до н э. Но эта увлекательная тема выходит за рамки данной публикации.

**О возможности персидского протектората над Боспором
(по поводу статьи: Федосеев. 1997)**

Ни один письменный источник не сообщает о той или иной форме подчинения персам полисов или племен Северного Причерноморья. Тем не менее, возможность персидского влияния в этом регионе (в том числе и политического), учитывая могущество персидской державы, вовсе не исключена. И не случайно в последнее время появился ряд работ, возрождающих гипотезу о возможности политической гегемонии Персии в регионе, известную еще с XIX века. При этом современные исследователи берут за основу своих аргументов либо анализ уже известной информации письменных источников (Кошселенко 1999 С. 130–141. Аргументацию этого автора, на мнение которого также ссылается Н. Ф. Федосеев, мы рассмотрели отдельно См. Молев 2001), либо привлекают весь комплекс письменных и археологических данных. Из последних наиболее полно концепция подчинения Боспора Ахеменидам изложена в вышеупомянутой статье Н. Ф. Федосеева, рассмотрению аргументации которого и посвящена наша работа.

Автор излагает свою точку зрения, весьма своеобразно интерпретируя информацию античных авторов современников той эпохи. Начинает он издали с того, что греческие припонтские города имели тесные географические, экономические и политические связи с городами Малой Азии, а, стало быть, и были вовлечены в политические и социальные процессы, которые происходили в этом регионе (Федосеев 1997 С. 309). Положение более чем спорное, поскольку общеизвестно, что политически все причерноморские колонии были совершенно независимы даже от своих метрополий и уж тем более, от тех регионов, где были расположены эти последние. У нас нет никакой информации нарративных документов о том, чтобы они принимали какое-либо участие в политических и социальных событиях в Малой Азии как регион.

Продолжая свою линию, автор далее пишет, что в подчиненных персами малоазийских греческих городах были про- и антиперсидские партии и слои, и что борьба против Ахеменидов не всегда преследовала чисто освободительные цели. Аргументация этого положения ограничивается ссылкой на далеко не бесспорную статью М. Ю. Лаптевой (Лаптева 1981 С. 23). Но дело даже не в этом. Ситуация и в подчиненных персам городах и в независимых от них основанных или еще до подчинения их метрополий персам или в результате нежелания попасть в такое подчинение – вовсе не аналогична.

Тем более что речь идет об эллинских полисах которые при всех прочих равных условиях всегда стремились к автономии а не к подчинению кому бы то ни было

Далее в развитии мысли автора о возможной зависимости причерноморских греков от персов следует как якобы на аналогичный случай, ссылка на сообщения Геродота об уплате колхами добровольных даров и поставке ими вспомогательных отрядов в армию персов (Hdt III, 97, VII, 79) При этом почему-то совершенно игнорируется указание того же автора и в том же пассаже "ведь до этого хребта и простирается власть персов, от Кавказа же по направлению к северному ветру, персам никто не подчинен"

Упоминание приказа Дария I каппадокийскому сатрапу Ариарамну о набеге на северное побережье Черного моря, автор использует как аргумент в пользу признания притязаний персов (*der Anspruch der Perser*) на эту область Хотя из сообщения об этом факте Ктесия Книдского следует лишь то, что и данный набег и последующий поход Дария были направлены против скифов, а вовсе не на подчинение греческих городов Причем поход самого царя оказался неудачным Так что выводить из этого факта притязания персов на владение этим регионом вряд ли уместно

Последним из нарративных источников которыми автор пытается обосновать свое предположение является краткое сообщение Плутарха об экспедиции Перикла По его мнению (Федосеев 1997 S 316) целью этой экспедиции было освобождение полисов от персидского влияния Далее со ссылкой на предположение Ю Г Виноградова допускается возможность посещения Периклом северного Понта что также связывается с персидским влиянием в этом регионе Но, во-первых, из слов Плутарха на которые ссылается автор вовсе не следует, что экспедиция была предпринята с той целью о которой он думает Более того в той же главе Плутарх прямо говорит, что Перикл не давал себя увлечь, когда его сограждане хотели поднять восстание в приморских областях владений персидского царя А его вмешательство в дела Синопы и Амиса, скорее, можно расценить как слабость власти персов над этими городами и отсутствие у них прямой заинтересованности в такой власти А значит, выводить отсюда вероятность подчинения персам и сходного положения Боспора и Ольвии в то время нет оснований И ссылка на исследование Ю Г Виноградова тут не выручает поскольку это тоже не более чем предположение

И это, из сведений античных авторов, все, чем автор стремится аргументировать постановку вопроса о вероятности подчинения Причерноморья Ахеменидам Очевидно, что приведенная автором аргументация о вероятности значительного персидского политического влияния в Северном Причерноморье по материалам нарративных

источников не выглядит убедительной и не дает решительно никаких оснований для заявления о подчинении северного региона Понта Персии. Более того, нарративные источники дают достаточно веские аргументы против возможности предполагаемого влияния. Можно вспомнить сообщение Фукидида – жившего в то время, о котором пишет автор: «А с этим (скифским – *Е М*) царством не могут сравниться не то что народы Европы, но даже и в Азии нет такого народа, который один на один мог бы противостоять скифам, если бы все они были единоклюшны» (II, 97, 6). А также информацию Диодора, пользовавшегося, кстати, отличной от Геродота, но все же местной литературной традицией. Он сообщает, что «скифы еще в древности приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса» (II, 43, 2). Все это автор предлагаемой концепции подчинения Северного Причерноморья персам, почему-то совершенно игнорирует.

Попытка автора подкрепить и развить свою концепцию с помощью археологических свидетельств без твердой поддержки ее информацией нарративных документов выглядит также недостаточно весомой. К сожалению, в тезисах нет возможности оценить все аргументы автора. Да этого и не требуется, если обратить внимание на методику его работы. Аргументируя свою точку зрения, он обычно ссылается на работы других исследователей или на тезисы своих докладов. Спорить с тезисами нет смысла, так как они не содержат развернутой аргументации. Ссылки же на труды предшественников, как показывает внимательное прочтение их работ, далеко не всегда соответствуют выводам автора.

Так, например, для поддержания своей гипотезы автор указывает на находки известных двух персидских резных печатей царя Артаксеркса, колец и гемм с восточными мотивами на Боспоре (Федосеев 1997, S. 310–311), тьццкого грузила в Ольвии с клеймом в виде перса, проверяющего наконечник стрелы. В первом случае он принимает абсолютно никак не аргументированную точку зрения В. К. Шилейко, публиковавшего эти памятники, а вовсе не исследовавшего их как исторические источники. Далее следуют также ссылки на публикации и серьезное монографическое исследование М. И. Максимовой (кстати, ссылки здесь все неточные). Однако наиболее обоснованное мнение – мнение М. И. Максимовой только мимоходом упоминается и игнорируется. А между тем, очень высокая степень вероятности поступления этих изделий через Синоп или Амис (равно как и чеканку монет Датама, аналогичную которым автор видит в оттиске на клейме грузила в этих городах) что показывает М. И. Максимова, не дает оснований говорить ни о каком, и тем более прямом, политическом влиянии персов. Гораздо более вероятно появление этих изделий в Северном Причерноморье как следствие

интересов неких конкретных лиц – торговцев и покупателей. В противном случае, можно признать и подчинение поздних сарматов Китаю, по находкам китайских зеркал в сарматских погребениях.

Другой аргумент автора – нумизматика, также дается преимущественно со ссылками на работы М. И. Ростовцева и В. А. Анохина. Отталкиваясь от их взглядов, автор считает, что эмблемы на монетах Пантикапея – лев и орлиноголовый грифон не греческие, а заимствованы из Персии, переход чеканки монет на Боспоре на персидский стандарт, примерно, с 490 г. означал и политическое подчинение Боспора Персии, изображение на боспорской монете IV в. до н.э. № 86 (Анохин 1986 С. 24) полумесяца, как символа Ахеменидов, невозможность золотой чеканки на Боспоре до Левкона I, поскольку она являлась прерогативой персов и чеканка Оливной монет с эмблемой «орел на дельфине» – все это также аргументы политической зависимости Северного Понта от Персии.

В первом случае автор ссылается на мнение М. И. Ростовцева. Однако, с тех пор вышло достаточно много специальных исследований по семантике образов грифона, льва и оленя (Доватур, Каллистов, Шишова 1982 С. 257), из которых следует, что эти образы вовсе не исключительно персидские. Да и сам факт присутствия образов льва и грифона в греческой мифологии, т.е. задолго до начала боспорской чеканки вполне достаточен, чтобы выводить их использование в боспорской нумизматике по собственным соображениям боспорских греков, а не под влиянием их зависимости от персов.

Переход чеканки монет Боспора на персидский стандарт также не может быть использован для аргументации персидского политического влияния на Боспор, ибо в данном случае боспорские монетарии исходили, несомненно, из своих экономических интересов, поскольку основным их торговым контрагентом в то время были эллинские города, входящие в состав персидской державы. В противном случае и перевод Солоном афинской монеты с того же эгинского на эвбейский стандарт следовало бы расценивать как следствие политической зависимости Афин от Эвбеи.

Пока четко не доказано подчинение Боспора персам, говорить о зависимости золотой чеканки здесь от персидского царя также не имеет смысла. И, таким образом, единственный аргумент в пользу ахеменидского влияния на монетное дело Боспора, который может приниматься во внимание – это единственный тип монет с дополнительной эмблемой в виде полумесяца на реверсе. Но этого явно недостаточно для выведения отсюда политической зависимости Боспора от Персии.

Аргументация автором своей идеи об образе «орел, клюющий дельфина» оригинальна, но не более того. Во-первых, таковая присутствует только на монетах греческих городов и совершенно

отсутствует в собственно персидской нумизматике. Во-вторых, орел священная птица Зевса и нет никаких оснований, ни в трактовке этого образа на ольвийских монетах, ни в политических событиях в Ольвии того времени искать иных объяснений, и тем более связывать изображение орла с воплощением персидского бога войны.

За неимением возможности в кратких тезисах рассмотреть все аргументы автора, ограничимся в данном контексте лишь приведенными. Прочие будут рассмотрены в докладе. Здесь же отметим, что все они свидетельствуют только об одном – экономических и культурных связях античных городов Северного Причерноморья со своими партнерами в Малой Азии, через которых они почерпнули и некоторые элементы Ахеменидской культурной традиции. И не более того.

Литература

- Анохин 1986 – В. А. Анохин. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Доватур, Каллистов, Шишова 1982 – В. А. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова. Народы нашей страны в истории Геродота. М., 1982.
- Кошеленко 1999 – Г. А. Кошеленко. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999.
- Лаптева 1981 – М. Ю. Лаптева. Являлись ли персидские налоги причиной восстания ионийских городов в 449–494 гг. до н. э. // Античная древность и средние века. Свердловск, 1981.
- Молев 2001 – Е. А. Молев. Диодор как источник о подчинении Боспора Ахеменидам // Власть и общество в античности. СПб., 2001.
- Федосеев 1997 – Н. Ф. Федосеев. К вопросу об ахеменидском влиянии на историческое развитие североионийских греческих государств // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 1997. Bd. 29.

С. Д. Крыжицкий, К. К. Марченко

К вопросу о наиболее ранних строительных комплексах северопричерноморских греков

В последнее время историография раннего железного века Причерноморья обогатилась рядом новых идей и разработок, существенным образом меняющих сложившиеся ранее представления о конкретном ходе темпах и самом характере древнегреческой колонизации в отдельных районах этого обширного региона античного пограничья (см. например Кошеленко, Кузнецов 1990, Виноградов, Золотарев 1990, Цецхладзе 1997, Виноградов 1999). Впрочем, даже в первом приближении далеко не все из них могут быть признаны

безусловно удовлетворительными. Среди последних в первую очередь, по всей видимости, следует назвать вполне оригинальное исследование В. Д. Кузнецова, посвященное детальному рассмотрению основных аспектов проблемы облика наиболее ранних типов греческого жилища Северного Причерноморья (Кузнецов 1995). При этом, как очевидно, весь пафос данной работы был направлен на системный анализ практически всей совокупности опубликованных на тот день археологических материалов – наблюдений и представлений – так или иначе связанных с фактом необычайно широкого распространения на территории первых эллинских колоний названного региона весьма специфического вида строительных комплексов – так называемых землянок и полуземлянок. Заметим сразу, что в настоящее время такую направленность исследования можно только приветствовать. В самом деле, вопросы генезиса, типологии, культурной принадлежности и функционального назначения подавляющего большинства заглубленных в землю сооружений греческих памятников Северного Причерноморья позднеархаического времени до сих пор представляют одну из самых головоломных и, к сожалению, все еще трудно разрешимых загадок античной археологии пограничья. Достаточно напомнить, что в научной литературе на сей счет вполне комфортно сосуществуют самые разнообразные точки зрения, представляющие, как казалось еще недавно, едва ли не весь теоретически допустимый спектр мнений. В этом отношении новая разработка В. Д. Кузнецова может быть в первом приближении воспринята как настоящий прорыв в совершенно ином, не традиционном направлении. На поверку как бы оказывается, что «Землянки и полуземлянки не имеют ни одного ярко выраженного критерия, в соответствии с которым можно говорить о них как о жилье» (Кузнецов 1995, С. 115), а все остатки наиболее ранних строительных комплексов – суть «углубления и сооружения для обработки сельскохозяйственной продукции, хранения запасов продовольствия, помещения для ремесленной деятельности и т. д. Тем самым заключает исследователь, «гипотеза о полуземлянках и землянках как первых жилищах греческих переселенцев не может считаться в необходимой степени обоснованной» (Кузнецов 1995, С. 116). Не трудно заметить, что такой поистине неожиданный вывод автора (напомним, что еще сравнительно недавно В. Д. Кузнецов, ничуть не сомневаясь в факте широкого распространения землянок, был вполне убежден в их эллинской принадлежности (1992, С. 43) – напрочь снимает с повестки дня саму проблему существования на античных поселениях Северного Причерноморья позднеархаического периода каких бы там ни было заглубленных в землю жилых комплексов греков или варваров. Любопытно отметить также, что уже само по себе принятие этого тезиса ставит исследователей такого рода памятников в крайне

парадоксальное положение поскольку совершенно очевидное отсутствие сколь-либо значимых следов жилых домов первых колонистов выполненных в типично греческой строительной традиции в самых ранних слоях подавляющего числа античных поселений этого региона может привести к выводу и об изначальном отсутствии там постоянного населения. Ничего к сожалению не проясняет в данном случае и замечание автора, абсолютно убежденного в практически тотальной гибели такого рода построек в процессе более поздних нарушений свиты культурных напластований многослойных памятников (Кузнецов 1995 С 107 сл.), поскольку в окрестностях Ольвии и Березани давно известны многочисленные стационарные (NB¹) и, заметим, однослойные греческие и греко-варварские поселения позднеархаического времени почти сплошь застроенные грунтовыми сооружениями различного облика. Но дело не только в этом. Есть все основания полагать, что и современная методика раскопок, и огромный опыт, накопленный современными археологами при изучении многослойных античных городов, в принципе должны были бы позволить зафиксировать даже самые незначительные остатки наиболее ранних наземных сырцово-каменных жилищ первой волны колонистов (см также Виноградов 1999 С 107). Однако приходится признать что этого, столь ожидаемого всеми открытия, до сих пор почему-то не произошло. Разумеется все выше сказанное не следует расценивать как полное отрицание всех идей заложенных в структуру уже не раз цитируемой работы В. Д. Кузнецова. Это – не более чем естественный скепсис в жизнеспособности предлагаемого решения сложнейшей задачи определения базовых функций древнейших землянок и полуземлянок античных колоний Северного Причерноморья. Со своей стороны авторы настоящего доклада настаивают на несколько иной трактовке обозначенной проблемы, базируясь при этом на всей совокупности данных и наблюдений, полученных в течение многолетних археологических изысканий в Северном Причерноморье. На основании сопоставительного анализа накопленных материалов имеются все основания полагать, что среди весьма многочисленных (насчитывающих несколько сотен) грунтовых сооружений позднеархаического периода существования античных поселений в настоящее время можно уверенно выделить строительные комплексы как жилого, так хозяйственного и производственного назначения. При этом необходимо отметить все же что вполне надежное определение такого рода комплексов в качестве долговременных жилищ возможно ныне лишь в относительно редких случаях и только при фиксации целого ряда диагностирующих признаков. В их числе к примеру можно назвать наличие или отсутствие в них остатков каменных, сырцовых или каркасно-

столбовых стен, глинобитных полов, конических ямок от опорных столбов перекрытия, «жертвенных» столиков, т.н. лежанок, стационарных печей кухонной и столовой керамики обнаруженной *in situ* и т.д. Другое дело – вопрос об этнокультурной принадлежности земляных структур. Уже сам факт практически полного отсутствия сколь-либо заметных следов наземных сырцово-каменных построек на территории античных аполоний Северного Причерноморья первой половины-середины VI в. до н.э., равно как и весьма продолжительный период постоянного воспроизводства землянок и полуземлянок в этой части античной ойкумены (примерно около 60–75 лет) не оставляет сомнений в том, что последние по большей части должны быть так или иначе связаны с жизнедеятельностью греческих колонистов, что, разумеется, не исключает присутствия среди их насельников выходцев из варварского хинтерланда (ср. Бутягин 1997 С. 98).

Литература

Бутягин 1997 – А. М. Бутягин. О переходе к каменному домостроительству на городище Мирмекий // *Stratum +* СПб. Кишинев, 1997.

Виноградов 1999 – Ю. А. Виноградов. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum 3* СПб. Кишинев, Одесса, 1999.

Виноградов, Золотарев 1990 – Ю. А. Виноградов, М. И. Золотарев. Древнейший Херсонес // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990.

Кошелевко, Кузнецов 1990 – Г. А. Кошелевко, В. Д. Кузнецов. Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990.

Кузнецов 1992 – В. Д. Кузнецов. Раскопки в Кенах 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Кузнецов 1995 – В. Д. Кузнецов. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // Боспорский сборник. М., 1995. Вып. 6.

А. М. Бутягин

Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие)

Раскопки последних лет во многом прояснили раннюю историю многих памятников античного Боспора. Однако остается еще много неясного. Долгое время в отечественной науке дискутировался вопрос относительно происхождения земляночных построек. Сейчас большинство ученых, на мой взгляд, вполне справедливо склоняется к греческой принадлежности большинства заглубленных комплексов. Тем не менее, не до конца понятны причины появления и происхождения этого типа построек на Боспоре и в Северном Причерноморье в целом.

В этой работе я хотел бы изложить некоторые свои соображения относительно происхождения этого типа построек на античных памятниках

Прежде, однако, необходимо кратко остановиться на некоторых других проблемах тесно связанных с рассматриваемым вопросом. Во-первых, в своем сообщении я буду употреблять термин "землянка" для общего обозначения заглубленных построек (как землянок, так и полуземлянок), отделяя их от остатков наземных домов. Во-вторых, необходимо остановиться на мнении, что все "землянки" являются подвалами или полуподвалами наземных домов или результатами ошибочных раскопок (Кузнецов 1995 С 116). Представляется, что сейчас, когда на античных памятниках открыто более 200 землянок разнообразной конструкции, относящихся к нескольким хронологическим периодам, какие-либо сомнения должны отпасть. Наконец, чрезвычайно важен вопрос о том, какова этническая принадлежность обитателей землянок. Большинство исследователей придерживается мнения, что землянки были первыми постройками греческих поселенцев (см. например, Виноградов 1992 С 101–103, Толстиков 1992 С 59–62, Крыжицкий 1993 С 40–43), однако, существует и противоположное мнение, что заглубленные постройки принадлежат местному населению Северного Причерноморья, а греки бывали в них только эпизодически (Соловьев 1993 С 42). В данной связи, можно заметить, что археологический материал из поздних землянок и первых наземных домов не фиксирует каких-либо серьезных изменений в керамическом комплексе, что вряд ли может говорить о смене населения (Бутягин 1997 С 96–97). Некоторые детали интерьера и находки из землянок (например жаровни из амфор, обломки греческого вооружения, большое количество столовой керамики и т.д.) однозначно свидетельствуют о том, что в них в течение долгого времени обитали именно греческие колонисты. Известно, однако, что сразу после основания колонии греки обычно начинали возведение оборонительных стен и жилых домов, часто многокамерных. В связи с этим для ряда ученых представляется невозможным строительство греками землянок, при наличии прекрасных мест добычи камня часто вблизи, если не на самой территории поселения.

Вопрос о причинах появления земляночного домостроительства до сих пор не решен. Существует множество объяснений этого феномена, многие из которых вполне могут соответствовать действительности. Мнение о том, что землянки были более удобны из-за сурового климата, уже давно отвергнуто, так тогда к строительству наземных сооружений вообще бы не перешли. Заслуживает интереса идея об ионийском характере колонизации, которая предполагает восприятие ионийскими колонистами местной строительной традиции.

(т.е. земляночной) Предполагается, что греки заимствовали у местного населения, если не непосредственно форму землянок, то саму идею земляночного домостроительства.

В этой связи чрезвычайно важным становится сравнение построек на греческих и варварских памятниках с целью выяснения сходства и различия традиции строительства земляночных сооружений. На данный момент, не смотря на многочисленные раскопки и публикации раскопок на разнообразных степных и лесостепных поселениях, опубликовано всего около трех десятков (если не менее) землянок, открытых на этих памятниках. Среди неопубликованных раскопок можно упомянуть хотя бы Трахтемировское городище, практически полностью раскопанное Г.Т. Ковпаненко. Здесь открыто более десятка землянок. Такая же ситуация на Западном Бельском городище. Знакомство с этим материалом, а также с немногочисленными опубликованными комплексами позволяет сделать некоторые выводы.

Самые ранние землянки на территории лесостепи возникают, судя по данным Г.И. Смирновой, около середины VII в. до н.э. или чуть раньше. Первые достоверно датированные греческие землянки относятся ко времени рубежа VII–VI вв. до н.э. (Соловьев 1993, С. 40–42). В принципе, судя по хронологии, заимствование вполне возможно. Обратимся к устройству землянок. На варварских памятниках одновременно встречены заглубленные постройки как четырехугольной, так и круглой формы. Многие четырехугольные постройки являются слабо заглубленными наземными, однако на Трахтемировском городище была открыта настоящая землянка. На греческих памятниках также встречены постройки четырехугольной и круглой формы, иногда выделяются и овальные землянки. Однако если средняя площадь греческих землянок колеблется в пределах 4–14 кв. м (например, в Ольвии площадь землянок колеблется от 9 до 14 кв. м (Крыжицкий 1993, С. 42), на Березани очень немногие четырехугольные постройки превышают 12 кв. м, а круглые редко имеют диаметр свыше 3 м (средняя площадь 3–14 кв. м, большинство 3–6 кв. м, 9–14 – немного (Соловьев 1989), то же самое можно сказать и о Боспоре, где средняя площадь открытых построек еще меньше). Землянки, открытые на Немировском, Трахтемировском, Западном Бельском, Матронинском городищах, значительно большего размера. Большинство из них достигает 5 или 6 м в диаметре (Смирнова 1996а, С. 185, 1996б, С. 69–70, Шрамко 1987, С. 38–55, также благодарю за консультации С.С. Бессонову, И.Б. Шрамко, Г.Т. Ковпаненко). Конечно, встречаются и круглые постройки небольшого диаметра, но их несоизмеримо меньше. Естественно, мы можем отыскать примеры крупных землянок и на античных памятниках, однако, как те, так и другие постройки являются скорее исключением, чем правилом.

То же самое можно сказать и относительно внутреннего устройства землянок. Как в античных, так и варварских постройках имеются ямки от столбов поддерживавших кровлю помещения. В греческих землянках диаметр этих ямок колеблется от 5 до 20 см, хотя в редких случаях, например на хоре Ольвии, встречаются более крупные ямки (Сельская округа Ольвии 1989 С 41–51). На лесостепных памятниках диаметр столбов обычно близок к 20 см или больше. Особенно это относится к столбам расположенным в центре землянки, которые должны были выдержать вес крыши достигавшей значительной площади (Немировское, Зап. Бельское городища). Достаточно часто встречаются следы от ямок расположенных по окружности, впрочем, это бывает и на античных памятниках, хотя и значительно реже. Более любопытно то, что сохранившиеся редкие стены античных полуземлянок как правило сложены из сырцового кирпича, в то время как варварские постройки имели плетневые стены обмазанные глиной. То же самое можно сказать и о больших наземных постройках, как например, открытая на Мотронинском городище (Скорый, Бессонова 1996 С 223–224). В Фанагории открыты подобные строения, правда, несколько иные в плане но относящиеся уже к V в. до н.э. (Долгорукий, Колесников 1993 С 113–131). Приступки и входы, открытые на варварских памятниках либо не имеют ступеней, либо они крайне неаккуратны.

Очень характерной деталью внутреннего устройства землянок является очаг. Они сделанные непосредственно на полу помещения, найдены в большинстве варварских землянок и часто достигают весьма значительных размеров. В то же время, в греческих землянках очаги довольно редки. Судя по данным С. Л. Соловьева, на Березани очаги встречены только в 1/9 землянок (Соловьев 1989). На Боспоре из 20 открытых землянок только в одной обнаружен очаг (она заметим, скорее всего была сооружена носителями Кизил-Кобинской культуры) (Butjagin 1998 Р 61–70). Греки чаще всего пользовались переносными жаровнями, две из которых были открыты *in situ* в одной из мирмекийских землянок.

Любопытно, что глинистые промазки пола считаются в античных землянках одним из признаков жилого помещения (хотя это далеко не всегда так, иногда пол у явно хозяйственной землянки покрыт очень толстыми промазками, но в большинстве случаев этот признак срabатывает), в то же время на Западном Бельском городище промазками покрыты полы исключительно хозяйственных построек.

Отметим также, что с определенного момента борта греческих землянок (обычно один-два) начинают обкладываться камнем, что отсутствует в степи – лесостепи и фиксируется только несколько позднее на Елизаветовском городище (Марченко, Житников, Копылов 2000 С 92–114), что, скорее всего, объясняется как раз греческим влиянием.

В редких случаях мы можем констатировать значительное сходство греческих и варварских построек. Однако это относится, в основном к небольшим округлым землянкам, лишенным всяких деталей внутреннего устройства, что вряд ли существенно. Отметим, что в IV–III вв. до н.э. на античных сельских поселениях строятся четырехугольные землянки значительной площади, что говорит об изменениях, как в греческой, так и в варварской традиции.

Несомненно, некоторые землянки на греческих памятниках были построены представителями варварского населения. Это, в частности, можно сказать об обеих землянках, открытых в Нимфее (Butjagin 1998, Р. 61–70). Их могут отличать как особенности конструкции, так и весьма значительная доля лепной керамики среди находок из заполнения.

Тем не менее, разные строительные традиции видны достаточно ясно. Можно утверждать, что эллинская и варварская традиции земляночного домостроительства не были связаны между собой и развивались параллельно, хотя какие-либо взаимовлияния в ходе сосуществования греков и варваров возможны. Конечно, не следует думать, что традиция греческого земляночного домостроительства сформировалась непосредственно в ходе колонизации Северного Причерноморья. Она явно имеет более глубокие корни. В доказательство более позднего существования в Греции землянок можно привести знаменитый пассаж Павсания о полисе Панопей, где местные жители живут в землянках. Буквально фраза Павсания звучит так (я благодарю за помощь в переводе С. Р. Гохтасьева): «а живут они в крытых углублениях, напоминающих горные лачуги». О живучести традиции земляночного домостроительства в греческой среде говорит и то, что к ней не раз возвращались, например, после потрясений первой половины V в. до н.э. и гибели некоторых кварталов Мирмекии и Пантикапея, вновь строятся несколько четырехугольных землянок (Виноградов 1992, С. 107; Толстиков 1992, С. 76–77). А на хоре Боспора землянки, похоже, активно строились в IV–III вв. до н.э. и позже (Соловьев, Бутягин 1998, С. 138–148).

Литература

- Бутягин 1991 – А. М. Бутягин. О переходе к каменному домостроительству на городище Мирмекии // *Stratum+ПАВ*, СПб., Кишинев, 1997.
- Виноградов 1992 – Ю. А. Виноградов. Мирмекии // *Очерки археологии и истории Боспора*, М., 1992.
- Долгоруков, Колесников 1993 – В. С. Долгоруков, Г. Б. Колесников. Новый тип строительных комплексов в Фанагории // *РА*, 1993, № 1.
- Крыжицкий 1993 – С. Д. Крыжицкий. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Кузнецов 1995 – В. Д. Кузнецов. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // *Боспорский сборник*, 1995, № 6.

- Марченко, Житников, Копытов 2000 – *К К Марченко В Г Житников В П Копылов* Елизаветовское городище на Дону М , 2000
- Сельская округа Ольвии 1989 – *С Д Крыжицкий, С Б Буйских, I В Бураков, В М Отрешко* Сельская округа Ольвии Киев, 1989
- Скорый, Бессонова 1996 – *С А Скорый С С Бессонова* Жилищно-хозяйственный комплекс Мотронинского городища // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи Полтава, 1996
- Смирнова 1996 а – *Г И Смирнова* Предварительные данные о Немировском городище // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи Полтава, 1996
- Смирнова 1996 б – *Г И Смирнова* Немировское городище – общая характеристика памятника VIII–VI вв до н э // Археологія 1996 № 4
- Соловьев 1989 – *С Л Соловьев* Строительные комплексы арханческой Березани (анализ архитектурно-строительных традиций) Диссертация на соискание уч степ к и н Л 1989
- Соловьев 1993 – *С Л Соловьев* О формировании городской и полисной структуры Березанского поселения // Петербургский археологический вестник СПб , 1993 № 3
- Соловьев Бутягин 1998 – *С Л Соловьев I М Бутягин* Землянки на хоре Нимфея // РА 1998 № 2
- Толетников 1992 – *В П Толетников* Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора М , 1992
- Шрамко 1987 – *Б А Шрамко* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) Киев, 1987
- Butjagin 1998 – *I М Butjagin* Achaic dug-outs at Nymphaion // Archeologia Warszawa, 1998 I XLVIII

М Ю Вахтина, Ю А Виноградов

Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского

В отечественной античной археологии сложилась любопытная ситуация, когда, с одной стороны, наличие оборонительных сооружений на греческих поселениях считается важным показателем их функционирования в сложных условиях Северного Причерноморья но, с другой – почти единодушно признается, что до конца первой трети V в до н э греки довольствовались естественной укрепленностью мест выведения колоний. Отсутствие более ранней фортификации, также как и отсутствие следов масштабных пожаров на поселениях рассматривается при этом в качестве одного из свидетельств о мирном характере колонизации северного берега Понта. Не оспаривая, в целом, этого устоявшегося в науке утверждения, хотелось бы указать, что гипотеза о неукрепленности греческих поселений на начальном

этапе их истории, на этапе их адаптации к местным условиям в известном смысле, является результатом сравнительно плохой изученности ранних напластований почти всех античных городищ Северного Причерноморья. На наш взгляд, какие-то укрепления должны были иметь все крупные греческие поселения с самого момента их основания, в особенности это должно относиться к району Боспора Киммерийского, отличавшегося непростой военно-политической и демографической ситуацией. Многолетние целенаправленные исследования арханческих слоев двух 'малых' городов Европейского Боспора, Мирмекия и Порфмия, проводившиеся Боспорской археологической экспедицией ИИМК РАН (ЛОИА АН СССР), привели к ряду важных открытий в том числе, и в области ранней фортификации. Предварительные сообщения об этих открытиях уже были опубликованы, но в научной литературе они еще не получили должной оценки, - многие исследователи относятся к факту существования ранних укреплений на боспорских поселениях в высшей степени скептически. В этом отношении авторы считают своим долгом заявить, что за годы, которые прошли с момента первых сообщений об арханческой фортификации Мирмекия и Порфмия, не появилось каких-либо фактов, которые противоречили бы сделанным тогда заключениям. Исследования 1991–1994 гг. на городище Мирмекия позволили сделать вывод, что возвышенная часть поселения (т.н. акрополь) была укреплена уже во второй половине VI в. до н.э. может быть, ближе к середине столетия. Остатки укреплений представляют собой каменные стены, точнее, каменные цоколи стен, поверх которых шла сырцовая кладка (рис. 1). Ширина стен – 1 м, общая выявленная длина сооружений – около 20 м. Укрепления перекрывали доступ наверх 'акрополя' в удобных для этого местах, примыкая к обрывистым выходам скалы. Понятно, что при такой ситуации было невозможно выдержать одну линию на сравнительно больших участках, - стена делала изломы (1, 2 и 3 м в длину), отступающие от основной трассы под прямым углом. Таким образом были созданы конструкции типа бастионов, башен. Ранняя фортификация Мирмекия еще не знала. Исследования на городище Порфмия в 1986–1992 гг. позволили также выявить следы ранних оборонительных сооружений. В северо-восточной части плато, на котором расположен этот памятник, был раскрыт фрагмент цоколя древнейшей оборонительной стены (т.н. 'восточная оборонительная стена') идущей с севера на юг по естественному склону поверхности (рис. 2). Цоколь был сложен из крупных плит известняка, длина его около 13 м, высота – до 1,2 м. Судя по сохранившимся развалам, верхняя часть стены была сложена из сырца. Южная ее часть была пристроена к огромным естественным скальным выходам в юго-восточной части плато, инкорпорированным

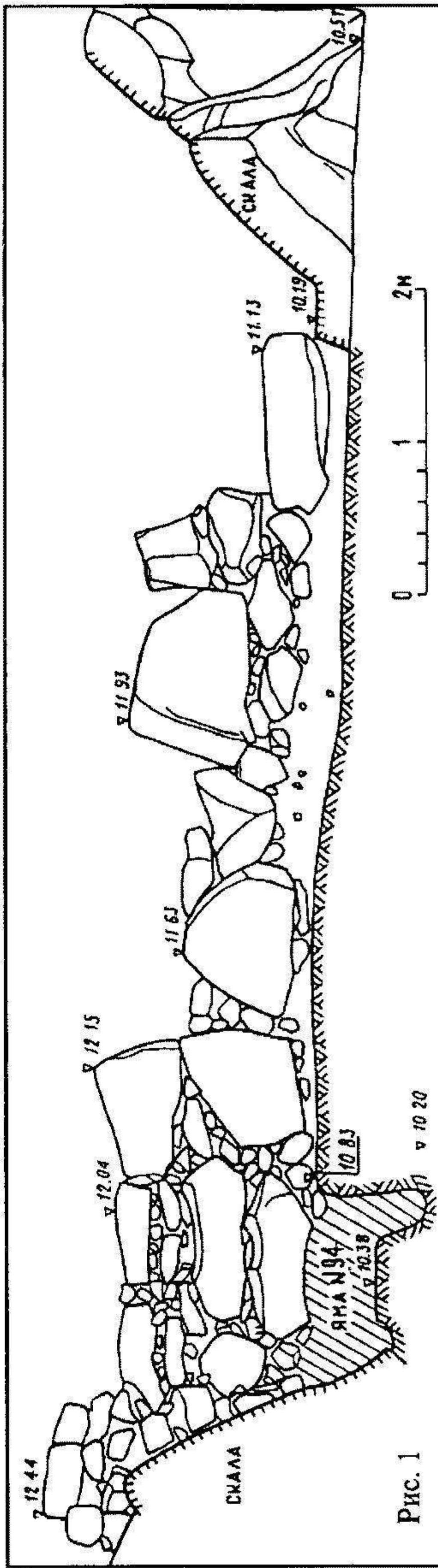

Рис. 1

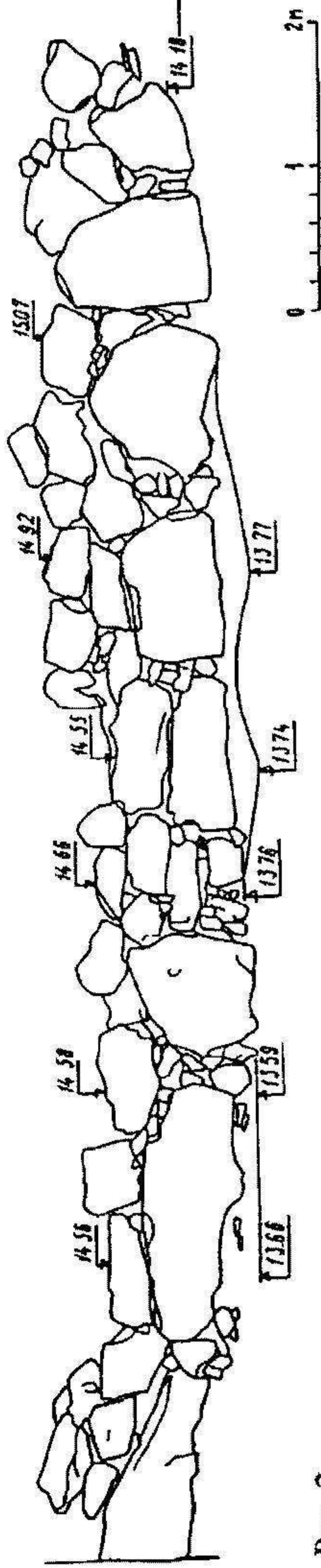

Рис. 2

Рис. 1 - фрагмент фасада цоколя архаической оборонительной стены по трассе древнейшей фортификационной линии Мирмекия,
 Рис. 2 - фасад цоколя «восточной» архаической оборонительной стены Порфмия

в оборонительную систему и образующим напоминающую бастион конструкцию. В южной части памятника также были выявлены следы укреплений (т.н. "южная оборонительная стена"). Они были возведены вдоль южной границы плато, имеющего здесь довольно крутой склон. При сооружении стены здесь были широко использованы природные скальные выходы известняка, пространство между ними заполнялось более мелкими камнями, сверху природные скальные глыбы "достраивались" кладкой из более мелких камней и (судя по развалам) сырцовых кирпичей. К сожалению, эта оригинальная конструкция сохранилась лишь фрагментарно, хотя трасса ее четко прослеживалась по всей площади раскопа (примерно на 20 м в длину) по южному краю плато. К сожалению, поверхность на южной окраине Порфмия сильно пострадала от перекопов времен Великой Отечественной Войны, так как линия "румынских" укреплений на этом участке следовала трассе античной архаической линии обороны. Небольшой фрагмент цоколя ранней оборонительной стены был выявлен в процессе исследования юго-западной окраины Порфмия, на этом участке его конструкция и облик абсолютно идентичны тем, которые были зафиксированы для ранних оборонительных стен Мирмекия. О дате возведения и функционирования древнейших фортификационных сооружений Порфмия можно судить на основании находок из "слоя катастрофы", выявленном по трассе оборонительных стен. В числе этих находок - фрагментированные восточногреческие амфоры, лежавшие *in situ* обломки ранней расписной керамики. Эти вещи можно датировать в пределах второй половины VI в. до н.э. - самого начала V в. до н.э., в самом конце VI в. до н.э. с внутренней части стены был пристроен большой наземный жилой комплекс. Имеющийся в нашем распоряжении археологический материал, очевидно, дает основания полагать, что древнейшие оборонительные сооружения Порфмия существовали во второй половине VI в. до н.э. Примечательно, что в горелом слое, лежащем за пределами "восточной оборонительной стены" были обнаружены 15 обожженных фрагментов человеческого черепа. Эти находки в слое пожара архаического времени, очевидно, позволяют судить о вражеских набегах на городище в столь раннее время, следующий, более поздний слой разрушений в Порфмии датируется, как и на многих других боспорских поселениях, концом первой трети V в. до н.э. Очень показательна кладка цоколей ранних оборонительных сооружений Мирмекия и Порфмия. Она состоит из крупных необработанных камней известняка, часто уложенных прямо на скалу и обложенных мелкими камешками. От этого кладки имеют очень необычный, почти мозаичный вид, что сближает их с каменными обкладками бортов архаических землянок. Следует подчеркнуть, что более поздние кладки обоих городищ имеют совсем другой характер.

Примечателен и весьма выразителен тот факт, что типы кладок древнейших оборонительных стен Мирмекия и Порфмня наиболее близки строительной традиции, выявленной при раскопках грандиозных архаических оборонительных стен древней Смирны в Северной Ионии

В П Толстиков

**Археологические открытия на акрополе Пантикапея
и проблема боспорско-скифских отношений в VI–V вв. до н.э.**¹

Прошло более двадцати лет со времени выхода в свет работы Ю Г Виноградова (Vinogradov 1980 S 69 f), безвременно ушедшего из жизни, в которой впервые был четко сформулирован и высказан тезис об изменении общей военно-политической ситуации в Северном Причерноморье в связи с коренными переменами в скифском обществе. Эти перемены, по мнению автора, были обусловлены консолидацией скифов перед лицом угрозы персидской экспансии и последовавшим около 519–510 гг до н.э. разгромом военной экспедиции царя царей Дария I объединенными силами скифских племен.

Одним из следствий этих драматических событий центр которых лежал в западной и северо-западных областях Понтийского региона, стало то обстоятельство, что на какое-то время стратегические интересы скифского племенного союза оказались связаны преимущественно с этими областями. На рубеже VI–V столетий номады, предводимые скифами царскими, совершают серию походов против племен лесостепи, Одрисского царства фракийцев, ставят под свой контроль эллинские полисы Ольвию и, по-видимому, Никоний (Виноградов Ю Г 1989 С 81–109).

Подобно кругам по воде от брошенного камня отголоски этих коллизий прокатились по всему Северному Причерноморью и, достигнув пределов Киммерийского Боспора, могли отозваться здесь чередой военных походов и набегов номадов на поселения хоры и города эллинов и земледельцев-синдов. Прямое подтверждение тому мы находим, в частности, в известном пассаже Геродота (IV, 28) относительно регулярных зимних походов скифов через замерзший пролив на Таманские земли бывшие в древности группой островов (Вахтина, Виноградов, Рогов 1980 С 157).

В свое время мною была предпринята попытка воссоздания военно-политической ситуации на Боспоре в рассматриваемый период, исходя из анализа той суммы фактов, прежде всего археологических, которыми располагала наука к началу 80-х годов XX столетия.

(Толстиков 1984 С 24–48) На тот момент культурные напластования и строительные остатки конца VI – первой половины V вв до н э были зафиксированы и в той или иной степени исследованы на поселениях Европейского Боспора Киммерик (холм А), у поселка Геросвское на городище Нимфеи на поселениях Андреевка Южная и Южно-Чурубашское на городищах Тиритака Пантикапей, Мирмекий и Порфмий, на поселении на мысе Зюк на городищах Азиатского Боспора Гермонасса, Фанагория, Кспы. То есть речь шла о тринадцати древних населенных пунктах лежавших по обеим сторонам пролива. Было отмечено, что в 7 из указанных 13 пунктов в слоях рассматриваемого периода выявлены следы пожаров и разрушений. Кроме того, обращалось внимание на отсутствие следов каких-либо оборонительных сооружений, которые можно было бы датировать временем ранее первой четверти V века до н э. В то же время в контексте предлагаемого варианта исторической реконструкции было отмечено, что в трех пунктах, а именно в Тиритаке, Мирмекии и Фанагории, фиксируются остатки оборонительных стен, возведенных впервые именно в первой половине V столетия. Приводились и факты обнаружения в слоях пожаращ предметов оружия, и засвидетельствованный археологически факт интенсивного производства многочисленных предметов вооружения в Пантикапее (Толстиков 1984 С 31–32).

Интенсивные археологические исследования последних лет не внесли сколь-нибудь серьезных коррективов в ту историческую картину, которая была предложена в Ю. Г. Виноградовым, поддержана Ф. Б. Шоловым-Коведяевым (Шолов-Коведяев 1985) и, как представляется, подкреплена и детализирована автором этих строк.

Следует отметить, впрочем, что не все исследователи восприняли предложенную историческую реконструкцию. В ходе развернувшейся дискуссии были сделаны попытки интерпретировать указанные выше археологически фиксируемые факты разрушений, пожаращ с находками оружия, возведение оборонительных стен в ряде эллинских центров Боспора, как, например свидетельства внутрибоспорских межполисных конфликтов. Попытка критики этой концепции была предпринята С. Р. Тохтасьевым (См также Васильев 1992 С 111–128). Приводились и соображения относительно того, что сравнительно немногочисленные и небольшие боспорские полисы первой половины V века вряд ли были в состоянии выдержать натиск основных сил царских скифов. Оба этих довода, на мой взгляд, не выдерживают критики а, кроме того, противоречат друг другу.

Во-первых, на начальном этапе своей истории боспорские полисы вряд ли стояли перед проблемой стенохорнии – основной возможной причиной межполисных конфликтов, поскольку территорий хор было вполне достаточно для обслуживания сравнительно малочисленного

их населения. Следовательно, одна из основных причин межполисных конфликтов еще отсутствовала. Предполагать, что Пантикапейская община на столь раннем этапе имела силы и возможности для ведения агрессивной, завоевательной политики по отношению к соседним боспорским полисам также нет никаких оснований. В то же время имеются достаточно веские причины считать, что, напротив, полисы Боспора, испытав на себе первый натиск номадов, около 480 года до н.э. сплотились перед лицом общей угрозы вокруг пришедших к власти пантикапейских Археанактидов в рамках симмахии (Виноградов Ю. Г. 1995. С. 16–17).

Представляется, что эта военная угроза реализовывалась в сериях рейдов-набегов номадов (как в летний-осенний, так и в зимний периоды) грабивших и разорявших прежде всего неукрепленные поселения хоры и еще не имевшие оборонительных стен малые города Боспора. Нет основания считать, что против боспорских эллинов действовали основные силы скифов, которые, как было отмечено выше, концентрировали свою активность в западном – северо-западном районах Причерноморья. Вероятно, речь в данном случае может идти о набеге каких-то новых групп крымских кочевников, появившихся в крымских степях на рубеже VI–V столетий (Колотухин 2000. С. 68–69), которым противостояли объединенные силы боспорских эллинов и, вероятно, союзных синдюв.

О том, что набеги кочевников на первых порах были весьма опасны, свидетельствуют все новые данные и наблюдения, сделанные в ходе раскопок последних лет. Весьма показательны в этом отношении результаты раскопок в Порфмии, Тиритаке и Мирмекии.

В Порфмии открыты остатки довольно монументальной кладки оборонительной стены, сооруженной с учетом рельефа местности, в частности, с активным использованием выходов материковой скалы включенных в трассу оборонительной системы города. Показательна стратиграфическая ситуация, связанная с этими ранними укреплениями, сооружение которых открывшая и исследовавшая их М. Ю. Вахтина относит к первой четверти V в. до н.э. Подошва кладки покоится на материке, перекрытом слоем конца VI – начала V вв. до н.э. с пожарным слоем. Очевидно, что стена была сооружена вскоре после пожара, имевшего место на поселении где-то в начале I-й четверти V века. Спустя относительно непродолжительный промежуток времени, вероятнее всего в начале 2-й четверти этого столетия, город переживает новую катастрофу, которая также сопровождается пожаром.

Аналогичная картина зафиксирована и для Тиритаки (Гайдукевич 1952. С. 72–89). Здесь, раскопками на западной границе раннего поселения, установлен факт разрушения и гибели в пожаре (с находками бронзовых наконечников стрел скифского типа) около 480 г. до н.э.

двух зданий, сохранившиеся внешние западные стены которых были вскоре, для экономии времени и строительных материалов, включены в трассу вновь сооруженной оборонительной стены (Толстиков 1984 С 28–29)

Раскопки Мирмекия, проводившиеся под руководством Ю. А. Виноградова, также дали весьма показательный материал. Здесь удалось открыть как значительный отрезок монументальной стены акрополя которую исследователь считает возможным датировать еще последней четвертью VI в до н э, так и фрагмент кладки городской оборонительной стены, толщиной до 3 м, возведенной не позднее 2-й четверти и просуществовавшей до середины – 3-й четверти V столетия (Виноградов Ю А 1992 С 106–107). Наличие столь ранних укреплений акрополя в этом сравнительно небольшом населенном центре Европейского Боспора может указывать на то, что его обитатели учитывали возможность военной угрозы и постарались обезопасить важнейший, центральный район поселения, где, по-видимому, были сосредоточены основные сакральные сооружения полиса. Это открытие важно и в типологическом отношении, поскольку оно впервые фиксирует сам факт существования акрополей на Боспоре в архаический период. Открытие же фрагмента ранней городской стены служит, несомненно, еще одним веским подтверждением наличия серьезной военной угрозы для городов Боспора именно в первой половине V в до н э.

До недавнего времени вопрос о существовании ранних укреплений в Пантикапсе – крупнейшем центре Боспора, ставшим впоследствии его столицей, оставался в области гипотез. Интерпретация В. Д. Блаватским развала кладки №115 из крупных глыб, открытого на Эспланадном раскопе в 1949 году, в качестве забутовки городской оборонительной стены, вызывает сомнения (Блаватский 1951 С 215).

Представляется, что новейшие исследования Боспорской экспедиции I МИИ им. А. С. Пушкина позволяют пролить свет на этот вопрос. Многолетние раскопки на так называемом западном плато вершины Первого кресла горы Митридат, то есть в самом центре городища, на широких площадях открыли и исследовали культурные напластования и строительные остатки раннего периода, в том числе и последней четверти VI – первой половины V вв до н э.

Это дает возможность воссоздать архитектурный облик и проследить эволюцию системы застройки значительной части центрального района Пантикапея.

Выход раскопками на обширный участок северного склона западного плато и открытие здесь замыкающей его, хорошо сохранившейся монументальной кладки, усиленной бастионообразным выступом, которую можно рассматривать в качестве цоколя

сырцово-кирпичной оборонительной стены, впервые дает основания для решения принципиального вопроса о времени возведения первых укреплений акрополя, их характере и о самом факте существования акрополя Пантикапея в столь ранний период. Рассмотрим более подробно эти строительные объекты.

Прежде всего обращает на себя внимание явное наличие ортогональности в системе планировки этой фазы второго строительного периода со стремлением к ориентации построек по странам света. Несмотря на то, что ортогональность эта носит локальный характер и говорить о регулярной планировке всего района застройки на западном плато в целом не приходится, отчетливо выступает тенденция к ориентации сооружений по странам света и четкой привязке их к существующим трассам улиц.

К настоящему моменту с высокой степенью надежности уже могут быть намечены два основных, так сказать структурообразующих участка, формировавших систему застройки этого центрального района Пантикапея в последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э.

Композиционным и, очевидно функциональным центром всей системы застройки служило круглое в плане здание, то есть *толос* – монументальная постройка довольно редкой для эллинской архитектуры формы.

Участок на котором размещался толос был ограничен с трех сторон с восточной – зданием располагавшимся вдоль главной улицы по оси север-северо-восток – юг-юго-запад и имевшем как минимум, два смежных помещения, с южной стороны толоса, по трассе восток-запад, шел переулок образовывавший перекресток с названной улицей. Наконец, примерно в 7 м к северу, участок с толосом ограничивала монументальная стена, идущая по трассе восток-юго-восток – запад-северо-запад. Эта стена образована четырьмя последовательно стыкующимися между собой отрезками кладок, каждый из которых имеет различную конструкцию. Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело с тщательно спланированной и сооруженной трассой монументальной ограды, образовывавшей северный рубеж участка с толосом.

Как было отмечено, к востоку от толоса выявлены остатки постройки, образованной рядом смежных прямоугольных помещений, расположенных вдоль западного края главной улицы. Хотя внешняя восточная стена этого здания сохранилась фрагментарно, наблюдения сделанные в ходе раскопок позволяют предполагать, что эта стена продолжалась вдоль трассы улицы в северном направлении, где она сохранилась и прослежена на протяжении 15 м. Примечательно, что монументальная северная ограда участка с толосом будучи

конструктивно связана с этой стеной, шедшей вдоль западного края улицы, отходила от нее перпендикулярно в западном направлении. Все сказанное определенно указывает на то, что мы имеем дело с остатками сооружений, возведенных по единому, достаточно сложному и развитому плану.

С южной стороны толоса проходил переулок. Вдоль южной стороны этого переулочка размещалось обширное здание, общая площадь которого составляла 120 кв м. Это здание, которое далее будет именоваться как многокамерный комплекс I (МК I), имело в плане трапециевидные очертания. Вдоль восточной его стороны располагались два смежных помещения: помещение I – трапециевидной в плане формы площадью около 15 кв м и помещение 2 – квадратное в плане (4,5 x 4,5 м) площадью 20,25 кв м. Западная – большая часть здания была разделена внутренними стенами-перегородками на еще одно помещение, располагавшееся в северо-западном углу – помещение 3, площадью 29,5 кв м, а также внутренний двор площадью около 22 кв м и проход шириной 1,3 м при длине 5 м. Центральная часть внутреннего прямоугольного двора была замощена мелкими плитами известняка и щебнем.

Остатки глинобитных полов удалось выявить во всех помещениях МК I.

Внешние стены МК I, сооруженные из сырцового кирпича, вероятно с использованием деревянных закладных элементов, покоились на каменных цоколях. Предполагаемая первоначальная высота цоколей могла составлять не менее 1 – 1,2 м.

С трех сторон – западной, восточной и северной здание было обрамлено улицами, замощенными щебнем и дробленой керамикой, которые образовывали перекрестки у северо-западного и северо-восточного его углов.

К югу от МК I также были выявлены участки культурных напластований рассматриваемого периода.

Находки из слоя, связанного с функционированием и разрушением перечисленных монументальных сооружений, представляют исключительный интерес. Они не только обильны и разнообразны, не только содержат высокохудожественные и даже уникальные образцы, но и позволяют в известном смысле приблизиться к решению вопроса о функциональном назначении построек, в которых они обнаружены.

Кроме того, поскольку на данном участке западного пласта в некоторых случаях удалось дифференцировать два слоя, а именно слой, связанный с последним периодом функционирования системы застройки, включавшей МК I, толос и относящихся к ним трассу улиц, а также слой, образовавшийся в результате жизнедеятельности непосредственно на руинах этих зданий. Таким образом, первый из

них связан с завершением фазы 3 второго строительного периода и датирует ее, а второй – относится уже к *третьему строительному периоду*

В слое, относящемся к завершению фазы 3 второго периода неоднократно удавалось зафиксировать плотно утопанные (хоженые) горизонты с характерно залегающими, вдавленными плашмя обломками керамики. Примечательно, что этот слой образовался не в результате единовременного разрушения или пожара, но накапливался постепенно, по мере обветшания и частичной выборки стен зданий, перекрывая местами остатки их не до конца разрушенных цокольных кладок, полы помещений и вымостки улиц.

Слой содержал следующие датированные находки, которые группировались, преимущественно в помещениях МК I, а также на участке к северу от него и к югу от толоса.

В помещениях МК I были найдены фрагменты ионийской расписной керамики и аттических чернофигурных сосудов, отличающихся разнообразием форм и сюжетов (килики, ойнохон, ольпы, амфоры, кратеры с изображениями дионисийского круга, грифонами, сценами терзания львами быка, сценой прощания воина).

Уникальная находка была сделана во дворе МК I, где обнаружено около сотни обломков массивной керамической ванны для омовений, толщина стенок которой достигала 3-5 см. Удалось восстановить почти всю торцевую и частично боковую стороны ванны, относящейся, по видимому, к ваннам сидячего типа. Внутренняя поверхность ее имеет покрытие в виде бурого водоотталкивающего ангоба. Ванны такой формы широко применялись в греческом мире и многократно встречались при раскопках в различных регионах ойкумены. Тем не менее, пантикапейская ванна должна быть признана уникальной. Во всяком случае, многолетние поиски не дали ни одного примера декора, аналогичного тому, который украшает внешнюю поверхность нашей ванны.

Край ее оформлен массивным, отогнутым наружу карнизом, украшенным рельефными овами и жемчужником, который включает также и расчлененную по вертикали округлыми выступами "ручку", располагавшуюся, вероятно, в центре на тыльной стороне. Ниже, под карнизом, внешняя поверхность ванны разделена на пять горизонтальных рельефных фризов. Верхний из которых декорирован лесбийским киматнем. Ниже идет фриз из чередующихся пальметт и цветов лотоса, под ним – овы, обрамляющие фриз, в котором с высоким мастерством и экспрессией изображены мчащиеся вправо, одна за другой, колесницы-биги, управляемые возницами. Снизу этот сюжетный главный фриз обрамлен декоративным поясом из овов. Ниже поверхность ванны расчленена рельефными горизонтальными

валиками, которые охватывали снаружи это уникальное керамическое изделие имитируя по-видимому крепежные металлические обручи. Все элементы декора ванны выполнены на высоком художественном уровне с помощью набора специальных штампов-матриц.

Характер расположения декора позволяет считать, что ванна не предназначалась для значительного заглубления ниже уровня пола, но могла возвышаться изолированно, на некотором удалении от стен помещения, чтобы зритель имел возможность кругового ее обзора.

Все сказанное, на мой взгляд, свидетельствует в пользу того, что данное уникальное, может быть выполненное по индивидуальному заказу в одной из мастерских Малой Азии и специально привезенное керамическое изделие, предназначалось не для обычных бытовых нужд, но должно было использоваться для общественных или сакральных целей – для священных омовений лиц жреческого сословия или магистратов.

В этой связи особое внимание обращает на себя то обстоятельство, что находка фрагментов уникальной ванны была сделана в многокамерном здании I, расположенном в непосредственной близости от толоса и образывавшего с ним единый архитектурный ансамбль. Можно предполагать и функциональную связь между этими постройками.

Следует подчеркнуть, что в древнегреческой архитектуре толос относится достаточно редкому типу зданий общественного характера, связанных либо с отправлением культов, как, например, в святилище Кабириов в Фивах (Seiler 1986 S 25–39) либо с функционированием полисных магистратов, как на Афинской агоре (Seiler 1986 S 29–35).

Обращает на себя внимание довольно близкое сходство в планировочном и конструктивном отношении сооружений на западном плато вершины Первого кресла горы Митридат и комплекса зданий на одном из участков Афинской агоры – толоса, сооруженного около 465 г до н э на месте разрушенного персами Пританея и располагавшегося севернее старого булевтерия (Bildlexikon 1971 S 192–193, Abb 252, 253, 254, S 553–554, S 557, Abb 695 – план участка).

Таким образом, есть основания полагать, что на западном плато Первого Кресла Митридата в центральной части Пантикапея, к началу первой четверти V в до н э функционировал и был архитектурно оформлен какой-то важный общественный центр полиса. В этой связи особое значение приобретают результаты раскопок на северном склоне этого плато.

Здесь в пределах раскопа Центральный-Северный полностью открыт еще один многокамерный комплекс (МК II), связанный в планировочном и конструктивном отношении с мощной кладкой №204. Стены МК II сложены в перевязь с этой кладкой и она, таким образом, служит для него внешней стеной.

В плане МК II имеет очертания вытянутого прямоугольника протяженностью 18 м по оси восток-запад при ширине 6 ? м. Западным торцом он пристроен к скальному массиву.

Монументальная кладка №204 практически на всем протяжении МК II сохранилась на полную высоту, составляющую 18 м. Она сложена из наломов известняка полигональной и кубической формы с суммарно подтесанными внешними фасадами. Длина большинства камней лежит в пределах 0,7 – 1 м при высоте 0,8–0,6 м. В целом же впечатление от этой кладки настолько монументальное, что ее можно назвать “псевдоциклопической”. Толщина фундамента кладки №204 достигает 1,6 м.

В помещениях МК II были открыты остатки трех уровней глинобитных полов. Два нижних горизонта содержали керамический материал, позволяющий датировать время сооружения и первый период функционирования МК II началом – первой четвертью V в до н.э. Кроме того, например, непосредственно на полу в помещении 3 венцом вниз стояло горло хиосской амфоры (тип IV-1 по Абрамову, конец VI – начало V вв. до н.э.), использованное в качестве очага.

Как следует из анализа датирующего материала МК II, а, следовательно, и кладка №204, были воздвигнуты и существовали в начале V в до н.э., то есть в *фазе 3 второго строительного периода*, совместно с ансамблем толоса. Уточнить время сооружения монументальной стены и связанного с ней МК II позволяет и материал из слоя заполнения подвального помещения, открытого в 1998 году непосредственно перед внешним северным фасом стены. Помещение, засыпанное в момент возведения этой монументальной стены, имеет в плане очертания прямоугольника. Стенки облицованы каменной кладкой, в восточной стене имеется входной проем с каменной лестницей. В заполнении подвала обнаружены две стоящие амфоры самосская, начала V века до н.э. (Dupont 1998 P 168–169 Fig 23 9 (b–c)) а также амфора, близкая по форме к амфорам афинского комплекса Q12/3 (Dupont 1998 P 189 Fig 23 13).

Поскольку монументальная стена №204 и МК II замыкают с севера западное плато Первого кресла, мы впервые получаем возможность воссоздать более или менее целостную картину планировки большей части данного центрального района *фазы 3 второго строительного периода*, то есть в тот период, когда Пантикапейское поселение из ионийской апойки превращалась в городской центр полиса.

В этот ключевой период развития Пантикапея в структуру застройки его центрального района входили следующие архитектурные сооружения: толос с ограждавшей его участок системой помещений и стен, многокамерный комплекс I формирующаяся уличная сеть, а также мощная, “псевдоциклопическая” стена с пристроенным к ней МК II и ряд других смежных построек.

На мой взгляд в кладке №204 можно видеть часть ранней фортификационной системы акрополя защищавшей западное плато с северной стороны. Предположение о ее оборонительном назначении получает дополнительное подтверждение благодаря наличию в пункте соединения стены со скальным массивом прямоугольного в плане бастионообразного выступа выдвинутого к северу на 2,6 м.

Начало *третьего периода* функционирования, характеризующегося перепланировкой и перестройкой рассматриваемых сооружений, относится к хронологическому отрезку от 480 г до н.э. до середины V века до н.э.

Фаза I этого периода весьма показательна в контексте нашего исследования поскольку фиксирует наличие и сосуществование сооружений, так сказать двух различных уровней. Речь идет о том, что уже около 480 г до н.э. ансамбль толоса подвергается разрушению и более не восстанавливается.

Раскопки позволяют заключить что речь идет не единовременном катастрофическом разрушении. Отсутствуют и следы пожара. Создается впечатление, что толос и другие связанные с ним здания разрушаются и частично выбиваются на камень постепенно. Во многих пунктах фиксируются плотно утопанные горизонты хождения, образованные слоями рушеного сырца от стен домов, щебня, мусорными прослойками золы, угольков, костей животных, раковин и горизонтально втопанных обломков керамики.

Более того, совершенно очевидно что жизнь на этих руинах не затихает. Они как бы частично приспособляются населением для иных целей. В некоторых помещениях полуразрушенных зданий предшествующей строительной фазы осуществляется производственная деятельность: варится железо и плавится бронза. Выявлены остатки небольших печей, выбросы угля, шлаков, найдено несколько панцирных чешуек и наконечники стрел с литниками на концах. В других постройках, частично прорезая их, выкапываются прямоугольные котлованы землянок, стенки которых покрываются либо глинисто-золистыми обмазками, либо облицовываются мелким камнем (соответственно, землянки № 4, 3, 7, 6).

Таким образом, налицо отчетливые признаки нарушения нормального функционирования и развития застройки в центральном районе Пантикапея в пределах его акрополя, на рубеже первой и второй четвертей V в. до н.э. Именно вторая четверть этого столетия характеризуется возвратом к более примитивным, архаичным формам построек, возводимых на руинах важного общественного архитектурного ансамбля. Обращают на себя внимание и следы интенсивной металлургической деятельности на территории акрополя Пантикапея, целью которой насколько можно судить по аналогичным

остаткам на Новом Эспланадном раскопе (Марченко 1971 С 148–156, Трейстер 1988 Р 45–67) то есть на одном из участков собственно городской территории было производство и ремонт предметов вооружения наборных чешуйчатых панцирей, наконечников копий и стрел, мечей и кинжалов

Насколько можно судить, какие-то разрушения имели место и в МК II Однако вскоре там и на оборонительной стене № 204 производятся восстановительные работы сооружается верхний горизонт глинобитных полов и заново перестраиваются сами стены помещений надстраивается цоколь кладки №204 В восточной стене комплекса сооружается проем, снабженный каменной лестницей Конструкция лестницы указывает на то, что она предназначалась не только для организации входа в здание но и для обеспечения подъема либо на вновь сооруженный второй этаж, либо на плоскую кровлю здания, служившую босвой площадкой-вергангом для оборонительной стены акрополя

Возведение системы укреплений вокруг центральной части Пантикапея в начале первой четверти V века до н э, потребовавшее, несомненно значительных материальных затрат и усилий, должно было быть обусловлено целым рядом веских причин, важнейшей из которых, по-видимому являлось наличие серьезной военной угрозы со стороны степи, с другой – здесь, в пределах западного плато, должны были существовать строительные объекты, имевшие особое значение для Пантикапейского полиса Действительно, как было показано, именно здесь, примерно до 480 г до н э, располагался толос и связанные с ним монументальные постройки особого функционального назначения

Подведем некоторые итоги На мой взгляд имеющаяся в нашем распоряжении сумма фактов как известных ранее, так и вновь полученных в ходе раскопок на акрополе Пантикапея, позволяет еще более укрепиться в мысли о том что в первой половине V столетия полисы Боспора пережили серьезнейшее испытание некоторые из них подверглись разрушениям сопровождавшимся пожарами (Порфмий, Мирмекий, Тиритака, поселения хоры) Крупнейший из боспорских центров – Пантикапей, насколько можно судить избежал этой участи (во всяком случае, явных следов пожарищ для этого периода здесь пока не зафиксировано), однако и здесь, причем что показательно, в центральной части города – в пределах западного плато акрополя, фиксируется период вынужденного запустения и возврата к более примитивным строительным формам

Этот феномен, на мой взгляд, может объясняться, как свидетельство оттока очень значительных, жизненно необходимых для поддержания архитектурной среды города средств и сил в непроизводительную сферу –

в сферу военных приготовлений и расходов Нет сомнений, что все силы полиса ставшего центром Боспорской симмахии, были направлены на отражение экспансии степняков

Показательно в этой связи, что именно в этот период практически все города Боспора получили оборонительные сооружения либо городские стены, либо укрепления акрополей, либо оба типа фортификационных сооружений

К середине столетия ситуация, видимо, нормализовалась, о чем свидетельствует целый ряд признаков Приведу лишь те из них, которые показательны для столицы Боспора можно считать установленным тот факт что именно около середины V века на верхнем плато акрополя сооружается ионийский периптер, посвященный Аполлону-Врачу (Пичикян 1984 С 156–170, Толстиков 1984 С 44–46) На западном плато акрополя засыпаются все прямоугольные котлованы землянок *фазы I третьего строительного периода* и вновь сооружаются монументальные наземные постройки с тщательно сложенными каменными цоколями Некоторые из них снабжаются подвалами облицованными камнем Начинается *фаза I четвертого строительного периода* истории Пантикапея – столицы Киммерийского Боспора, хорошо датируемая обильными и весьма показательными находками

Представляется, что единственным противником боспорских эллинов (и синдов), который мог представлять для них столь серьезную опасность, оставившую заметные, археологически фиксируемые следы во всех пунктах Боспора и в различных сферах жизни полисов в этот период могли быть только номады, прежде всего кочевые орды крымских степей

Примечание

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта, финансируемого РГНФ Код проекта 01-01-00188а

Литература

Блаватский 1951 – В Д Блаватский Раскопки Пантикапея // КСИИМК 1951 Вып XXXVII

Васильев 1992 – А И Васильев К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по истории и культуре Северного Причерноморья СПб, 1992

Вахтина, Виноградов, Рогов 1980 – М Ю Вахтина, Ю А Виноградов, Е Я Рогов Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ 1980 № 4

- Виноградов Ю А – Ю А Виноградов Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора М, 1992
- Виноградов Ю Г 1989 – Ю Г Виноградов Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв до н э Историко-эпиграфическое исследование М, 1989
- Виноградов Ю Г 1995 – Ю Г Виноградов Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья Материалы научной конференции Севастополь, 1995
- Гайдукевич 1952 В Ф Гайдукевич Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг // ИМИА 1952 № 25
- Копотухин 2000 – В А Копотухин Киммерийцы и скифы Степного Крыма Симферополь, 2000
- Марченко 1971 И Д Марченко Позднеарханчская мастерская оружейника в Пантикапее // СА 1971 № 2
- Пичикян 1984 – И Р Пичикян Малая Азия – Северное Причерноморье Античная традиция и влияния М, 1984
- Толстиков 1984 В П Толстиков К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в до н э) // ВДИ 1984 № 3
- Трейстер 1988 – М Ю Трейстер Бронзолитейное ремесло Боспора VI–V вв до н э // *Eirene Studia Graeca et Latina* 1988 T V Pt 25
- Шелов-Коведяев 1985 – Ф В Шелов-Коведяев История Боспора в VI–IV веках до н э // Древнейшие государства на территории СССР Материалы и исследования М, 1985
- Bildlexikon 1971 – Bildlexikon zur Topographie des antiken Athen Tübingen 1971
- Seiler 1986 – F Seiler Die griechische Tholos Untersuchungen zur Entwicklung, Typologie und Funktion kunstmässiger Rundbauten Mainz am Rhein 1986
- Vinogradov 1980 – Ju G Vinogradov Die historische Entwicklung der Polis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5 Jhr v Chr // *Chiron* 1980 Bd 10

Д В Журавлев, Г А Ломтадзе

Керамические комплексы раннего Пантикапея¹

Проблема Боспора арханчского времени давно является одной из наиболее дискуссионных тем в отечественной науке. Почти полное отсутствие письменных источников, плохая сохранность слесв этого времени на археологических памятниках часто подталкивают исследователей к созданию красивых, но ничем не подтвержденных исторических построений. Как нам кажется, скудность материальных остатков заставляет с исключительной тщательностью и осторожностью подходить к изучению наиболее ранних слоев античных памятников Северного Причерноморья.

Открытые в последние годы комплексы позднеархаического и раннеклассического времени Боспорской археологической экспедиции ГМИИ им А С Пушкина позволили не только предварительно выявить этапы городской застройки, но и локализовать отдельные участки городской планировки (Толстикова 1992 С 59–79)

Задачей данной работы является максимально подробный анализ керамических материалов из комплексов VI–V вв до н э (Благодарим В П Толстикова за возможность работать с неизданными материалами из его раскопок) Если расписная керамика из Пантикапея уже была подробно рассмотрена Н А Сидоровой (Сидорова 1992 а, 1992 б, СВА 1996 I) и В П Толстиком (Толстикова 1992), то анализ массового материала – амфор, чернолаковой керамики и светильников требует более пристального внимания

Подробные описания комплексов представлены в статье В П Толстикова (Толстикова 1992), а также в публикуемых им же в настоящем сборнике тезисах, что освобождает нас от их повторного описания

Керамические комплексы, о которых пойдет речь, в основном представляют собой мусорные сбросы, заполнявшие наземные строения и т н “землянки” и др Мы сознательно не рассматриваем объекты, сильно потревоженные позднейшими перекопами, а также те, в которых отсутствует хорошо датируемые находки Материал из этих комплексов охватывает приблизительно 100-летний промежуток времени — со второй половины VI по вторую половину V вв до н э Для удобства мы разбили исследованные объекты на несколько хронологических периодов (в данном случае мы намеренно не пользуемся периодизацией комплексов, предложенной В П Толстиком (Толстикова 1992), т к она имеет под собой прежде всего стратиграфическую основу, тогда как мы опираемся только на датировку керамических материалов)

Хронологический период I (не позднее начала V в до н э)

ДОМ № 1

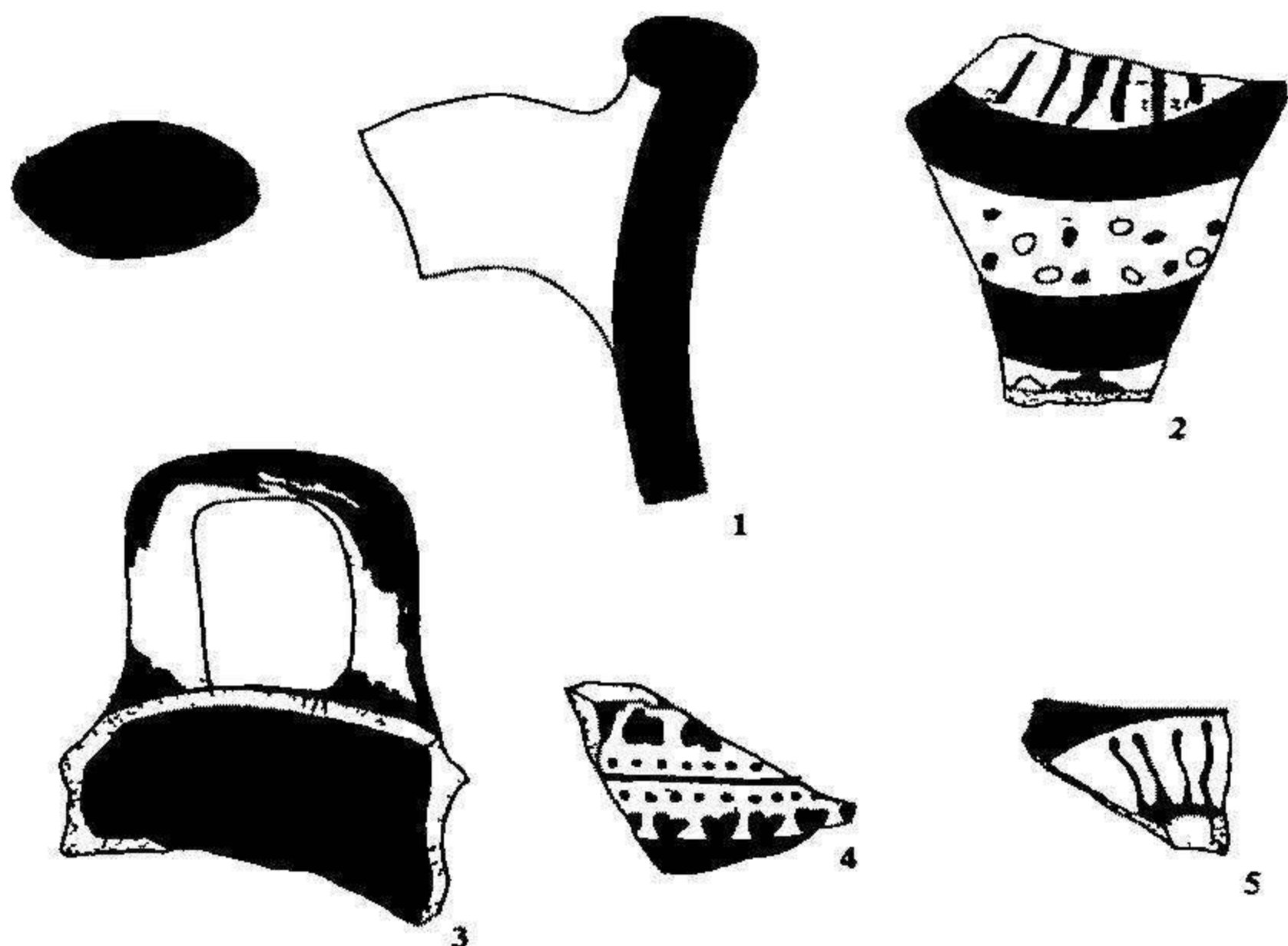
Фрагменты клазоменских амфор (Абрамов 1993 2 22, 2 23, 2 25),
Фрагменты хиосских раннепухлогорлых амфор (Абрамов 1993 2 5, 2 6) (Рис 1, I),

Ножка милетской (?) амфоры (Абрамов 1993 2 40),

Фрагменты эолийских амфор (Абрамов 1993 2 28, 2 30, 2 31)

Небольшие фрагменты чернофигурных аттических киликов, из них поддаются определению только два фрагмента киликов “Кассельской группы” трех последних десятилетий VI в до н э и два фрагмента киликов “группы Друп” с изображением полосы чередующихся в шахматном порядке белых и черных точек (Рис 1, 2, 4) Датируются

ДОМ I

ЗЕМЛЯНКА № 4

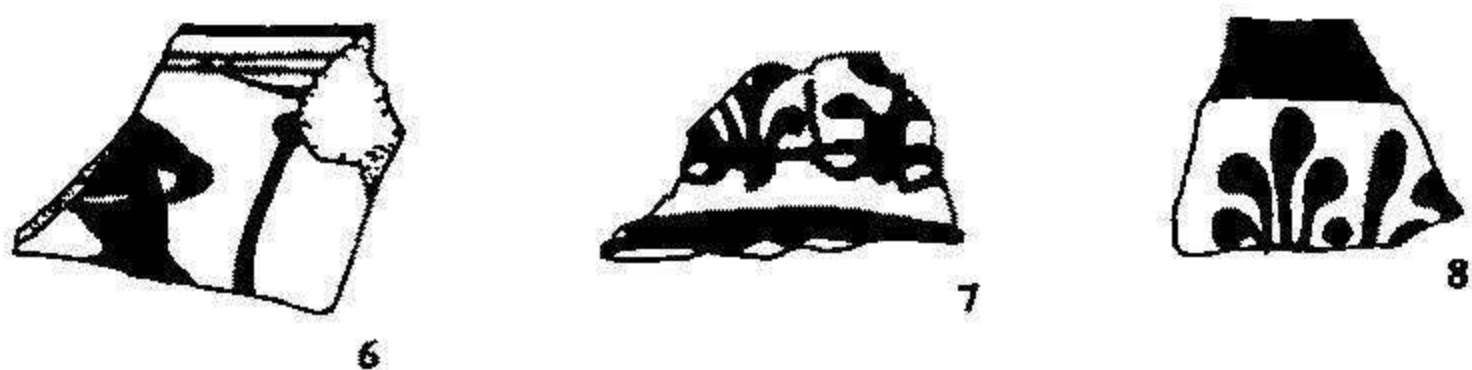

Рис 1

ПОДВАЛ

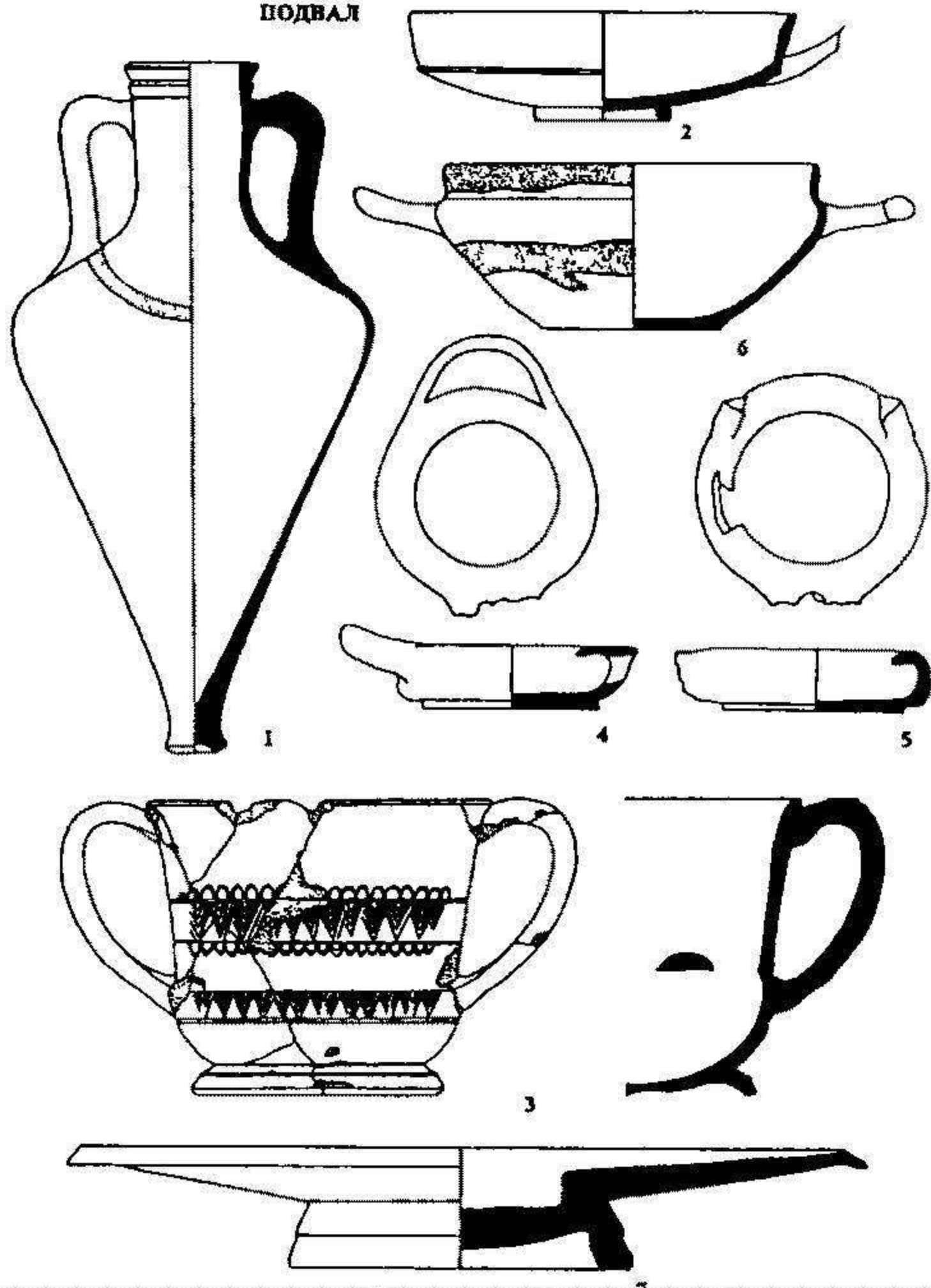

Рис 2

подобные сосуды в пределах 540–520 гг до н э (Сидорова 1992 б С 222–223, рис 11, в,е) К ним примыкают фрагменты кратера конца VI в до н э (ср CVA 1996 I P 24, Pl 24, 4) и ольп, датирующихся концом VI в до н э (Толстиков 1992 Рис 10, 1,5, CVA 1996 I P 28, 30, Pl 28, 4, 30, 1)

МНОГОКАМЕРНЫЙ КОМПЛЕКС I (МК I)

Фрагменты клазоменских амфор (Абрамов 1993 2 22, 2 23),

Фрагменты хиосских раннепухлогорлых амфор (Абрамов 1993 2 1),

Ножка амфоры на сложнопрофилированном кольцевом поддоне (Абрамов 1993 2 49),

Фрагмент горла амфоры того же типа (Абрамов 1993 2 43),

Ножка эолийской амфоры (Абрамов. 1993 2 31)

В статье Толстикова уже были описаны находки расписной керамики из МК – I (Толстиков 1992 С 67–70, Рис 10) Среди них выделяются фрагменты амфоры, относящиеся к Leagros Group, мастеру Лувр F 314, 520–510 гг до н э (Толстиков 1992 Рис 10, 8, 12, CVA 1996 I P 21 Pl 22, 1) К ним следует добавить венчик аттического чернофигурного килика с изображением “магического” глаза и листка ивы Этот сосуд принадлежит к группе Segment Class и датируется Н А Сидоровой 520–500 гг до н э (CVA 1996 I P 60 Pl 65, 3) Второй фрагмент чернофигурного килика с изображением стоящей задрапированной фигуры и лебедя перед ней (Толстиков 1992 Рис 10, 2) датируется третьей четвертью VI в до н э (CVA 1996 I P 52, Pl 56. 4)

ЗЕМЛЯНКА 4

Амфорный материал тот же, что и в предыдущих объектах и хронологически не отделяется (конец VI – V вв до н э) Абсолютно большинство составляют фрагменты эолийских красноглиняных амфор (Абрамов 1993 2 28, 2 30 2 31) Также было встречено несколько фрагментов клазоменских (Абрамов 1993 2 22 2 23) и хиосских (Абрамов 1993 2 5) амфор

Фрагменты киликов типа Band-cup украшенных пальметтами конца VI — начала V в до н э (см аналогии CVA, Russia Pushkin Museum, I p 61, Pl 66, 3) и другие обломки чернофигурной керамики (Рис 1 6–8)

Часть донца и ножки аттического килика мастера Берлин 226В с изображением в медальоне фигуры юноши-атлета упражняющегося с гальтерами, датирующегося 510–500 гг до н э (Толстиков 1992 Рис 13 1)

К этому же хронологическому периоду можно отнести заполнение подвала к югу от стены 204 При этом хочется отметить, что большая часть подвала была уничтожена перекопами в эллинистическое и римское время Но видимо, по счастливой случайности, в северо-восточной его части остались нетронутыми две стоящие амфоры самосская начала V в до н э (Dupont 1998 P

168–169, Fig 23 9 (b–c), а также амфора фасосского круга производства, близкая амфорам из афинского комплекса Q 12 3 (Dupont 1998 P 189, Fig 23 13)

Хронологический период II (вторая четверть V в до н э)

ЗЕМЛЯНКА 3

Датирующими являются фрагменты хносских пухлогорлых амфор второй четверти V в до н э (Абрамов 1993 2 9, 2 12), составляющие большинство амфорных находок

Чернолаковый килик, датирующийся 460–450 гг до н э (Толстикова 1992 Рис 13, 3, Sparkes, Talcott 1970 Fig 5 № 474 P 268)

Хронологический период III (третья четверть V в до н э)

ПОДВАЛ

Мендийская амфора (Рис 2, 1) Высота амфоры – 583 мм, глубина вместительности – 543 мм, диаметр амфоры – 305 мм В нижней части амфоры и на плечах сохранились полосы красной краски По типологии С Ю Монахова, она относится к мендийским коническим амфорам III типа (Монахов 1999 Приложение 3 С 610), которые датируются 3 четвертью V в. до н э Наш сосуд по метрическим параметрам идентичен амфоре из погребения № 2, кургана № 3 у с Стеблев (Монахов 1999 С 120–121, Табл 38) Также в комплексе присутствуют три ножки амфор того же типа

Горло милетской(?) амфоры середины – второй половины V в до н э (Dupont 1998 P 175–176, Fig 23 9 (e,g))

Помимо этого в комплексе был найден достаточно выразительный набор чернолаковой посуды, подробный анализ которого займет немало места, поэтому мы ограничимся лишь наиболее выразительными формами Наибольшим количеством представлены килики Наиболее ранняя форма датируется 480–470 гг до н э (ср Sparkes, Talcott 1970 Fig 5, № 454–456, P 267) Также ранним является фрагмент солонки 480–450 гг до н э (ср Sparkes Talcott 1970 Pl 21 № 940 P 302) Но наибольшее количество чернолаковой керамики относится к третьей четверти V в до н э Среди них солонки (ср Sparkes, Talcott 1970 Fig 8, № 818, P 294), килики (ср Sparkes Talcott 1970 Fig 5 № 462 P 267) (Рис 2, 2) и другие формы Выделим канфар со штампованным орнаментом (Рис 2 3) Полные аналогии этому сосуду нам неизвестны, однако близкие по форме но без орнамента известны, например, из раскопок на Афинской Агоре (ср Sparkes, Talcott 1970 Fig 7, № 633 P 281) где они датируются 450–425 гг до н э Там же опубликован и фрагмент подобного орнамента на фрагментах канфаров того типа (ср Sparkes, Talcott 1970 Pl 47, № 635, P 281)

В подвале были найдены несколько чернолаковых однорожковых светильников (Howland 1958 тип 21В, ср Bailey 1975 Q49) аттического производства которые могут быть датированы в пределах

480–415 гг до н э (Рис 2, 4, 5) Такие светильники и ранее находили в Пантикапее (Забелина 1992 С 303, Табл III, 9) Также был найден фрагментированный ионийский открытый светильник

Расписная керамика Крышка чернофигурной леканы с фризом лучей вокруг основания ручек (ср Сидорова 1992 б Рис 7а) Здесь же была обнаружена терракотовая статуэтка – сидящий Приап

В нашей работе мы ставили задачу публикации опорных керамических комплексов раннего Пантикапея без их исторической интерпретации Несмотря на это трудно не обратить внимания, что наибольшим количеством представлены керамические комплексы из объектов, прекративших свое существование не позднее первой четверти V в до н э Было бы заманчиво связать этот факт с единственным известным нам историческим событием этого времени – приходом к власти на Боспоре Археанактидов и как следствие – перестройками на территории акрополя Тем не менее, представляется, что этот вывод до появления новых источников является преждевременным

Примечание

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта, финансируемого РГНФ Код проекта 01-01-00188а

Литература

Абрамов 1993 – А П Абрамов Античные амфоры Периодизация и хронология // Боспорский сборник М, 1993 № 3

Забелина 1992 – В С Забелина Античные глиняные светильники из Пантикапея // Археология и искусство Боспора М, 1992 – (Сообщения ГМИИ им А С Пушкина Вып 10)

Монахов 1999 – С Ю Монахов Греческие амфоры в Причерноморье Комплексы керамической тары VII–II вв до н э Саратов 1999

Сидорова 1992 а – Н А Сидорова Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1965–1985 (кроме аттической чернофигурной) // Археология и искусство Боспора М, 1992 – (Сообщения ГМИИ им А С Пушкина Вып 10)

Сидорова 1992 б – Н А Сидорова Чернофигурная керамика из Пантикапея // Археология и искусство Боспора М 1992 – (Сообщения ГМИИ им А С Пушкина Вып 10)

Толстиков 1992 – В П Толстиков Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора М, 1992

Bailey 1975 – D M Bailey A Catalogue of the Lamps in the British Museum Greek, Hellenistic and the Early Roman Pottery Lamps L, 1975

Dupont 1998 – *P Dupont Archaic East Greek Trade Amphoras // R M Cook P Dupont East Greek Pottery I*, N Y 1998

CVA 1996 – *Corpus Vasorum Antiquorum Russia Pushkin Museum Roma*, 1996

Howland 1958 – *R H Howland Greek Lamps and their Survivals The Athenian Agora Princeton New Jersey*, 1958 Vol IV

Sparkes, Talcott 1970 – *B A Sparkes I Talcott Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B C The Athenian Agora Princeton, New Jersey*, 1970 Vol 12

С Р Тохтасьев

Еще раз о синдских монетах и синдском царстве

«При анализе этнонима пренебрегать его формой –
значит не отличать венок от венка и барана от баранки»
(Никонов 1970 С 28)

После того, как были приведены исчерпывающие (едва ли не избыточные) аргументы в пользу принадлежности монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ именно синдам а не греческому полису Синд (Тохтасьев 1984 С 141, Шелов-Коведяев 1985 С 127), которые, естественно, встретили полную поддержку со стороны Ю Г Виноградова (Виноградов 1990 № 527), мне представлялось излишним печатно реагировать на критику со стороны Е М Алексеевой (Алексеева 1990 С 25 сл, Алексеева 1991 С 20 сл) и на появление «третьей точки зрения» на вопрос (Завойкин, Болдырев 1994 С 44–47), согласно которой монеты якобы чеканились от имени конфедерации боспорских полисов в Синдике. Сохранялась надежда, что их построения будут тотчас же оценены по достоинству и позабыты или (это было бы лучше всего) что опомнятся сами авторы. К сожалению, вместо этого, идеи Завойкина и Болдырева недавно получили развитие в насыщенной умозрительными конструкциями статье А Е Терещенко (Терещенко 1999 С 84–89). Автор не поднимает вновь вопрос об атрибуции монет, но в этом аспекте целиком исходит из выводов Завойкина и Болдырева как едва ли не доказанных. Вызывает тревогу, как бы в благоприятной, вообще говоря, ситуации, когда можно писать всё, что заблагорассудится, не появилась еще и четвертая (или уже пятая?) точка зрения на синдские монеты. Впрочем, скорее всего, я всё же не стал бы тратить время на разбор домыслов по существу не заслуживающих внимания, если бы по ходу работы не получилось так, что сугубо критическая реплика перерастает свои рамки и попутно можно затронуть некоторые другие проблемы уже во вполне положительном ключе. Стала очевидной также необходимость исправить застарелую

ошибку, тем более досадную, что принадлежит она уже достаточно компетентному ученому, стимулируя усугубление нелепейшей путаницы, а также некоторые собственные просчеты

Решение проблемы целиком зависит от правильного понимания того, что написано на монетах. В данной заметке я хотел бы обратить внимание на следующий, казалось бы, не требующий доказательства факт: ни нумизматический анализ, ни манипуляции со скудными данными литературных источников и археологии принципиально не могут иметь в решении вопроса какого-либо значения, если не будет, наконец в полной мере осознано, что с точки зрения языка легенда ΣΙΝΔΩΝ может значить только одно «(монета) синдов». Это должно быть принято за исходную точку в любых построениях нумизматов и историков (Впрочем на первый взгляд, не требует доказательств и то, что если люди, не обладающие соответствующей подготовкой, берутся по выражению Аристофана (Nub 193 sq) «считать звезды собственными средствами», нашей науке грозит превращение в своего рода паноптикум)

Итак, в 1990 г свое виденье проблемы предложила Е. М. Алексеева «Если Анапский полис [sic!] назывался Синдом или Синдикой, то выпуск монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ можно связать с его деятельностью. Для образования демотикона в родительном падеже множественного числа от самой короткой формы названия города в легенде недостает одной буквы (ΣΙΝΔΕΩΝ). Эта легенда корректна [sic] если учесть, что этникон на монетах периода архаики ставился в форме среднего рода прилагательного, дополняясь опущением [sic!] слова “знак”» (Алексеева 1990 С. 25). Смысл собственных слов, по-видимому, остался непонятным самой Алексеевой, поэтому в вышедшей год спустя книге «Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа», это диковинное решение проблемы заменено другой аргументацией, изложенной несколько более вразумительно (Алексеева 1991 С. 20), насколько я смог понять, ход мысли исследовательницы сводится к следующему: архаическое поселение на месте Анапы могло носить название Синд (пусть даже эта форма является сокращением Σινδικός λιμήν), такое название известно Помпонию Меле I, 110 – Sindos (ср Σίνδα κόμη, Ptol Geogr V, 8, 8 Müller), который мог найти его у Гекатея Милетского (т.к. Мела использовал ионийскую историко-географическую литературу)¹. От этой формы топонима с помощью форманта мн.ч. -εῖς (источником являются здесь рассуждения Шелова-Коведяева, см. ниже) мог быть образован этникон, который в реп. рlug выглядел как Σινδῶν, откуда в результате контракции получилась Σινδῶν, что и имеем на монетах, высказанные превентивно по предложению Шелова-Коведяева, что примеров контракции εω > ω в V в. до н.э. на Юго-востоке нет. Алексеева дезавуирует замечанием

что «в принципе такая форма возможна» опровергает она также мои и Шелова-Коведяева утверждения, что греческой полисной принадлежности монет противоречит совпадение этникона с варварским этнонимом и тут я вновь вынужден прибегнуть к цитированию «Но о каком противоречии может идти речь если рассматривается ситуация в городе, для которого предполагается название Синд? Известное на Боспоре, например, название Киммерик не делает исключительным для греческого поселения и название Синд. Если город назывался Синдом, то его денежные знаки были знаками 'синдов', т.е. жителей Синда, членов его гражданского коллектива» Алексеева упустила из виду то, что топоним *Киммерик* образован от основы имени киммерийцев посредством суффикса $-(ι)κόν$, а в *Sindos*, *Σίνδα* основа представлена в чистом виде. *Κιμμερικόν* относится к *Κιμμεριοί* так же, как, например, топоним *Чудиново* к летописному и фольклорному этнониму *чудь*.

Завойкин и Болдырев, готовые в принципе принять исходной формой то же $*Σινδεῖς$, не вникнув в суть дела, принялись, вслед за Алексеевой, критиковать Шелова-Коведяева (Завойкин, Болдырев 1994 С. 44, 46), ссылаясь в свою очередь на скудость источников по истории ионийского диалекта на Боспоре, а также на отысканную ими в пособии Франке – Хирмера легенду ранних монет Маронии хносской колонии², – *Μαρωνιτῶν*, наряду с нормальной формой *Μαρωνιτέων* (от *Μαρων(ε)ῖται*! α -основа!) Все эти усилия затрачены впустую, полемика беспредметна.

Шелов-Коведяев сослужил плохую службу своим будущим критикам, когда он теоретически (и аргументо ошибочно) допустил между прочим генетив от (незасвидетельствованного) $*Σινδεῖς$ с тем лишь чтобы немедленно отвергнуть эту возможность сославшись, как уже говорилось, на отсутствие примеров стяжения $\epsilon\omega > \omega$ в ионийских надписях Боспора. Как-то даже неловко писать такие банальности, но дело в том, что в генетивах основ на $*-\epsilon/-\eta-$ этого типа (т.е. $-\acute{\epsilon}\omegaν$ от имен на $-\epsilonῖς$ после согласного) стяжение не происходило ни при каких обстоятельствах (см. например, парадигму склонения слова *βασιλεύς*, имеющуюся в любом учебнике древнегреческого языка). Иначе говоря в этом случае на монетах именно так и было бы написано – $ΣΙΝΔΕΩΝ$.

Непростительная ошибка Шелова-Коведяева вызывает в памяти наставление Гёте Эккерманну (20 декабря 1826 г.) «*man glaubt nicht, welchen Schaden es einem guten Kopfe tut wenn er sich mit etwas Dummem befasst*» (Поучительна и ответная реплика Эккерманна).

Форма генетива $ΣΙΝΔΩΝ$ может быть произведена лишь от двух номинативных форм *Σινδοί* (sing. $-\acute{o}\varsigma$)³ и $*Σινδαί$. Правильный ионийский генетив от последней формы был бы $Σινδεων$, но даже если допустить раннюю контракцию $\epsilon\omega > \omega$ ⁴, форма $*Σινδαι$, в отличие от первой, неизвестна⁵ и должна быть исключена из рассмотрения.

Таким образом, остается $\Sigma\upsilon\delta\omicron\iota$ имя народа на Северо-Западном Кавказе Завойкин и Болдырев, согласные (коль скоро это не противоречит их концепции) и на такой вариант номинатива, считают однако, что *синдами*, $\Sigma\upsilon\delta\omicron\iota$, могли называть себя и обитатели греческих колоний в Синдике, проигнорировав указания Шелова-Коведяева и мои на заведомую абсурдность ситуации, когда колонисты носят то же самое имя (еще и в качестве самоназвания¹), что и аборигенное население⁶, и на лингво-психологические особенности образования греческих этниконов⁷ собранные же ими примеры якобы аналогичных по образованию этниконов и этнонимов не имеют никакого отношения к делу — здесь мы опять сталкиваемся с тем самым случаем, когда вснок перспутали с всником Βοσπορ-εύς , Βοσπόρ-ιος , Χαλκίδ-εύς , Παντκαλα(ι)-εύς , $-\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$ $\text{Μαρω}\nu(\epsilon)-\acute{\iota}\tauαι$ представляют собою образования от топонимов с продуктивными суффиксами, как и Αἰτώλ-ιος , последнее в качестве дублета для исконного этникона Αἰτωλός вдобавок засвидетельствовано единожды в «Илиаде» (IV, 399) и является искусственным (метрического характера) образованием (Kretschmer 1923 S 92) вероятно, с опорой на суффикацию названия страны — Αἰτωλία , последнее в свою очередь, произведено от Αἰτωλοί , а не наоборот как думают Завойкин и Болдырев. Точно так же обстоит дело с этнонимом Βοιωτοί который дал название стране — Βοιωτία (русские эквиваленты этнонимов — *этиотцы*, *беотийцы* произведены уже от названий стран *Этиотия* *Беотия*) С Ακαρνανός ($\varsigma\iota\epsilon$) вышел уже полный конфуз — исследователи приняли эту форму (не знаю, где они ее добыли) за номинатив ед. ч., полагая, что он образован от названия *Акарнатия* (Ακαρνανία) на самом деле это генетив от этникона в ед. ч. *акарнанец* — Ακαρνᾶνος , номинатив будет Ακαρνᾶν а мн. ч. — ακαρνᾶνες ⁸

Итак, монеты чеканены от имени народа синдов. В распоряжении историков всегда, еще до опубликования статьи Д. Б. Шелова (Шелов 1981) имелись — даже без монет — вполне определенные свидетельства возникновения у синдов не позже чем в середине V в. до н. э. не определимого ближе типа ранней государственности — это данные Полиена VIII, 55. Попытки отрицать их значение как это в целом удачно показал Шелов-Коведяев (Шелов-Коведяев 1985 С 127), несостоятельны и, добавим, несомненно, несут на себе печать характерных для советской историографии схоластических дискуссий (В нынешние времена, к счастью ни у кого не вызовет энтузиазма такая например постановка вопроса — достаточно ли развиты были производительные силы и производственные отношения у синдов и образовались ли у них уже социально-экономические классы, чтобы можно уже было говорить о возникновении государства?) Теперь же, после обнаружения на Семибратнем городище победной эпитафии

Левкона I, рассуждения на этот счет как Шелова, так и его предшественников (прежде всего – Н Л Грач – Грач 1972) и новейших последователей утрачивают уже всякое значение. Если Завойкин и Болдырев, надо думать, не успели вовремя ознакомиться с первым (пусть и неудовлетворительным) изданием надписи (Блаватская 1993), то Терещенко уже просто игнорирует и эту публикацию, и прочтение ее Ю Г Виноградовым (SEG XLIII [1993 (1996)] № 515, Vinogradov 1995 № 306), и, наконец, мою статью 1998 года, в лучшем случае, он элементарно не осведомлен о них. Его работа и в остальном демонстрирует слабое знакомство с научной литературой. Трудно осознать и рационально оценить эту ситуацию исследователю, с одной стороны, самонадеянно вторгающийся не в свою научную область, с другой стороны, преспокойно проходит мимо уникального источника по ранней истории Боспора и сопредельных земель, который имеет непосредственное отношение к проблеме.

Целью данной заметки является, собственно, попытка хотя бы приостановить распространение пагубного легкомыслия подобного рода. Поэтому, отсылая по-настоящему заинтересованных коллег к упомянутым публикациям, я приведу здесь лишь текст надписи Левкона, максимально приближенный к оригиналу перевод и дополнительные комментарии в связи с обсуждаемой темой.

εὐζήμενος Λεύκων υἱὸς Σατύρ[ο τὸδ ἄγαλμα]
 Φοῖβωι ἀπολλωνι στησε τῶι εν Λ[αβρυ-?],
 τῆσδε πόλεως μεθέοντι λαβρυτωμ, Β[οσπορο ἄρχων]
 Θεοδοσίης τε μάχηι και κράτει ἐξελ[ύσας]
 Οκταμασάδεα γῆς ἐΞινδῶν παῖδ Εκ[αταῖο]
 τοῦ Σινδῶμ βασιλέως, ὅς πατέρα ο[- - -]
 ἐγβάλλων ἀρχῆ[ς], εἰς τήνδε πόλιν κ[ατέθρεξεν(v) ex gr]

«Исполнив обет Левкон, сын Сатир[а поставил это изваяние] Фебу Аполлону, – тому что в Л[абр-?], владыке сего города лабритян, – [правитель] Б[оспора] и Феодосии, изг[навший] битвой и военной силой из земли синдов Октамасада, сына Гек[атея], царя синдов, который (т е Октамасада), лишая отца [- - -] власти в этот вот город во[рвался?)]»¹⁶

Левкон именует Гекатея царем синдов – так же, как источник Полиена (VIII, 55 βασιλεῖ Σινδῶν). Вместе с тем монеты чеканились от имени народа синдов. Упреждая едва ли не неизбежные заявления об отсутствии аналогий (которые уже завтра могут появиться) и дальнейший виток спекуляций, я хотел бы подчеркнуть следующее: надо принимать факты такими как они есть и исходить из них, а не из собственных (или приглянувшихся чужих) отвлеченных рассуждений.

Отсюда единственно возможный, насколько я вижу, вывод царская власть в Синдике была в известной мере ограничена – аристократией и/или традиционными племенными институтами, косвенным подтверждением этого мог бы послужить тот факт, что Гекатей, как мы теперь знаем, был свергнут даже дважды. Контекст первых строк рассказа Полиена о доблестях Тиргатао, на мой взгляд, не оставляет сомнений, что и тогда, при Сатире, Гекатей лишился власти в результате переворота, а не вторжения извне (τοῦτον τὸν Ἐκταίῳν ἐκλεβόντα ἄρχῆς)

Синдский царский дом был связан через династический брак не только с иксоматами, но и с династией царских скифов, чем только и объясняется имя сына Гекатея – Октамасад (Тохтасьев 1998 С 300), Сатир превративший Гекатея в своего вассала¹¹, все же не считал неравным брак своей дочери и Гекатея, в этих фактах пожалуй, можно усматривать свидетельства достаточно высокого статуса института царской власти в Синдике в глазах соседних государств. Спустя некоторое время. Левкон титулует себя, в числе прочего, «царем синдов» (КБН 6, 8 и др) – он перенял титул у варварского правителя. Сыну Гекатея не терпится завладеть верховной властью, он не желает дожидаться естественной кончины отца разве это не прямое свидетельство установившегося уже или, по меньшей мере, возникшего как раз тогда института престолонаследия от отца к сыну? (Разумеется мыслима и такая ситуация что Октамасад был еще и младшим сыном, но это лишь подкрепило бы на наш вывод)

Справедливости ради следует отметить, что Терещенко, быть может оказался на верном пути, предполагая чеканку некоторых серий (почему не всех?¹²) синдских монет в Пантикапее это согласовывалось бы с тем фактом, что Сатир продолжительное время покровительствовал Гекатею. Этой гипотезе могут правда противоречить результаты металлографического анализа монет (Смекалова 2000 С 268) оказалось, что состав серебра синдских монет существенно отличается от состава всех других приблизительно синхронных монет Боспора (пантикапейских, с легендой АПОΛ фанагорийских) и Феодосии, металл которых однороден, но почему бы не допустить, что Гекатей поставлял на пантикапейский монетный двор собственное серебро в слитках?

В совокупности данные новеллы Полиена и посвящения Левкона, как кажется позволяют объяснить хронологический разрыв между прекращением чеканки монет синдов и вхождением их в государство Спартокидов весь период был заполнен бурными событиями – борьбой за власть в Синдике, потом войной с иксоматами и их союзниками а затем опять усобицей¹. В это время необходимые ресурсы для помощи Гекатею (как и для защиты боспорских владений в Азии¹⁴) и предметы

роскоши для подарков влиятельным людям могли поступать в Синдику из Пантикапея и из других боспорских городов, а возникший денежный дефицит (для оплаты наемников и др.) можно было бы покрыть дополнительной эмиссией пантикапейской монеты

Наконец, надпись Левкона, на мой взгляд, позволяет утверждать, что Семибратнее городище не было в те времена простым поселением, как думал Шелов (Шелов 1981 С 240), но представляло собою населенный пункт городского типа, т. е. имело укрепления (построенные греческими, вероятно, именно боспорскими инженерами, как, ссылаясь на мнение В. П. Толстикова, пишет Шелов), в противном случае Левкон едва ли назвал бы его термином πόλις

По любезному сообщению А. М. Новичихина, в 1999 г. здесь была найдена синдская монета

В заключение необходимо обсудить форму этнонима синдов у Помпония Мелы – *Sindones*. Так как в § 111 она фигурирует в одном контексте с *Sindos*, которое сохраняет греческую форму, да и содержательно источник явно греческий, естественно предположить и здесь греческий прототип *Σινδῶνες* или *Σινδόνες*. Представим себе теперь, что такая форма этнонима употреблялась наряду с более обычной *Σινδοί*. Этнолингвистическая принадлежность синдов не выяснена (Гохтасьев 1992 С 198 Прим 88, Откупщиков 1999 С 92–100), но соотношение суффиксов напоминает этнонимические дублетные пары у некоторых индоевропейских народов, например, фрак *Δερραῖοι* и (в прилагательном *Δερρωνίος* с характером) **Δερρωνι* (Detschew 19/6 P 128), *Γοι(ή)ι* – *Γοιήνες*, *Βουργουί(ι)* – *Βουργουῖνες* и др. (Kiuge 1926 S 10 § 16a), иллир *Εγγελέαι*, *Εγγέλειοι*, *-εῖς* (< *-ε-) – *Εγγελάνες* (Hammond 1972 P 94). В севернопричерноморском регионе известен еще один пример – *Ἰσσηδοί* (Aristaeus fr 4, 1 Bernabῆ, Zenothemis fr 855 [Lloyd-Jones, Parsons 1983 P 397] из Аристеса?) ~ *Ἐσσηδόνες*, *Essedones* (Alcman fr 156 PMG Mela II 2, 9, 13, Plin n h IV, 88, VI, 20, 50) и *Ἰσσηδόνες* (Aristaeus fr 2, 3 [apud Hdt IV, 13, 16], 7, 10 [Paus I, 24, 6 resp V, 7, 9], Hecat FGrHist I F 193 и др., ср. [Silberman 1990 S 100–110])¹⁵, тот же суффикс, по-видимому содержится в этнониме *Γελλῶνοι* (Hdt IV, 102 2 108 sq и др.) Кроме того Плиний (n h VI, 22) упоминает племя *Сагопи* близ р. Танаис, у Птолемея (Geogr III, 5. 10) это *Καρίωνες* (Müller 1883 S 429), поблизости Птолемея называет *Οφλώνες* и где-то севернее – *Οὐβίωνες* (ibid.), этническая принадлежность этих племен, как и время их появления здесь неизвестны¹⁶. На побережье Колхиды рядом с гениохами обитали *Μαχελῶνες*, *-ῶνες* (Arrian Periplus 15, Ps-Arr 42) или *Μαγελάωνες* (Cass Dio LXVIII, 19), но они едва ли были индоевропейцами. Ср. другие племенные названия с суффиксом **-on-/en-* богато представленные в центральной Европе (кельт и герман, например, *Senones*, *Semnones*, *Hermiones*, *Teutones*) и

центральнобалканском регионе (Βίστορες, Μακεδόνες, Μυυδόνες, Παίονες, Πελάγονες, Σίθωνες и т д а также многочисленные образования с комбинированным суффиксом *-а-ον- (по всей видимости, сплошь негреческие, ср Chantraine 1933 P 163, Mayer 1959 P 218) типа знакомых нам уже Ακιρνῆνες, Ευχελῆνες или Ἐλληνες (Bechtel 1923 P 60 § 27, 75 § 5) Однако наиболее близко звучащее Σινδωναῖοι (Hecat FGrHist I F 147), народ в Фракии по всей видимости, можно понять лишь как производное от названия (города?) *Σινδων(η) (ср Σκιώνη, Τρωώνη и т п в Эгейской Фракии), хотя засвидетельствована только форма Σινδος, город в Мигдонии (Hdt VII. 123, 3)

Тогда легенду ΣΙΝΔΩΝ можно было бы рассматривать как сокращение вроде Σινδων(ικόν sc νόμισμα) Однако легенда на всех номиналах и во всех эмиссиях стабильно одна и та же, и уже только это указывает на полное написание этнонима «синды» в gen plur С другой стороны, существенно, что такая форма этнонима, как у Мелы, нигде больше не встречается, – и в надписях, и у авторов встречаем только Σινδοί (Σινδιωνοί у Лукиана Tox 55 представляет собою нарочито искусственное обратное образование от Σινδική с латинским суффиксом -ian-) Это вызывает сомнения в ее аутентичности, тем более, что у Помпония Мелы, как это обычно у латинских авторов, предостаточно и других искажений варварских названий " или таких заведомо не имевших хождения на бытовом уровне форм как Amazonici Cotaxici, Taurici (см ниже), которые происходят из греческих Αμαζονική, Κοραξική, Ταυρική (ἡ, χώρα) или просто сконструированы по этой модели Впрочем, в нашем случае речь идет скорее, о чисто палеографической ошибке Я думаю, что Sindonum является искажением из Sindorum Последнее легко восстанавливается благодаря параллелизму с in Heniochorum finibus в первой части того же предложения Привожу его полностью с учетом конъектуры in Heniochorum finibus Dioscorias a Castore et Polluce Pontum cum Iasone ingressis, Sindos in Sindorum (sc finibus) ab ipsis terrarum cultoribus condita est

Правда, в списке народов по западному побережью Кавказа в § 110, сразу после которого идет приведенный только что отрывок, находим номинатив Sindones Melanchlaena, Toretica † sex † Colicae Cotaxici, Phthiophagi, Heniochi, Achaei, Cercetici et iam in confinio Macotidis Sindones Однако сразу же бросается в глаза, что этот перечень не переписан целиком из какого-то перипла, но как подсказывает и сопоставление с Плинием (n h VI. 12 sqq) и географически неправильный порядок перечисления, был составлен из упоминаний этнонимов в пространных повествовательных контекстах, где естественно ожидать формы косвенных падежей (совершенно такого же рода список племен в I, 109 Taurici, Moschi,

Amazonici, Caspii, Coraxici, Caucasii) Ясно, что номинатив был извлечен из генетива именно в этом самом сообщении об основании города Синд, причем, быть может, уже в промежуточном источнике Мелы (или даже задним числом рукою правщика) Искажение могло поддерживаться существованием слова σινδών, 'вид полотняной ткани' (ср относительно влияния слова ἄρριχος 'корзина' на конституирование греческой формы другого кавказского этнонима Ἀρριχοί (Тохтасьев 1984 С 137) и другие подобные примеры (Тохтасьев 1986 С 143 сл Прим 37, Tokhtas'ev 1997 Р 109–112) Следует учитывать, что слово было заимствовано в латинский язык (впервые у Марциала, IV 19, 12) и нередко встречается также в средневековых текстах (Du Cange 1954 Р 492с–493а, Niemeyer 1993 Р 973) sindon, sindo) Вероятно, сходным образом, т е из-за грамматического пересогласования в ходе препарирования источника у Мелы в II 3 на Боспоре появились и «киммерийские города» in Paludem vergentia Sataichae tenent, in Bosphorum Cimmerica oppida Mirmecion Panticapaeon, Theodosia Hermisium, вместо Cimmericum или, скорее Cimmerium (ср Bosphorus Cimmerius в I, 7) ¹⁸ Ср locus parallelus у Плиния (n h IV, 87) oppidum Theodosia in ipso Bospori introitu Panticapaeum Bospori Cimmerii iongitudo XII • D passuum oppida naves Hermisium, Mirmecium et inius insulam Alopescen В ногу с автором или переписчиками жалкой книжки, так часто не столько помогающей нам, сколько сбивающей с толку, идут и ее исследователи нашего времени ни в одном из известных мне изданий «Хорографии», ни в «Scythica et Caucasica» Латышева это место не только не исправлено (в чем есть резон, т к чтение может восходить к самому Меле), но даже не отмечено, что должно было бы стоять в тексте на самом деле Всерьез воспринял это чтение у Мелы Ростовцев (Ростовцев 1925 С 46, Rostowzew 1931 S 44) «Он один называет города у Пантикапея, включая и сго – Мирмекский, Феодосию и Гермисий – городами киммерийскими» Последний по времени издатель Мелы (Silberman 1988 S 164 № 1) комментирует это место совершенно в духе средневековой рецепции античных авторов «Sur les Cimmerica oppida Strab XI, 2, 5 ¹⁹, le Ps -Scylax les appelle villes grecques (68 in G G M I)»

* * *

Ps -Скилак (72) прямо причисляет Синдскую гавань к греческим городам в стране синдов Это подтверждается Ps -Скимном (887 sq Diller), который по недоразумению огулом поместил ее вместе с Фанагорией и Гермонассой на один остров ²⁰ но зато сообщает важные подробности, – выясняется, что, подобно Киммериде (выше прим 1), город возник в ходе вторичной колонизации Σινδικὸς λιμὴν, ἔχων οἰκῆτορας Ἑλληνας ἐπ' ἐγγύς ἐκόντας τόπον Синдская гавань население которой составляют эллины, пришедшие из близлежащих мест»

Указаниям периплов на первый взгляд противоречат данные Мелы (I, 111) *in Heniochorum finibus Dioscurias a Castore et Polluce Sindos in Sindonum ab ipsis terrarum cultoribus condita est* Ведь местными жителями Синдики при первом приближении естественно считать самих синдов, так это место всегда и понимали

Гайдукевич (1949 С 216) рассчитывал найти компромиссное решение в том, что сообщение Пс -Скимна подразумевает греческих «эпойков» в исконно синдском населенном пункте, но значение слова οἰκῆτωρ в греческом языке вообще и специально у Пс -Скимна ²¹, как и сам контекст его сообщения, делает такое предположение совершенно произвольным выражение ἔχων οἰκῆτορας употреблено у Пс -Скимна просто для стилистического разнообразия после Φαναγόρειά τε, ἦν Τηϊούς οἰκίσαι в 885 sq Diller конечно, речь идет просто о *жителях* города и их происхождении (ср перевод К Мюллера в GGM I «Graecos habens incolas»)

Учитывая известные качества сочинения Мелы мне кажется более вероятным, что в его источнике говорилось о тех же «греках, пришедших из близлежащих мест,» но эти *местные греки* превратились у него в просто местное т е варварское население «синдских пределов» Действительно, Мела пишет не о синдах а лишь о «самих жителях (синдских) земель» что противопоставляет эти слова, собственно не национальности основателей Диоскуриады – Кастора и Полидевка, в первой части периода, а тому, что они были здесь *иноземцами* Если посмотреть на эту фразу Мелы под таким углом зрения, т е в сопоставлении с Пс -Скимном окажется что за словами Мелы может стоять вполне конкретное указание его источника на основании Синда жителями городов на территории той же Синдики (например, из Гермонассы, Фанагории или Кеп согласно Меле, § 112 они находились как раз в Синдике) Надо думать, тяга нашего хорографа к риторической изощренности, с одной стороны, и отсутствие подлинного научного интереса к заявленной теме опуса, с другой, и привела к двусмысленности создав красивую (скрытую) антитезу, он превратным образом переложил сообщение своего источника, чем ввел в заблуждение исследователей нового времени

Таким образом, удастся выяснить, что на самом деле сведения обоих авторов не вступают в противоречие а напротив, скорее взаимно подкрепляют друг друга Оба донесли до нас одну и ту же традицию об основании Синдской Гавани а расхождение в облике топонима гарантирующее независимость их источников, неизбежно ведет к заключению, что традиция эта в конечном счете – локальная боспорская

Примечания

¹ Гекатей о всяком случае едва ли подходящая кандидатура, Мела при упоминании Милета в I, 86 перечисляет знаменитых людей, происходивших из этого города – Фалеса, Анаксимандра и Тимофея, но Гекатея не называет, *Ἰκαμάτας* у него – «ближайшие к устью» Тананса в I 114, у Гекатея же (*Fgi Hist 1 F 216 apud St Byz*) они, во-первых выступали в форме *Ἰκαμάται* (*Ἰκαμάται* codd. обычнейшее смешение *mo* и *betu* в курсивном письме), а во-вторых помещены по соседству с Синдикой (*ἔθνος πρὸς τῇ Σινδικῇ*) дополнительное указание – «на Понте» является самой общей ориентировкой (так и город Синдик у Стефана [*s v Σινδικός*] оказывается «прилетающим к Скифии») и бесспорно, не принадлежит Гекатею. Против использования Мелой Гекатея см также (*Gisinger 1952 Sp 2379 30 f*) и вообще необходимо отметить, что верное в целом (*Gisinger 1952 Sp 2370 § 5, 2404 § 16*) мнение, что сведения Мелы Северном Причерноморье едва ли не исключительно восходят к ранней реческой историко-географической литературе (*Ростовцев 1925 С 45 сл Rostowzew 1931 S 44*) не следует абсолютизировать. В I, 113 назван *Σίντιον* на Азиатском Боспоре основанный как сообщает Пескимон (*895 sqq Diller*), боспорскими тиранами т.е., очевидно, Спартокидами, а в II, 3 – Прекрасная Гавань (*Καλὸς ἕλιμας*) основанная не ранее середины IV в до н.э. херсонеситами (*Щеглов 1978 36*). Об источниках Мелы см далее (*Gisinger 1952 Sp 2404–2407 Silberman 1988 S XXX–XLII*).

² Хиос – один из немногих ионийских поэтов где стяжение *εω > ω* зафиксировано уже в середине VI в (*Thumb, Scheier 1959 S 255*), ср (*Тохтасьев 1999 С 178*).

³ Об ударении см (*Тохтасьев 1998 С 297*). Тем временем отыскан еще один пример с ударением на первом слоге – *Polyaen VIII 55* (новела о Тиргатае, к которой мы скоро обратимся), где переносчик (или еще сам автор?) вдобавок заменил синдов на более известных ему синтов – *Σίντοι* (опять же правильнее *Σίντοι* ср *Steph Byz s v Σιντία Σίντοι ὀζυτόνω*) а также [*Detschew 1976 P 446 f*]), как называлось одно из южнофракийских племен, то же (но *Sinto*) у Пескипака, 72, однако *Σίντοι* в так наз. «Страбоновских Хрестоматиях» (*Strab VII fr 45 cod Palat Heidelb gr 398, IX в*). Подобного рода замены в рукописях нередки см лит. ниже, в разделе о *Pomp Mel I 110 sq*.

⁴ В Ольвии единожды засвидетельствован пример стяжения *εω > ω* уже во второй половине VI в до н.э. *δέυδρων οἱ δέυδρε(+)*ων (*Rusjaeva, Vinogradov 1991 P 201 Vinogradov in SEG XLII 710*) = (*Dubois 1996 № 27*) а также в 1-й половине V в *ξυνών < -έων < -ή()*ων (*Тохтасьев 1996 С 183 сл ср Dubois 1996 № 97 Vinogradov Rusjaeva 1998 С 155*) ранний аттицизм? Однако для *α*-основ свидетельства пока не известны, если не считать двух несколько более поздних примеров КБН 8/1 *Αθιφοῖω* (1-я половина IV) и 1061 *Αταχισῶ* (Гермонасса, начало IV или рубеж V/IV вв), ср (*Виноградов Тохтасьев 1998 С 38 сл Прим 45*), но здесь мы имеем дело с особым развитием именно группы *αεω* ном *-ιης* (*Bechtel 1924 P 66, Thumb, Scheier 1959 P 260, 269 § 2 a*). Надписи КБН 1038 (время Левкона *Τορτέτων*) и 1065 (1-ая половина IV в. сперва было вырезано *Νύμφεω* а затем переправлено на *Νύμφεω*) из Гермонассы являются самыми ранними боспорскими примерами этой контракции в генетивах *α*-основ с предшествующим согласным. В других надписях времени Левкона КБН 6 1038 находим еще *Τορτέτων*. Лишь в надписях времени Перисада I (КБН 8 и др.) в титулатуре боспорских правителей фиксируется *Ματῶν*

из *Μαι-ιτ-έων. Особый случай представляет собою Τριώριος γεν (к τριώρος < *τριώρος < τριήρος), имя в графито из Феодосии около рубежа V/IV вв (Штерн 1897 С 181 № 49), ср (Leumann 1950 P 223 f. Anm 20)

⁵ Нет никаких оснований вместе с Л Робером (Robert 1964 P 511) ставить в связь с этнонимом *синды* малоазиатское имя Σινδης (примеры вместе с другими однокоренными именами см Zgusta 1964 § 1430)

⁶ Не смущают их и то, что выражение «царь синдов» в официальной титулатуре Спартокидов (начиная с Левкона) обозначало бы возникновение несслыханной путаницы в понятиях, которой беспорочное правительство разумеется, никак не могло бы допустить – хотя бы из политических соображений

Для обозначения некоей совокупности греков постоянно обитающих в варварской стране, употреблялись аналитические конструкции, ср например Hdt IV, 8, 1 Ἕλληνας οἱ τὸν Πόντον οἰκεῖντες – «эллыны, населяющие (область) Понта» Другой способ – присоединение к названию страны одного из суффиксов этниконов, чем и достигалось различие с варварским этнонимом, например Ἴταλοι (впервые Aristot Pol I 329 b 10) местное варварское население Италии Ἰταίσι, от которого произведено ἰαλίη ~ ἰαλίης (Anisochi Syn FGtHist 555 F 5) и ит. Ἰταλιῶται (Hdt IV 15 2 leg -ήται' [ср codd Orig с Cels III 26 ex Hdt Ἰταλίη τε ωι] Thuc VI 90 и др.) население греческих колоний в Италии, аналогично различались Σικελοί Siculi и Σικελιώται (например Thuc V 4 sq), ср разъяснение в схолиях к Фукидиду, V, 5, p 90 41 Naase «Следует знать, что греки [живущие] в Сицилии называются сикелитами, а варвары [живущие] в ней сикелами. Так же и в случае с италиотами и италами

⁷ Завойкин и Болдырев могли бы – в своих же интересах – сослаться на мои наблюдения (Тохтасьев 1984 С 141 Прим 26) над словообразовательными особенностями эпитета Аполлона в Абдерах Δηρινοῦς (Pind Paе II, 5) или Δηρινοῦς (Lucan 440), и Афродиты Урании на Боспоре – Αιτιουροῦς (а также его коррелята в форме ж р или антропонима Αιτιορή с Берзани ср Тохтасьев 1999 С 188), оба образованы от топонимов без посредства продуктивных суффиксов (в отличие, например от позднего Αιτιουρίας КБН 1045). Но в первых Завойкин и Болдырев вообще не упоминают эту мою работу, предпочитая полемизировать с Шеловым-Коведяевым, а во-вторых я и сам сейчас смотрю на эти данные иначе. Эпитет Δηρινοῦς очевидно, воспринимался как прилагательное с топонимическим суффиксом -ινός, очень популярным в Фракии и специализировавшимся там в частности для образования эпитетов от топонимов (Гильбов 1964) ср (Wilamowitz-Moellendorff 1913 S 255, Radt 1958 S 29) вариант Δηρινοῦς является или произвольной трансформацией варварского названия, принадлежащей Ликофрону (Radt 1958 S 30), что вообще у него встречается на каждом шагу или скорее происходит из *Δηρινοῦς, т.е. от топонима *Δηρος или *Δηρα (ср *Αβ-δηρα атт Νύβδηρα [Wilamowitz-Moellendorff 1913]) с тем же самым -ινός, причем в оригинальной огласовке, и с топонимическим суффиксом *-ιου- / -ιο-, очевидно присоединенным еще на фракийской почве, во всяком случае вполне вероятно, что на самом деле этот эпитет был именем местного божества, случайно созвучие с Ζεῖρηνη Αφροδίτη ἐν Μικιδονίῳ (Hesych.)⁸ отметим, что в зачине «Абдеритского пана» Пиндар обращается в частности «к Деренскому Аполлону вместе с Афродитой». На ионийском диалекте Αἰτιουροῦς от которого идет Αἰτιουρος (и Αιτιορή) сузя

по всему тоже осознавалось как прилагательное от *πατήρ* с копулятивным *ἰων* (ср. *τομερ ὄ-πατρος*, а также грамматический род топонима, зависящий от *ἰερον*), и могло передать эту характеристику эпитету без дополнительного расширения

⁹ По моему изданию (Тохтасьев 1998 С 299) с незначительными изменениями Летом 2000 г. мне удалось лично осмотреть камень в фондах Анапского музея. Автентичность не даётся ничему существующему новому по сравнению с изданием (по фотографии) поврежденных мест надписи принадлежащими Ю. Г. Виноградову (и мне самому) самое важное что подтвердилось чтения всех фрагментированных или плохо различимых на снимке букв. В приведенный здесь текст внесены необходимые коррективы

¹⁰ В ряде случаев Ю. Г. Виноградов первоначально предлагал существенно отличные от моих восстановления и интерпретацию надписи, всё же, в ходе переписки по этому поводу, мне удалось переубедить его, он выражал лишь некоторые сомнения в собственном же восстановлении стк. 1 и, пожалуй, излишне горячо одобрил мое – *exempli gratia* – восстановление стк. 7. Юрий Германович подготавливал масштабную статью о надписи Левкона и исторических событиях стоящих за ее строками, для петербургского журнала *‘Hesperoboteus’*. Смерть похитила его в самый разгар работы

¹¹ Сатир отдал за Гекатея свою дочь «приказав» (*ἀκίωσας*) ему, по выражению Полиена убить свою жену Тиргатао

¹² Это допускал уже Зограф (Зограф 1951 С 168), отмечая вместе с тем, что «однородность монетной техники в ô низких территориально городах слишком обычное явление» так что нельзя исключать и другие монетные дворы (Зограф 1951 С 169). Ср. также (Анохин 1986 С 15)

¹³ В главном еще не зная о посвящении Левкона так же полагают и Анохин (Анохин 1986 С 20 ср. (без ссылки) Терещенко 1999 С 89). Здесь Анохин *expressis verbis* пишет о монетах синдос, но раздел «Г» (Анохин 1986 С 14) в главе I об «автономной чеканке» на Боспоре озаглавлен у него «Синдская Гавань» (то же – в таблице на с. 20–21 и в каталоге монет на с. 138). А на с. 28 он присоединяется к тем, кто считает что монеты чеканил греческий полис Синдская Гавань, но тут же называет их синдекими «... вывод о принадлежности синдекских монет полисной организации греков Синдской Гавани». Перед нами еще один пример того что можно написать, если не задумываться над смыслом собственных слов (почему подобных примеров так много именно в сочинениях исследователей, писавших об этих злосчастных монетах – я понять не могу), собственные доводы Анохина в пользу этого мнения столь же безыдежно путаны

¹⁴ Об их существовании свидетельствует тот же Полиен. Тиргатао разоряет не только Синдику, но и владения Сатира – естественно не на европейской стороне пролива. Могильный памятник Сатира (Strab. XI 2 7) располагался на «некоем мысу» на побережье Корокондамитиды видимо, в непосредственной близости от Патрея (что скоро не указано расстояние от последнего до кургана). Предположение А. А. Завойкина (Завойкин 2000 С 47–59), что Страбон имел в виду не могилу а что-то иное беспочвенно. Выражение *χωτόν ἀνδρός* (а не *μνηρία χωτόν*, как он вероятно, вслед за Латышевым (Латышев 1909 С 75), ошибочно пишет – *χωτόν* является здесь существительным) может означать только могильный курган мужа (т.е. Сатира), буквально «насыпь над мужем», сочетание слова *μνηρία* с личным именем в тегетиве специализируется в значении

надмогильный памятник уже в древнейших эпитафиях (Hansen 1983 P 58, 62 84 и т.д., Simonid adscr VI [Page 1981 195 f] = Hdt VII, 228, 3 = A P VIII, 677), совершенно обычно оно и в историко-географической прозе, ср например, Ps -Scylax 8 Ἐλπίωρος μῦθος, курган Элпенора, одного из спутников Одиссея на побережье Лациума, близ Неаполя показывали «памятник Парthenопы, одной из Сирен» когда корабль Одиссея благополучно миновал остров Сирен, она с отчаяния бросилась в море и утонула Strab V, 4 7 См далее (Giehler 1914 138 ff., Gekker 1990 220 ff) Несостоятельны и догадки Завойкина, что курган располагался на вершине грязевого вулкана Куку (Кусу) — оба в том контексте, в котором стоит у Страбона выражение ἐπ' ἄκρης, оно должно означать именно «на мысу» Итак, следует переводить «Отсюда (т.е. от Ахиллия) 90 стадиев до надгробного монумента Сатира, он представляет собою находящуюся на некоем мысу (курганную) насыпь мужа из числа славно правивших на Боспоре»

¹⁵ Между прочим, суффиксация однозначно указывает на то, что исседоны не были иранцами и -е *о перешло в индо-иран в *а Источники помещают исседонов в самые разные места Евразийского степного пояса судя по всему, речь идет об отдельных группировках первоначально единого этноса распавшегося в процессе миграций, аналогичным образом обстояло дело, например со славянскими племенами хорватов, сербов, полян, да и сам этноним *славяне* стал со временем самоназванием ряда народов, причем тоже с вариациями вторичных словообразовательных формантов (*словенцы* *словяны* *словаки* *словене* *ильменские*)

¹⁶ Сагопὶ и Κυρίωνες, созвучные топониму Καροία κωμή на Нижнем Дону (Ptol Geogr III, 5 4 Müller) т.е. в том же районе, заставляют вновь вспомнить замечание Плиния (n h VI, 20) что областью (низовий) Танаиса сперва владели карийцы — primo Caries (и далее dein Clazomeni et Maeonis, postea Panticapaeenses), ср (Тоختасьев 1984 С 134) Эти «карийцы» впрочем невозможно являются на самом деле местным племенем которое не имеет никакого отношения к малоазийскому народу и идентифицировано с ним лишь по созвучию этнонимов, причем форма номинатива (т.е. основы) по дери.лась соответствующей трансформации, соотношение Caries и Сагопὶ по-существу такое же, как в перечисленных выше примерах первая форма соотносится с Κυρίωνες как Βύλις город в Эпире, с этнонимом Βυλλίωνες (IG V/1 28 Steph Byz и др.) Визгунди(i) с Визгундионес и т.д.

¹⁷ Например, рукописный текст отрывка I, 110, приведенного ниже, выглядит так menanctea terrestrea sexsolicae coraxi cleptyrophagi haeniochi etc

¹⁸ Ср. похожий палеус в «Хронографии» Феофана р. 357, 4 de Βοοι διὰ τῆς ἡς Βοσπόρου κη Κιζιερίου ср (Тоختасьев 1984 а С 147 Прим 8)

¹⁹ Разумеется у Страбона нет ничего такого что подтверждало бы гипотезу «Киммерия же прежде был городом основанным на полуострове запиравшим перешеек восточным и западным» (и далее о киммерийцах)

²⁰ Этот «остров» согласно Пс -Скимну, образовывался Гипанисом который одним рукавом впадал в Меотиду, а другим в Понг

²¹ Ср. 270–275 после халкидян, предводительствуемых Геоклом на Сицилию отправились ионийские и дорийские *посетители* 400 sq *житети* (местные) области Истрии на реке Эридан посягающие черную одежду в трауре по Фазтону 541 Крит древнейшее население которого (ἔρετ οἰκίτορες) называлось эокритянами, 587 город Гераклею впервые основали чаконцы, отправив для этого массу *посетителей* В некоторых случаях (например, Thuc II, 27, VIII 69, 3) οἰκίτορες действительно употребляется в отношении эпонимов но это всякий раз вытекает из недвусмысленного контекста а слово само по себе никогда не является синонимом ἔθνοικος, см (Casevitz 1985 S 82 85)

Литература

- Алексеева 1990 – *Е М Алексеева* Раннее поселение на месте Анапы // КСИА 1990 Вып 197
- Алексеева 1991 – *Е М Алексеева* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа М, 1991
- Анохин 1986 – *В А Анохин* Монетное дело Боспора Киев, 1986
- Блаватская 1993 – *Т В Блаватская* Посвящение Левкона I // РА 1993 № 2
- Виноградов, Тохтасьев 1998 – *Ю А Виноградов, С Р Тохтасьев* Новые посвященные граффити из Мирмекии // *Hyperboreus* 1998 Vol 4 Fasc 1
- Грач 1972 – *Н Л Грач* К находке синдской монеты в Мирмекии // ВДИ 1972 № 3
- Завойкин, Болдырев 1994 – *А А Завойкин С И Болдырев* Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // Боспорский сборник 1994 Вып 4
- Завойкин 2000 – *А А Завойкин* Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo XI 2 7) // Древности Боспора 2000 Вып 3
- Зограф 1951 – *А И Зограф* Античные монеты М – Л 1951 – (МИА № 16)
- Латышев 1909 – *В В Латышев* ПОНТИКА СПб, 1909
- Никонов 1970 – *В А Никонов* Этнонимия // Этнонимы М, 1970
- Откупщиков 1999 – *Ю В Откупщиков* Древнейшая греческая ономастика Северного Причерноморья // Боспорский феномен СПб, 1999
- Ростовцев 1925 – *М И Ростовцев* Скифия и Боспор [Птг] 1925
- Смекатова 2000 – *Т И Смекатова* Значение изучения состава монетных сплавов для античной нумизматики (на примере Боспора) // Древности Боспора 2000 Вып 3
- Терещенко 1999 – *А Е Терещенко* О монетах с надписью ΣΙΝΔΩΝ // *Stratum +* 1999 № 6
- Тохтасьев 1984 – *С Р Тохтасьев* Scythica в трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо 1979) // ВДИ 1984 № 3
- Тохтасьев 1984 а – *С Р Тохтасьев* “Киммерийская топонимия” I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья М, 1984
- Тохтасьев 1986 – *С Р Тохтасьев* Апатур История боспорского святилища Афродиты Апатурос // ВДИ 1986 № 2
- Тохтасьев 1992 – *С Р Тохтасьев* Из ономастики Северного Причерноморья II Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья СПб 1992
- Тохтасьев 1996 – *С Р Тохтасьев* Магическое граффито из Ольвии // *Hyperboreus* 1996 Vol 2 Fasc 2
- Тохтасьев 1998 – *С Р Тохтасьев* К чтению и интерпретации посвященной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Hyperboreus* 1998 Vol 4 Fasc 2
- Тохтасьев 1999 – *С Р Тохтасьев* Ред *L Dubois* Les inscriptions grecques dialectales d Olbia du Pont Geneve 1996 // *Hyperboreus* 1999 Vol 5 Fasc 1
- Шелов 1981 – *Д Б Шелов* Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации Тбилиси, 1981
- Шелов-Коведяев 1985 – *Ф В Шелов-Коведяев* История Боспора в VI–V вв

- до н э // Древнейшие государства на территории СССР М., 1985
- Штерн 1897 – *Э Р фон Штерн* Graffiti на античных южнорусских сосудах // ЗООИД 1897 Т XX
- Щеглов 1978 – *А Н Щеглов* Северо-Западный Крым в античную эпоху Л. 1978
- Гъльбов 1964 – *И Гъльбов* Тракийские имена на -ηνος -ανος и ихните проблеми // Известия на Института за български език 1964 Т 10
- Bechtel 1923 – *F Bechtel* Die griechischen Dialekte Berlin 1923 II Bd
- Bechtel 1924 – *F Bechtel* Die griechischen Dialekte III Bd Berlin 1924
- Casevitz 1985 – *M Casevitz* Le vocabulaire de la colonisation en grec ancien Paris 1985
- Chantraine 1933 – *P Chantraine* La formation des noms en grec ancien Paris, 1933
- Dubois 1996 – *L Dubois* Les inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont Geneve 1996
- Detschew 1976 – *D Detschew* Die thrakischen Sprachreste 2 Aufl Wien 1976
- Du Cange 1954 – *Г Du Cange* Glossarium mediae et infimae Latinitatis Graz 1954 Т VIII (Nachdruck der Ausgabe 1883–1887)
- Ecker 1990 – *U Ecker* Grabmal und Epigramm Studien zur frühgriechischen Sepulkraldichtung Stuttgart 1990
- Lichler 1914 – *I Lichler* ΣΗΜΑ und ΜΝΗΜΑ in alteren griechischen Grabinschriften / Athenische Mitteilungen 1914 Bd 39
- Gisinger F 1952 Pomponius Mela // RE XXI
- Hammond 1972 – *N G L Hammond* A History of Macedonia Oxford 1972 Vol I
- Hansen 1983 – *O Hansen* Carmina epigraphica Graeca saeculorum VIII–V a Chr n Berolini et Novi Eboraci 1983
- Kluge 1926 – *F Kluge* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte 3 Aufl Lpz 1926
- Kretschmer 1923 – *P Kretschmer* Sprache / Einleitung in die Altertumswissenschaft Lpz 1923 1/6
- Leumann 1950 – *M Leumann* Homerische Wörter Basel 1950 (2 Aufl 1993 Darmstadt)
- Lloyd-Jones Parsons 1983 – *H Lloyd-Jones P Parsons* Supplementum hellenicum Berolini et Novi Eboraci 1983
- Mayer 1959 – *A Mayer* Die Sprache der alten Illyrier Wien 1959 Bd II
- Müller 1883 – *C Müller* Clavii Ptolemaei Geographia E codicibus recognovit C Mueller Parisiis 1883 Vol I
- Niermeyer 1993 – *J F Niermeyer* Mediae Latinitatis lexicon minus Leiden 1993
- Page 1981 – *D I Page* Further Greek Epigrams Cambridge 1981
- Radt 1958 – *St L Radt* Pindars zweiter und sechster Paian (Proetschrift Univ van Amsterdam) Amsterdam 1958
- Robert 1964 – *L Robert* Les noms indignes dans l'Asie Mineure gréco-romaine Paris, 1964 Т I
- Rostowzew 1931 – *M Rostowzew* Skythien und der Bosphorus Berlin 1931 Bd I
- Rusjaeva Vinogradov 1991 – *A S Rusjaeva Ju G Vinogradov* Der «Brief des Priesters» aus Hylaia // Gold der Steppe Archäologie der Ukraine Schleswig 1991
- Silberman 1988 – *I Silberman* Pomponius Mela Chorographie Texte établi traduit et annoté par A S Paris 1988 – (Collection Budé)
- Silberman 1988 – *A Silberman* A propos des Issedon Hérodote (IV 21–27) et les témoignages latins corresponants // Revue de philologie 1990 Т 64 Fasc 1–2

Ihumb Scherer 1959 – *I Ihumb I Scherer* Handbuch der griechischen Dialekte Heidelberg, 1959 II Teil

Iokhtas ev 1997 – *S R Iokhtas ev* Zum Volksnamen «Ireren» // Actes [du] Symposium international des études thraciennes `Thrace antique` Comotini 1997 T I

Vinogradov 1990 – *Ju G Vinogradov* // Bulletin épigraphique 1995 – Revue des études grecques T 103

Vinogradov 1995 – *Ju G Vinogradov* // Bulletin épigraphique 1995 – Revue des études grecques T 108

Vinogradov Rusjaeva 1998 – *Ju G Vinogradov A S Rusjaeva* Phantasmomagica Olbiopolitana // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 1998 Bd 121

Wilamowitz-Moellendorf 1913 – *U von Wilamowitz-Moellendorf* Sappho und Simonides Berlin 1913

Zgusta 1964 – *I Zgusta* Kleinasiatische Personennamen Prag 1964

Я М Паромов

Укрепленные дома азиатского Боспора

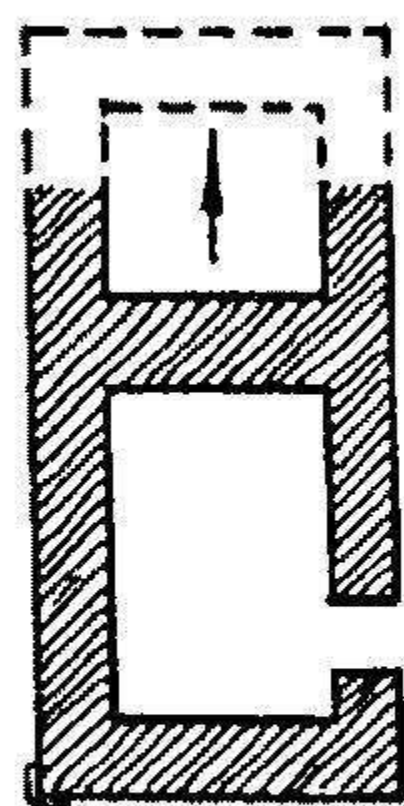
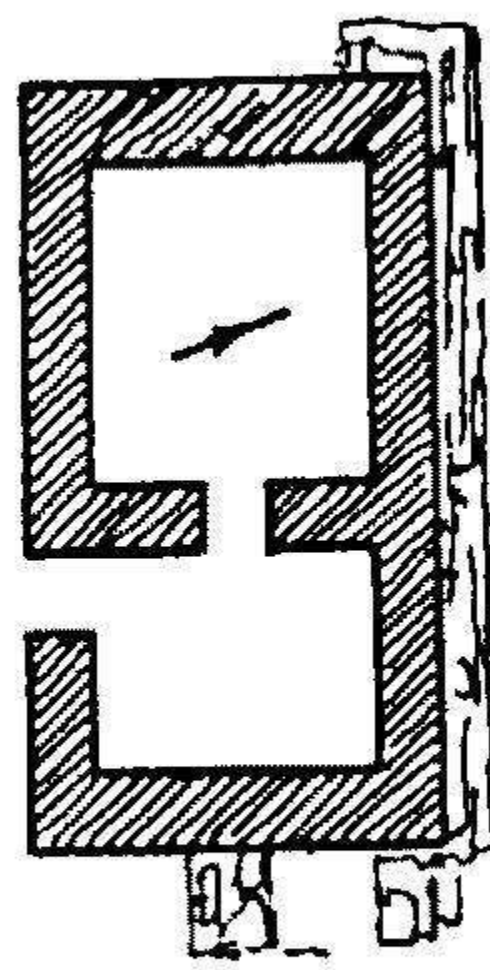
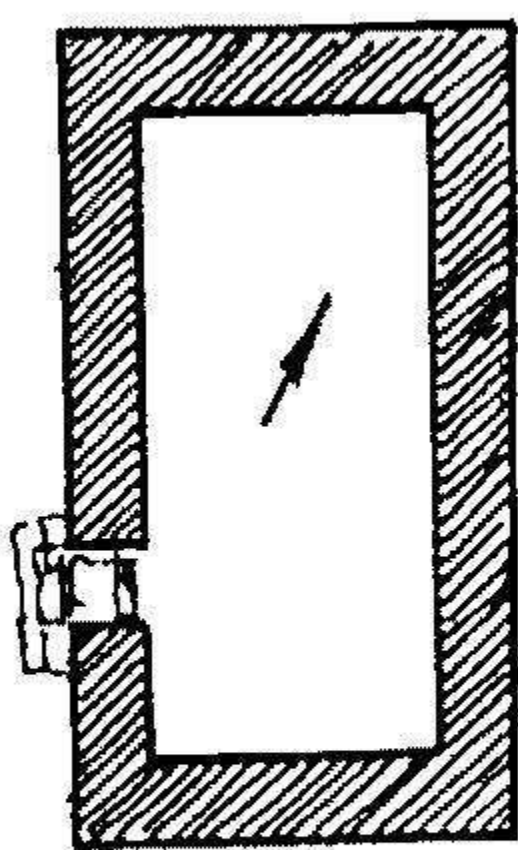
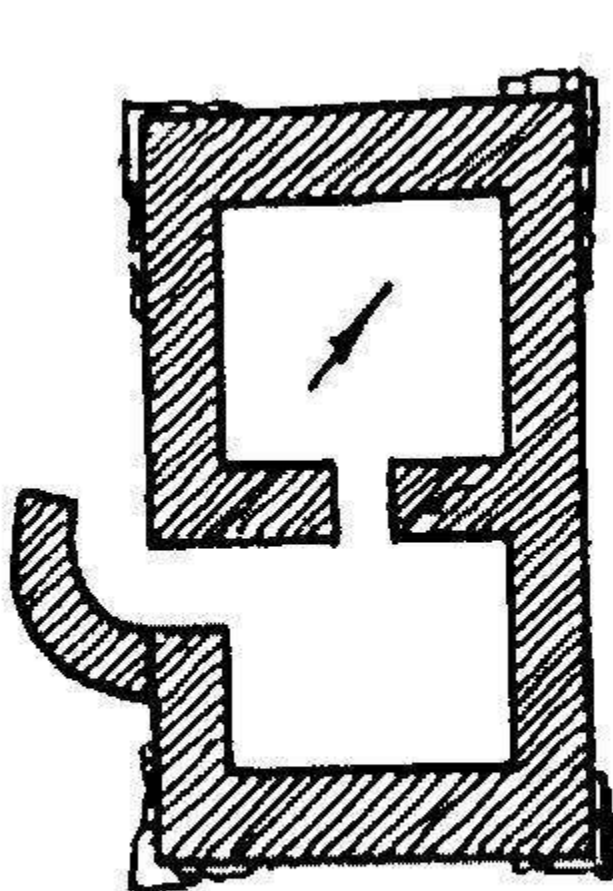
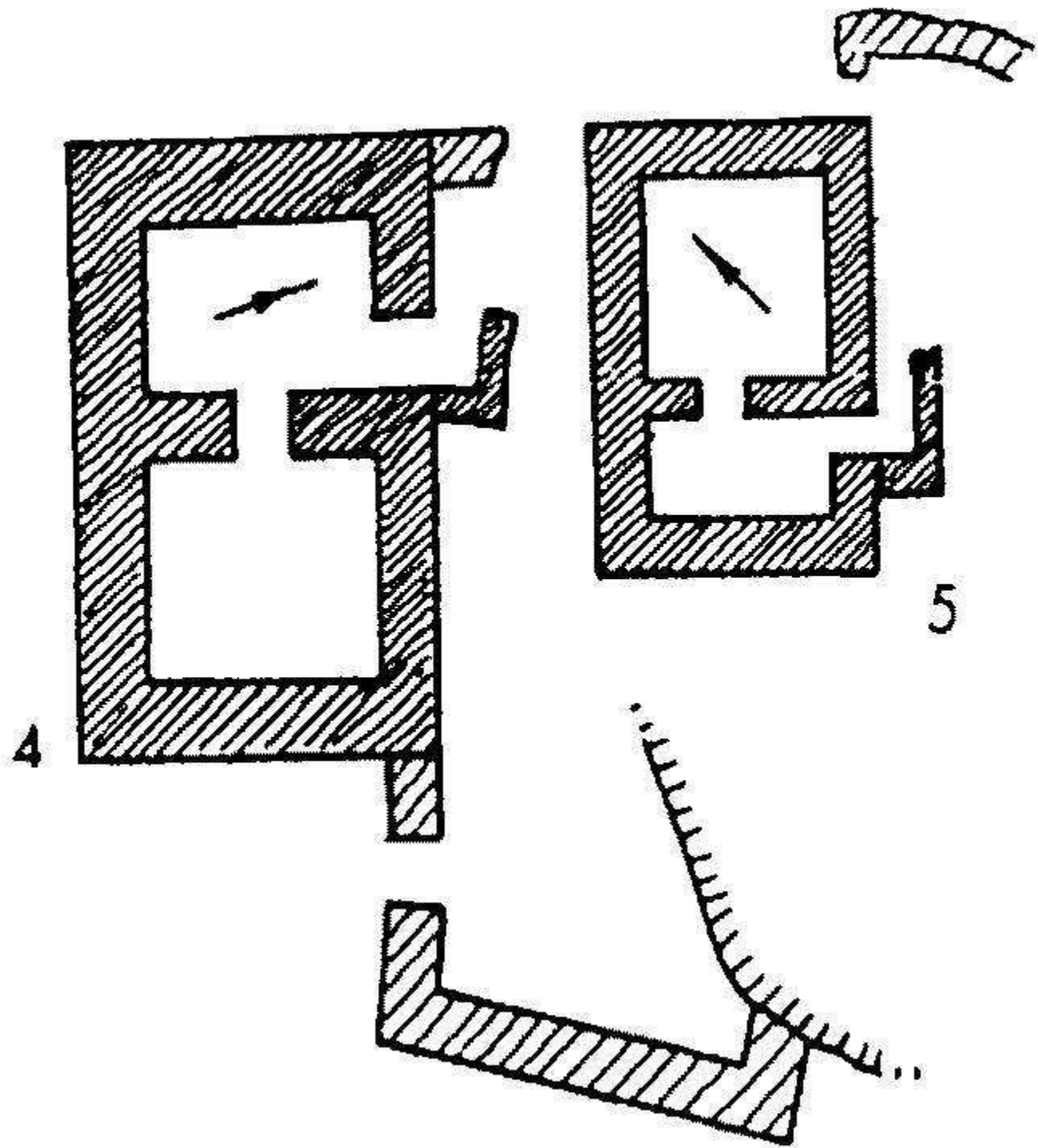
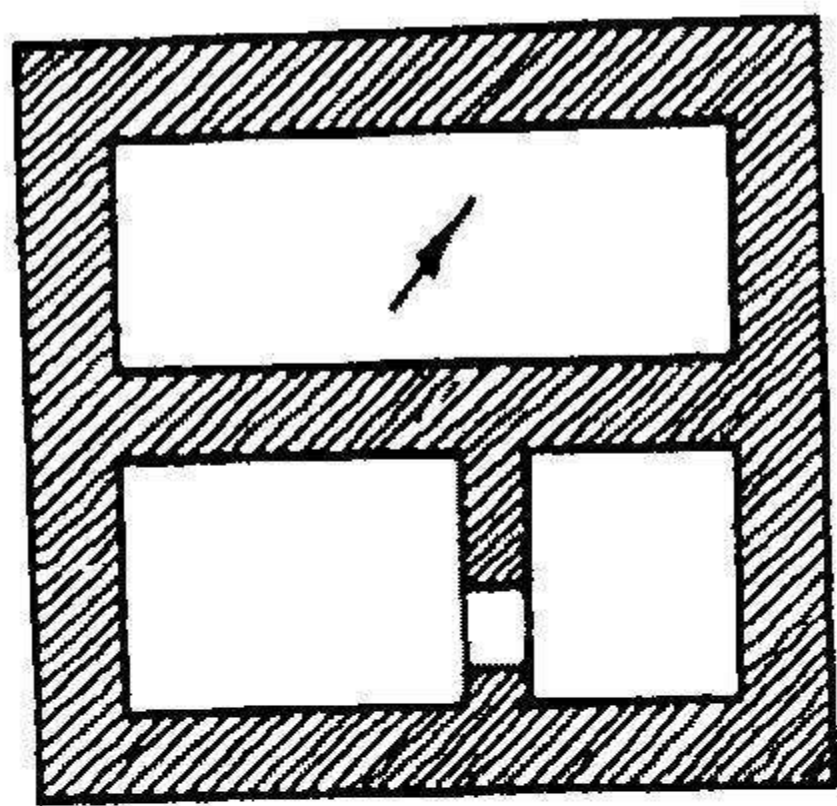
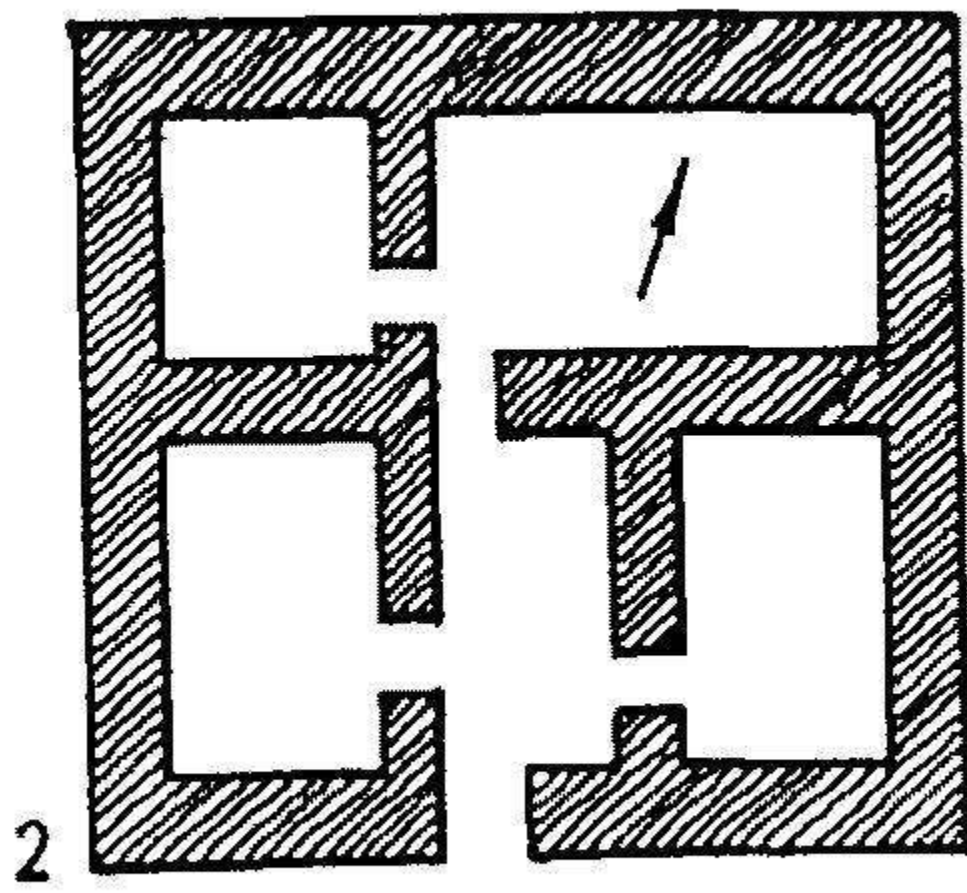
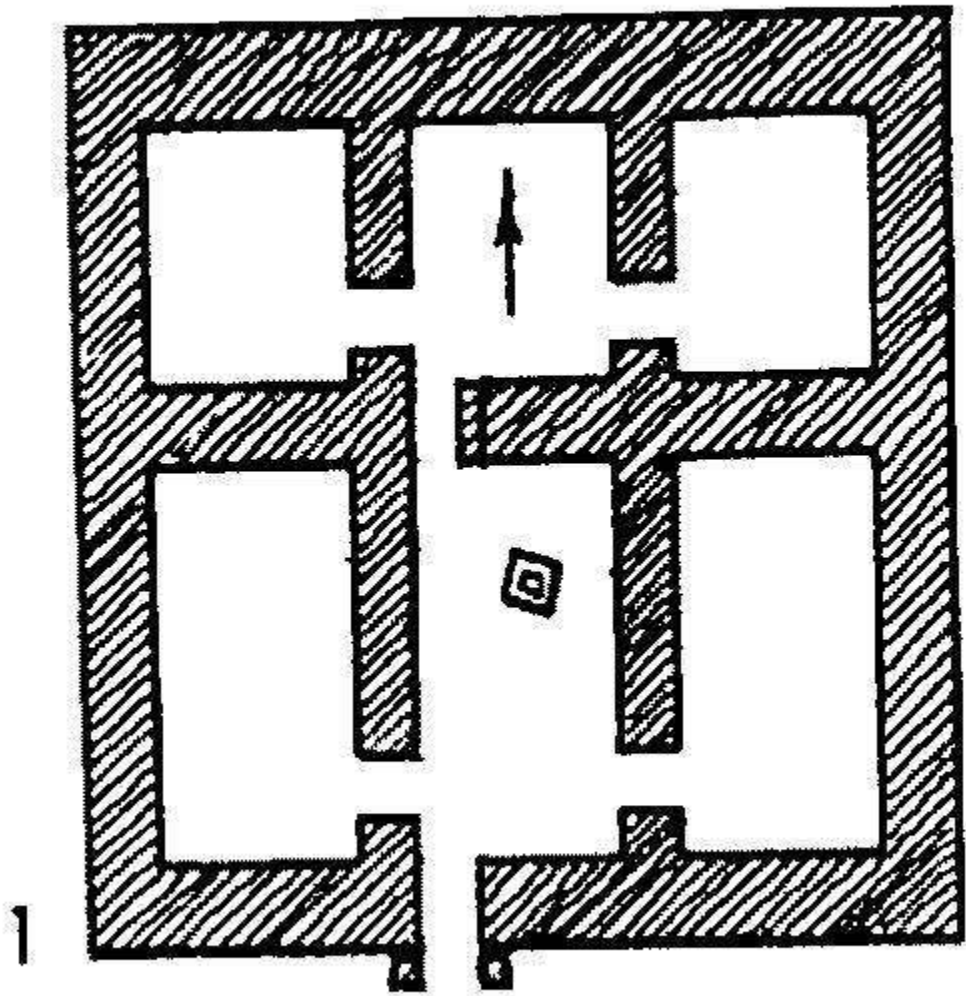
В обобщающем труде посвященном архитектуре античных государств Северного Причерноморья, С Д Крыжицким выделена группа домов башенного типа в которой анализируются два здания и учтены еще две постройки исследованные на территории азиатского Боспора (Крыжицкий 1993 С 147–162–168) Они выделяются не только своей архитектурой и строительными приемами но также историческим контекстом В настоящее время к ним можно отнести около десяти исследованных зданий Пять из них были включены в работу, затрагивающую одну из сложнейших в истории Боспорского царства I в до н э проблему аспургиан (Сапрыкин 1985) К упомянутым домам относятся

Монуменгальное здание на Семибратнем городище (Анфимов 1941 С 258–263) построено в северо-восточной возвышенной части городища внутри крепостных стен (рис 1) Размеры 22,5 x 19,5 м площадь 440 кв м Наружные стены шириной 1,7 м, сложенные из блоков известняка-ракушечника опирались на каменные цоколи около 1 м высотой (ширина внутренних стен 1,4 м) Стены были сложены вперевязь Нижний этаж здания имел шесть помещений хозяйственного (с каменными вымостками) и жилого назначения В одном из них (центральном дворике расположенном с южной стороны) находились колодец и вход в здание, фланкированный двумя столбами Среди находок ведущую роль играют фрагменты “местной сарматской посуды из серой и красно-коричневой глины” ткацкие грузила и пряслища найдены зерна проса железные серпы топоры мотыга жернова фрагмент терракоты (всадник) и т д По фрагментам

чернолаковых сосудов эллинистического времени, светлоглиняных широкогорлых амфор с двустольными ручками и монетам здание датировано 2-й половиной III в до н э – I в н э По мнению исследователя мощность его наружных стен преследовала защитные цели, в архитектурном отношении оно носит целый ряд черт местного характера, представляя, может быть, “образец синдской архитектуры” в городе, население которого было преимущественно сарматским

Укрепленное здание у поселка “За Родину” (Сокольский 1975 С 21–30, 1976 С 32–44, 89–111) построено в северо-западной возвышенной части окруженного валом и рвом укрепления (рис 2) на сnivelированных остатках более ранних построек Размеры 20,8 x 17,5 м, площадь 364 кв м Наружные стены шириной 1,7 м, сложенные из сырцового кирпича, опирались на каменные цоколи высотой до 2 м Ширина внутренних стен аналогичных по конструкции – 1,3 м Стены были сложены вперевязь Нижний этаж здания имел пять помещений В одном из них (вестибюле или центральном дворике, расположенном с южной стороны) находились вход в здание и лестница на второй этаж Глиняные и замощенные полы помещений находились на разных уровнях ступенчато повышаясь Стены были покрыты глиняной обмазкой со следами побелки Помещение смежное с двориком было, вероятно, домашним святилищем другие – хозяйственными (найжены амфоры, пифосы зернотерки железная пила бронзовые рыболовные крючки, поплавки для сетей ткацкие грузила пряслица и т д Особого внимания заслуживают две известняковые плиты с “варваризованно исполненными” надписью “Тиха Хрисалиска Царь Асандр – друг римлян” и схематическим изображением Тихи, где рядом со скипетром в руке богини высечена сарматская тамга По коллекции монет и другим находкам здание датировано концом II – концом I в до н э По мнению исследователя оно возникло в процессе сарматизации Боспора и появления здесь, согласно свидетельству Страбона, ираноязычного племени аспургиан и погибло в огне между 17 и 8 гг до н э

Укрепленная усадьба Юбилейный I (Савостина 1987 С 58–61, Фролова Савостина 1998 С 140–142 Savostina 1987 P 3–8) построена на платформе-субструкции, состоявшей из более ранних культурных слоев поселения (рис 3) Размеры 19,9 x 16,5 м, площадь 328 кв м Наружные стены шириной около 2 м, сложенные из полубожженного кирпича опирались на каменные цоколи высотой 0,8 м Аналогичные по конструкции внутренние стены шириной 1,5 м были сложены вперевязь с наружными Нижний этаж имел три помещения – два жилых и одно, вымощенное камнем, служившее двором Стены были оштукатурены или обмазаны глиной Вход находился с юго-западной стороны Кровля возможно, была черепичной Среди находок – фрагменты амфор черепицы гончарной и лепной преимущественно

– кухонной а также столовой посуды светильники монеты и т.д. По фрагментам светлоглиняных широкогорлых амфор с двуствольными ручками монетам и другим находкам здание датировано I в. до н.э. – I в. н.э. По мнению исследователя оно относится к укрепленным усадьбам азиатского Боспора. При его сооружении в качестве строительного камня были использованы уникальные памятники IV–III вв. до н.э. (два мраморных надгробия и фриз из известняка). В кладке цоколя найдены многочисленные детали разбитого антаблемента ионического ордера фрагменты мраморного лутерия и т.д.

Дом-башня около станицы Анапской (Алексеева 1997 С. 52–54, 69), построена на краю водораздела и природной возвышенности, над широкой равниной и древней дорогой (рис. 4). Размеры 17,3 x 11,9 м, площадь 206 кв. м. Наружные стены шириной до 2,3 м, сложенные из сырцового кирпича, опирались на мощные каменные цоколи высотой до 1,7 м (возможно, весь первый этаж был сложен из камня). Внутренняя стена шириной 1,6 м разделяла первый этаж на два помещения с глинобитными полами. Вход в башню, защищенный каменным тамбуром, находился со стороны хозяйственного двора, огражденного каменной стеной, примыкавшей к углам башни. Крепость датирована серединой I в. до н.э. – серединой I в. н.э. В период утверждения на Боспоре Птолемея она погибла в огне и вновь была восстановлена. Окончательное разрушение произошло вероятно после смерти Аспурга (среди находок – сосуды и кирпичи с тамгой этого царя).

Дом-башня Джемете I около Анапы (Алексеева 1980 С. 26–40, 1997 С. 45) построена на ранее обжитом участке (рис. 5). Размеры 12,0 x 8,4 м, площадь 101 кв. м. Наружные стены шириной 1,3 м сложены из камня (частью – вторичного использования) на глиняном растворе сохранились на высоту до 0,8 м. Внутренняя стена шириной 1,1 м разделяла первый этаж на два хозяйственных помещения с вымощенными полами. Вход в башню (три ступени вниз), защищенный каменным тамбуром находился со стороны замощенного двора. Зафиксированы остатки ограды двора и приусадебного участка размерами 0,77 га. Жизнь в доме продолжалась с конца III по I вв. до н.э.

Укрепленное здание на поселении Цемдолинское близ Новороссийска (Онайко, Дмитриев 1979, 1982), доминанта поселения (рис. 6). Размеры 17,4 x 11,5 м, площадь 200 кв. м. Наружные стены шириной 1,6 м, сложенные из камня (частью – вторичного использования) на глиняном растворе опирались на более массивные цоколи высотой 0,4 м. Внутренняя стена (1,3 м) разделяла нижний этаж на два помещения с очагами и полами вымощенными плитами и крупной галькой. Вход, защищенный массивным скругленным тамбуром, находился с юго-западной стороны. Среди находок –

фрагменты амфор пифосов гончарной кухонной и столовой посуды (преимущественно сероглиняной) лепных сосудов, боспорской керамики, стеклянных сосудов, пряслица, бусы, железный наконечник копья, долото, бронзовые диски, фибулы и т. д. Датировано концом II в. до н. э. – I в. н. э., погибло при пожаре. По мнению исследователя, являлось военно-хозяйственным сторожевым постом аспургиан.

Укрепленное здание на поселении Владимировка близ Новороссииска (Онайко Дмитриев 1981–1982) доминанта поселения (рис. 7). Размеры 17,1 x 10,8 м, площадь 185 кв. м. Стены шириной 1,7 м сложены из камня (частью вторичного использования) на глиняном растворе, сохранились на высоту до 1,7 м. Нижний этаж представлял одно хозяйственное помещение с пифосами и земляным полом. Вход находился с юго-западной стороны. Среди находок – сероглиняные миски с тамгой Аспурга, фрагменты амфор гончарной кухонной и столовой посуды, лепных сосудов, терракотовые статуэтки, ткацкие грузила. Датировано концом II в. до н. э. – I в. н. э., погибло при пожаре. По мнению исследователя, являлось военно-хозяйственным сторожевым постом аспургиан.

Укрепленный сельский дом у хутора Рассвет в районе Горгиппии (Крушкoл 1968, 1971, С. 133–141) доминанта поселения (рис. 8). Размеры 16 x 11 м, площадь 176 кв. м. Главные стены шириной 1,5 м сложены из камня на глиняном растворе, сохранились на высоту до 2 м. Снаружи укреплены противотаранным панцирем толщиной 1,3 м. Внутренняя стена (1 м) разделяла нижний этаж на два помещения (с вымощенным и глиняным полами) производственного (с печью для обжига керамики) и хозяйственного (с очагом и лестницей на второй этаж) назначения. Вход находился с южной стороны. Среди находок серополосые и лепные сосуды, железные черешковые рала, виноградарский нож, мотыга, топор, наконечник копья, кинжал, костяные инструменты гончара, терракотовые статуэтки и форма. По светлоглиняным широкогорлым амфорам с двуствольными ручками здание датировано I в. до н. э. – I в. н. э.

Укрепленное на юго-западном берегу Ахтанизовского лимана (Сокольский 1963, Л. 23–36, 1965, С. 86–89) доминанта (рис. 9). Реконструируемые размеры 15,5 x 9 м, площадь 140 кв. м. Стены шириной 1,6 м сложены из камня на глиняном растворе, сохранились на высоту до 0,5 м. Внутренняя стена разделяла нижний этаж на два помещения, одно из которых (с очагом) было замощенным. Найдены фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками, гончарной кухонной и столовой посуды, лепных сосудов. Укрепление датировано I в. до н. э. Его стены были сложены из камней вторичного использования (синдских статуи-полуфигур, надгробии, пьедесталов, жертвенных столиков, эсхар и т. д.). По мнению исследователя, оно было

сооружено новым для этих мест народом, предположительно, аспургианами

В упомянутой работе С Ю Сапрыкина аспургиане рассматриваются не как племя или этнос, а как “обычные военные колонисты, представители различных местных племен, занимавшиеся земледелием, ремеслом и военным делом” Однако всеми исследователями перечисленных выше сооружений отмечается их особенность или “местный характер”, обитатели их в той или иной мере связываются с сарматским миром (прежде всего – с аспургианами, как с племенем) По архитектурно-планировочному принципу (укрепленный дом-башня) и строительному (бесфундаментному) решению эти дома представляют определенное единство, тяготеющее своими корнями к востоку Стойкость и консерватизм традиций в домостроительстве различных народов позволяют, вероятно, вернуться к рассмотрению этих домов с позиций этнической принадлежности

Литература

Алексеева 1980 – *Е М Алексеева* К изучению сетьских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия Вып I Краснодар 1980

Алексеева 1997 – *Е М Алексеева* Античный город Горгиппия М, 1997

Анфимов 1941 – *И В Анфимов* Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище) // СА 1941 Т VII

Крушкол 1968 – *Ю С Крушкол* Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья Л 1968

Крушкол 1971 – *Ю С Крушкол* Древняя Синдика М 1971

Крыжицкий 1993 – *С Д Крыжицкий* Архитектура античных государств Северного Причерноморья Киев, 1993

Онайко, Дмитриев 1979 – *Н А Онайко, А В Дмитриев* Раскопки укрепленного здания на античном поселении Цемдолинское // АО-78 М 1979

Онайко, Дмитриев 1981 – *Н А Онайко, А В Дмитриев* Укрепленное здание в античном поселении у с Владимировка близ Новороссийска // КСИА 1981 Вып 168

Онайко, Дмитриев 1982 – *Н А Онайко, А В Дмитриев* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории на юго-восточной окраине Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ 1982 № 2

Савостина 1987 – *Е А Савостина* Античное поселение Юбилейное I на Тамани (предварительные итоги изучения) // СА 1987 № 1

Сапрыкин 1985 – *С Ю Сапрыкин* Аспургиане // СА 1985 № 2

Сокольский 1963 – *Н П Сокольский* Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии АН СССР в 1963 г // Архив ИА Р-1 № 2733

Сокольский 1965 – *Н И Сокольский* Новые памятники сиридской скульптуры // КСИА 1965 Вып 100

Сокольский 1975 – *Н И Сокольский* Крепость аспурган на Боспоре // КСИА 1975 Вып 143

Сокольский 1976 – *Н И Сокольский* Таманский толос и резиденция Хрисалиска М, 1976

Фролова, Савостина 1998 – *Н А Фролова, Е А Савостина* Находки под стенами боспорской усадьбы клад и три строительная жертва? // РА 1998 № 1

Savostina 1987 – *E Savostina* Trouvaille de reliefs antiques dans un etablissement agricole du Bosphore Cimmerien (Taman) // RA 1987 № 1

В И Кац

К вопросу о времени существования боспорской колонии на Елизаветовском городище

Относительно недавно появилась статья К К Марченко, подводящая определенные итоги многолетнему изучению хронологии Елизаветовского городища

Обращает на себя внимание тот факт, что, если даты возникновения здесь скифского поселения и появления на «акрополе» городища так называемого «боспорского эмпория» определены в довольно узких временных границах (соответственно – рубеж 3-й и 4-й четвертей VI в и рубеж IV–III вв до н э) то время гибели греческой колонии датируется в пределах 80–70-х годов III в до н э (Марченко 2000 С 224–225)

Такая широкая временная вилка не случайна К К Марченко оказался в сложном положении Основным датирующим материалом для установления конечной даты существования поселения являются обнаруженные здесь керамические клейма Синопы и Херсонеса Однако, сопоставительный анализ нескольких керамических комплексов, относящихся как полагает автор к финальной стадии жизни городища, привел к противоречивым результатам Самыми поздними синопскими оттисками в них оказались клейма магистратов конца IV хронологической группы (по классификации Б Н Гракова), датируемые (с учетом новой хронологической системы Н Ф Федосеева) серединой 80-х гг III в до н э¹ Вместе с тем, в помещении № 52 совместно с археологически целыми синопскими амфорами астиномов IV группы был обнаружен херсонесский сосуд с клеймом магистрата Никия, сына Герогейта (см Монахов 1999 С 492), который относится ко 2 группе (подгруппа Б) и датируется не ранее начала второй четверти III в (Кац 1994 С 64–76) Такой

заметный хронологический разрыв между наиболее поздними на городище клеймами Синопы и Херсонеса заставил К. К. Марченко признать, что в сложившейся ситуации наиболее приемлемой датой этого события следует, по-видимому, считать 80–70 гг. III в. (Марченко 2000 С. 226). Между тем, как мне представляется, положение не столь безнадежно.

Следует иметь в виду, что отмеченные К. К. Марченко «несообразности» в абсолютных датировках синопских и херсонесских клейм фиксируются и на других памятниках, в частности на усадьбах у Евлаторийского маяка и на поселении Панское I в северо-западном Крыму, прекративших существование к середине 70-х гг. III в. (Колесников 1985 С. 71 сл., Кац 1994 С. 39 сл., 47–48, 61–62, Монахов 1999 С. 497 сл.). Самыми поздними херсонесскими оттисками, зафиксированными здесь, являются клейма шести магистратов подгруппы А 2-й хронологической группы, датируемые концом 80-х – началом 70-х гг. III в. Самые же поздние синопские оттиски принадлежат магистратам конца III хронологической группы и должны относиться в соответствии с новой хронологией Н. Ф. Федосеева к рубежу IV–III вв. Недавно последний попытался объяснить эту очередную «несообразность» тем, что «есть все основания полагать, что синопский импорт на хору Херсонеса в северо-западном Крыму прекратился еще до гибели самих поселений» (Федосеев 1997 С. 225).

Я не знаю, какие основания приведшие, по мнению Н. Ф. Федосеева, к прекращению на 15–20 лет ввоза синопской продукции в этот регион, имеются в виду, но конкретный материал позволяет уверенно считать этот вывод бездоказательным. В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что импортные товары в северо-западный Крым, в период, когда эта территория входила в состав Херсонесского государства, поступали через рынок Херсонеса. Поэтому достаточно было Н. Ф. Федосееву обратиться к своей знаменитой картотеке и убедиться, что в период IV-й хронологической группы ввоз в Херсонес синопской продукции в керамической таре не только не уменьшился, но и резко возрос, причиной чему было сокращение в это время собственного винодельческого производства. Поступало синопское вино в этот период и в северо-западный Крым, естественно, на те поселения, которые в то время функционировали, в частности в Керкинитиду и Калос Лимен. Поэтому куда более логичным выглядит вывод о том, что даты предложенные Н. Ф. Федосеевым для клейм конца III–IV хронологических групп, занижены лет на 15–20. А так как он сам в свое время выдвинул вполне правильное положение, что привязка во времени одного элемента его классификационной системы опосредствовано датирует и остальные

ее элементы (Федосеев 1992 С 150), то возникает необходимость повысить все предложенные им датировки. Кстати, к аналогичному выводу пришли Е. Я. Туровский (Туровский 1994 С 218–220) и Н. Коновичи (Conovici 1997 Р 153).

В настоящее время для окончательного решения этого затянувшегося спора, а также для уточнения времени бытования греческой колонии на Елизаветовском городище имеет смысл привлечь ранее неиспользованный для этих целей независимый источник – компактную серию оттисков ранних родосских магистратов, зафиксированных на этом памятнике. Клейма пяти из них – Антилеона, Ариетиона, Булагора, Полларата и Хрисострата – были опубликованы И. Б. Брашинским (1980 С 198–200, № 761–764, 770)². Оттиск еще одного магистрата (Агриня) обнаружен относительно недавно (ЕГ–1997, XXXV/61).

Клейма ранних родосских магистратов И. Б. Брашинский в соответствии с хронологической системой, разработанной В. Грейс еще в 50-е гг. для оттисков этого центра, датировал концом IV – началом III в. (Брашинский 1980 С 45). Видимо по этой причине, ни сам И. Б. Брашинский, ни все последующие исследователи, занимавшиеся вопросами хронологии Елизаветовского городища, не обратили должного внимания на эту серию клейм.

Между тем еще за шесть лет до появления работы И. Б. Брашинского вышла в свет статья В. Грейс, в которой были существенно повышены ставшие к тому времени каноническими датировки родосских эпонимов I–III хронологических групп (Giacca 1974). Этому предшествовала оживленная дискуссия, развернувшаяся после опубликования в 1962 г. результатов раскопок египетского военного лагеря на полуострове Корони в Аттике (Vanderpool, McCredie, Steinberg 1962). Исследователи предположили, что лагерь относится к периоду Хремонидовой войны (265–261 гг. до н. э.). Однако среди обнаруженного здесь материала оказались родосские амфоры, изготовленные при трех ранних магистратах – Агрини, Антилеоне и Хрисострате. В осторожной форме было высказано предположение, что ставшая традиционной их датировка должна быть повышена на 30–35 лет. Буквально в следующем номере журнала «Hesperia» появилась статья В. Грейс (Giacca 1963), в которой она попыталась доказать, что лагерь в Корони функционировал в период правления Птолемея I и все обнаруженные здесь находки датируются 90-ми гг. III в. Появился и ответ на эту статью, где раскопщики привели новые аргументы, подтверждающие правильность первоначальной датировки памятника (Vanderpool, McCredie, Steinberg 1964). Однако прошло еще десять лет, прежде чем В. Грейс не только признала необходимость ревизии хронологии ранних родосских клейм, но и наметила пути к

осуществлению этой задачи В частности она выделяет группу из 11 ранних эпонимов, датирует ее 280–270 гг и полагает, что к концу этой группы и относятся три магистрата клейма которых зафиксированы в Корони Правда, в данном случае В Грейс не совсем последовательна Признавая тот факт, что амфоры этих трех эпонимов не должны далеко отстоять от событий Хремонидовой войны, она не избежала соблазна лет на пять понизить время их выпуска по той причине, что они якобы являлись «старыми сосудами, использованными для хранения воды» (Grace 1974 P 197)

Таким образом, имеются основания определить конечную дату существования греческой колонии на Елизаветовском городище серединой 60-х гг III в, и тремя-четырьмя годами позже верхнюю границу синопских клейм IV хронологической группы Нуждается в уточнении и время появления греческой колонии К К Марченко убедительно показал что период жизнедеятельности этого поселения «был ограничен промежутком от 15 до 25 лет максимум» (Марченко 2000 С 227) Следовательно, поселение, должно было возникнуть где-то в 80-е гг III в

Подтверждают и уточняют эту дату материалы, обнаруженные при исследовании строительных комплексов № 6 8 и 16 (Марченко 2000 С 225), землянки № 3 и подвала 1998 г (Монахов 1999 С 448 сл, 484 сл) относящиеся еще к финальному этапу жизни скифского поселения Самыми поздними из зафиксированных здесь оттисков являются клейма херсонесского астинома начала 2-й группы Формиона, сына Аполлы и синопских магистратов конца III группы Микрия Мнесикла, Пасихара и Питокла По аналогии с отмеченными выше поселениями северо-западного Крыма на которых присутствуют клейма тех же астиномов, можно полагать, что скифское поселение на Елизаветовском городище прекратило существование не ранее конца 80-х гг III в

Известный диссонанс в эту картину вносит материал одного из самых представительных амфорных комплексов обнаруженных на Елизаветовском городище – подвала дома 30 Здесь зафиксирован развал более ста сосудов значительная часть которых имела клейма на ручках и горлах Среди последних более 20 экземпляров выпущены в херсонесской гончарной мастерской Дрима при астиноме конца I хронологической группы Хорсе (середина 80-х гг III в) Куда разнообразнее коллекция синопских клейм, в которой представлены оттиски шести магистратов конца III–IV групп

С Ю Монахов, опубликовавший эту коллекцию клейм, отмечает, что, на первый взгляд, самым поздним материалом этого склада должны быть амфоры херсонесского магистрата Хорея, так как они составляют самую большую партию из зафиксированной здесь тары

Однако, как он полагает, не они, а более поздние (лет на 10–15) оттиски синопских астиномов IV группы определяют время гибели подвала в пределах 70-х гг III в (Монахов 1999 С 491) Но такая интерпретация присутствия в составе склада разновременного материала вызвала справедливые возражения К К Марченко, который отметил что в таком случае «приходится допустить более чем пятнадцатилетний срок хранения большого количества пустых амфор в пределах ограниченной площади, активно функционировавшего склада что представляется маловероятным» (Марченко 2000 С 226)

Логичным объяснением очередной «несообразности» является признание того факта, что в данном случае мы имеем дело не с одним а с двумя разновременными комплексами К первому из них, связанному с последним этапом жизни скифского поселения, относятся все херсонесские амфоры склада и синопские с клеймами уже известных по комплексам этого этапа астиномов конца III группы Микрия и Пасихара и магистрата начала следующей IV группы Деметрия I Остальные 18 синопских клейменных амфор выпущенных при астиномах конца IV группы датируются первой половиной 60-х гг III в и составляют второй комплекс относящийся к финальной стадии жизни «боспорского эмпория»

Подтверждает эти выводы и общий анализ распределения во времени клейм синопских астиномов IV группы (см Федосеев 1999 Табл 1) Средняя плотность распределения оттисков первых пяти магистратов группы (последним был Деметрий I) достаточно высока (16,0) После этого начинается резкий спад экспорта Клейма следующего по списку магистрата Эпиэлла вообще на городище не зафиксированы, а плотность распределения у четырех последующих магистратов – в семь раз ниже ранее достигнутого уровня (2 25)

Таким образом, фиксируется определенный (хотя и небольшой) хронологический разрыв между уходом местных жителей с территории городища и возникновением на его «акрополе» греческой колонии Можно даже предположить что это произошло в тот год когда в Синопе закончился год магистратуры Деметрия I и приступил к своим обязанностям Эпиэлл Попытка Н Ф Федосеева (Федосеев 1999 С 15) объяснить отсутствие имени последнего перерывами между двумя строительными периодами на греческом поселении и переориентацией синопского экспорта на Западное Причерноморье несостоятельна Во-первых вряд ли в период строительства жители городища объявили мораторий на ввоз синопской продукции Во-вторых, ни о какой переориентации говорить не приходится Наоборот начинается новый подъем экспорта При последних семи астиномах группы представленных на Елизаветовском городище вновь был достигнут

прежний уровень поступления синопского вина (абсолютная плотность распределения 15,1)

Таким образом, проведенная ревизия хронологии Елизаветовского городища позволяет с большой долей вероятности отнести время прекращения жизни скифского поселения на этом памятнике к самому началу 70-х гг III в., а время бытования «боспорского эмпория» ограничить всего 12–13 годами. Вместе с тем, нельзя не отметить присутствие на городище одиночных экземпляров синопских и родосских клейм конца III – начала II вв. Видимо какое-то небольшое поселение здесь (танаисский выселок²) существовало и в эти десятилетия.

Примечания

¹ К. К. Марченко датировал синопские клейма согласно списку, изданному Н. Ф. Федосеевым в 1994 г. (С. 189). Между тем приходится учитывать существенные изменения взглядов последнего как на абсолютную хронологию клейм Синопы вообще, так и на время прекращения жизни на Елизаветовском городище. Когда им еще не была создана «единая хронологическая система» и он работал в рамках классификации Б. Н. Гракова, Н. Ф. Федосеев был согласен с тем, что городище погибает в конце 60-х годов III в. (Кац, Федосеев 1986, С. 97). Позднее это событие было отнесено уже к временному промежутку между 275–270 гг до н.э. (Федосеев 1990, С. 159). Эволюция в сторону понижения даты до середины 80-х гг III в. завершается в 1994 г. и начинается уже обратный процесс. В 1997 г. говорится о самом конце 280-х годов до н.э. (Федосеев 1997, С. 222), а в последней по времени выхода в свет работе (Федосеев 1999, С. 20, Табл. 1) дана уникальная по степени точности дата – 277 год до н.э. (месяц, к сожалению, не указан).

² Если в клеймах первого и двух последних магистратов имена прецедваряются эпонимным предлогом, то в легендах оттисков Аристидона Булагора он отсутствует, однако их магистратская принадлежность не вызывает сомнения.

Подвал ошибочно отнесен С. Ю. Монаховым к одному из зданий греческого эмпория (Монахов 1999, С. 484).

Литература

Брашинский 1980 – И. Б. Брашинский. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.

Кац 1994 – В. И. Кац. Керамические клейма Херсонеса Таврического (каталог-определитель). Саратов, 1994.

Колесников 1985 – А. Б. Колесников. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ. 1985. № 2.

Марченко 2000 – К. К. Марченко. Хронология Елизаветовского городища на Дону // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. СПб., 2000.

Монахов 1999 – С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье (комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э.). Саратов, 1999.

Туровский 1997 – Е. Я. Туровский. К вопросу об абсолютных датах синопских

- клеім // Никоний и античний мир Северного Причорноморья Одесса 1997
- Федосеев 1992 *Н Ф Федосеев* Итоги и перспективы изучения синопских керамических клеім // Греческие амфоры Саратов, 1992
- Федосеев 1994 – *Н Ф Федосеев* Хронология синопских магистратских клеім // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причорноморья ТД Запорожье, 1994
- Федосеев 1997 – *Н Ф Федосеев* Рец на кн *В П Кац* Керамические клеіма Херсонеса Таврического (каталог-определитель) Саратов, 1994 // ВДИ 1997 № 1
- Федосеев 1999 – *Н Ф Федосеев* Елизаветовское городище – Псоя – Танаис // Донская археология 1999 № 3 4
- Conovici 1997 – *V Conovici* Problemes de la chronologie des timbres sinopeens // Pontica 1997 Vol XXX
- Grace 1963 – *I Grace* Notes in the Amphoras from the Koroni Peninsula // Hesperia 1963 Vol XXXII № 3
- Grace 1974 – *I Grace* Revisions in Early Hellenistic chronology // Mitteilungen des Deutschen Archaiologischen Instituts (Athenische Abteilung) 1974 Bd 89
- Vanderpool McCredie Steinberg 1962 – *E Vanderpool J R McCredie I Steinberg* Koroni a Ptolomaic Camp on the East Coast of Attica // Hesperia 1962 Vol XXXI
- Vanderpool McCredie, Steinberg 1964 – *I Vanderpool J R McCredie I Steinberg* Koroni the date of the Camp and the Pottery // Hesperia 1964 Vol XXXIII
- J Fornasier*

Tanais in hellenistischer Zeit – Ein Bestandteil des Bosporanischen Reiches?

Über den wirtschaftlichen und politischen Status der antiken Stadt Tanais im Nordosten des Asowschen Meeres sind bis heute viele Untersuchungen durchgeführt worden (Vgl Шелов 1970) Besonderes Interesse galt dabei von Anfang an der frühen Phase der Stadtentwicklung, auch wenn bis zu Beginn der 90er Jahre nur vereinzelt aussagekräftiges Material für die hellenistische Zeit bei den Ausgrabungen zutage kam welches zur Klärung dieser Problematik beitragen konnte Da zudem die schriftlichen Zeugnisse nur wenig Informationen über die Entstehung sowie Entwicklung von Tanais liefern, konnten bisher nur allgemeine Vermutungen in Bezug auf die politischen oder wirtschaftlichen Verhältnisse der Stadt zum Bosporanischen Reich entwickelt werden (Шелов 1970 С 195)

Das antike Stadtareal von Tanais liegt etwa 40 km westlich der heutigen Stadt Rostov am rechten Ufer des Mertvij Donec genannten Nordarmes des Dondeltas ein Flußlauf der in der Antike offenbar den Hauptarm des Flusses bildete (Arseneva, Šelov 1988 S 376 Vgl Böttger 1995 S 99) Die Stadt lag somit strategisch besonders günstig am Zulauf des Dons in das Asowsche Meer und war in der Antike eine See- und Flußhafenstadt Fern ab des Bosporanischen Reiches (ca 350 km) war Tanais damit die nordöstlichste Stadt griechischer Einflußnahme die in dieser Region ab hellenistischer Zeit nachweisbar ist

Gemäß Strabon galt Tanais als ein gemeinsames Emporion für asiatische und europäische Nomaden sowie für Kaufleute, die sich vom Bosporos her kommend über die Maiotis nach Norden orientierten (Strabo XI, 2, 3 Dies ist nur unter dem Gesichtspunkt zu verstehen, daß im antiken Verständnis der Fluß Tanais (= Don) Europa von Asien trennt – Strabo XI, 1, 1) Als ein bedeutendes wirtschaftliches Zentrum wurde Tanais jedoch nicht von Kolonisten aus der Ägäis gegründet, sondern von bosporanischen Griechen (Strabo XI, 2, 3), die ihrerseits bereits durch unterschiedliche kulturelle Einflüsse beiderseits des Kimmerischen Bosporos beeinflußt waren (Arsen'eva, Šelov 1988 S 372) Es scheint sich zudem um keine offizielle, durch den Bosporos staatlich gesteuerte Stadtgründung zu handeln, da dessen Herrscher bei Strabon in der Regel nicht als Hellenen bezeichnet werden So ist es allein schon durch den Hinweis, bosporanischen Griechen seien die Gründer der Stadt, zweifelhaft, ob die Spartokiden überhaupt bei der Gründung von Tanais eine führende Rolle gespielt haben Zudem wird Tanais erst spät in der Königstitulatur der bosporanischen Herrscher aufgeführt (So z B in einer Inschrift des Aspurgos (=IPE 2, 36) Vgl auch Arsen'eva, Šelov 1988 S 381) so daß anzunehmen ist, daß Tanais tatsächlich keine offizielle Gründung des Bosporanischen Reiches war und tatsächlich erst in den nachchristlichen Jahrhunderten unter dessen Kontrolle kam (Anders bei Gajdukevič 1971 S 251)

Auch für den politischen Status der Stadt in hellenistischer Zeit ist die Quellenlage äußerst lückenhaft Aus der literarischen Überlieferung geht nur hervor, daß von den asiatischen Maioten, welche zwischen den Flüssen Don und Kuban siedelten die einen den Machthabern des Emporions (d h Tanais), die anderen den Bosporanern untertan waren Diese territoriale Aufteilung scheint jedoch kein dauerhafter Zustand gewesen zu sein, da Strabon ebenfalls vermerkt, daß mitunter die einen wie die anderen von ihren jeweiligen 'Herren' abfielen (Strabo XI, 2, 11) Ein wichtiges Indiz für den politischen Status der Stadt ist indes die Tatsache, daß Tanais dem Bosporos direkt gegenübergestellt wird (Gajdukevič 1971 S 252), d h daß Tanais zumindestens in der frühen Phase seiner Existenz offensichtlich ein eigenständiger Machtfaktor gewesen sein muß Erst nachdem der Bosporos Bestandteil des Pontischen Reiches gewesen ist, scheint diese Phase einer relativen Unabhängigkeit beendet zu sein, da – so Strabon – die bosporanischen Herrscher, insbesondere seit der Zeit ab Pharnakes, auch das Gebiet bis hin zum Tanais beherrschten (Strabo XI, 2, 11) Vergleichbar überliefert Plinius daß zu seiner Zeit die Pantikapaier das Mündungsgebiet des Tanais und somit wohl auch die Stadt selber beherrschten (Plin NH 6 20)

Einen wichtigen Beitrag zu diesem Themenkomplex können nun auch die archäologischen Ausgrabungsergebnisse der jüngeren Zeit liefern Seit 1993 beteiligt sich die Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts in einer gemeinsamen russisch-deutschen Ausgrabung mit Wissenschaftlern

aus Moskau, Rostov und dem Museum Tanais an den Ausgrabungen (Vgl die jeweils aktuellen Grabungsberichte der gemeinsamen russisch-deutschen Kooperationsgrabung, die jährlich in der *Eurasia Antiqua* veröffentlicht werden) Die Grabungsleitung liegt auf russischer Seite in den Händen von T M Arseneva, aus Tanais selbst müssen vor allem die beiden Kollegen S Naumenko und S Iljaschenko Erwähnung finden

Aus der frühesten Phase der Stadtgeschichte konnten im Abschnitt XIX der gemeinsamen russisch-deutschen Archäologengruppe bisher noch keine architektonischen Überreste nachgewiesen werden, die auf eine bewußte Stadtgliederung bereits zu Existenzbeginn von Tanais zurückzuführen sind Erst zum Ende des dritten Jahrhunderts ist eine offensichtlich planmäßige und umfassende Neugestaltung eines großen Areals nachvollziehbar, eine Maßnahme, die vermutlich mit der Neuanlage einer Agora in diesem Gebiet im Zusammenhang steht und damit offensichtlich den Übergang von einem Emporion zu einer Polis charakterisiert

Bestehende Gebäude wurden aufgegeben und bewußt abgetragen, um so eine größere Freifläche für die Anlage einer Agora zu erhalten Ein Hinweis dafür sind die Keller Bau II und Bau III aus dem ausgehenden dritten Jahrhundert v Chr, die im Abschnitt XIX aufgefunden worden sind (So z B Bau II Arsen'eva, Böttger 1998 S 412–418) Die neu entstandene Freifläche der Agora wurde im Osten und im Westen durch ein Straßensystem sowie im Süden durch ein Propylon (Arsen'eva, Böttger, Vinogradov 1995 S 214 f, Böttger 1995 S 108–113) eingegrenzt, dessen Frontseite vermutlich durch eine Säulenstellung gegliedert war Über die obere Stufe des Aufgangs gelangte man in den Torinnenraum, nach Norden hin öffnete sich das Propylon zur Agora vermutlich als dreiteiliger Durchgang zwischen zwei Pfeilern Abgesehen von der ungewöhnlichen Architektur ist gerade dieser Torbereich von besonderem Interesse für die Frage nach der Genese dieser Stadt in hellenistischer Zeit Verwies D B Šelov noch auf das nahezu vollständige Fehlen hellenistischer Inschriften bei den damaligen Ausgrabungen (Arsen'eva, Šelov 1988 S 381 Vgl dazu Arsen'eva Böttger, Vinogradov 1995 S 215 f), so können nun aufgrund der Grabungsergebnisse aus dem Abschnitt XIX weiterführende Schlüsse gezogen werden Mehrere aufgefundene Fragmente lassen vermuten, daß in hellenistischer Zeit im eigentlichen Torbereich eine Reihe von Inschriften öffentlich aufgestellt worden waren Allein die Tatsache, daß diese epigraphischen Zeugnisse im Eingangsbereich zu dem vermuteten öffentlichen Platz aufgefunden worden sind, verweist auf ihren besonderen Inhalt

Unter den Fragmenten ist ein Dekret aus der ersten Hälfte des zweiten Jahrhunderts v Chr von besonderem Interesse, welches auf einem Inschriftenblock aus lokalem Kalkstein überliefert ist (Inv ? 229/232 Arsen'eva, Böttger, Vinogradov 1995 S 216 mit Abb 2) Dem Inhalt nach zu schließen, besaß der Demos zu dieser Zeit politische Souveränität die anhand der

Verleihung von Ehrenbezeugungen durch die tanaitische Bürgerschaft zum Ausdruck kommt. Auch zeigt die Inschrift deutlich, daß der Übergang von einem Emporion zu einer Polis im 2. Jh. v. Chr. offensichtlich vollzogen ist.

Ein regulärer Münzumschlag, der vielfach als ein wesentliches unabdingbares Kennzeichen einer Polis angesehen wird, konnte in Tanais allerdings für die hellenistische Zeit bisher nicht nachgewiesen werden (Шелов 1970 С 16). Nach dem bisherigen Stand der Dinge muß man daher davon ausgehen, daß in Tanais tatsächlich zunächst der direkte Warenaustausch dem Geldumschlag vorausging und erst, als die Stadt in das bosporanische Reich eingegliedert war, änderte sich diese Situation (Vgl. Bezuglov 1998 S. 425–449). Unter dieser Voraussetzung kann für Tanais eine Münzprägung nicht von ausschlaggebender Bedeutung sein, da die Grundvoraussetzungen im Handel mit der einheimischen Bevölkerung und einem entsprechenden Warenaustausch (Arsen'eva, Šelov 1988 S. 381) vor Ort im Vergleich zum Bosporanischen Reich völlig verschieden waren. Auch zeigt dieses Beispiel des fehlenden Münzumschlages erneut, daß Tanais zumindestens politisch unabhängig vom Bosporos gewesen sein muß.

Diese erste Blütezeit der Stadt fand kurz vor der Zeitenwende, genauer um 8 v. Chr., ein jähes Ende. Gemäß der Überlieferung wurde Tanais durch Polemon, König von Pontos (37–8 v. Chr.) und Sohn des Rhetors Zenon, „wegen Unbotmäßigkeit“ zerstört (Strabo XI 2, 3). Dieser Zerstörungshorizont konnte in einigen Bereichen der Kernstadt, hauptsächlich aber in der Vorstadt nachgewiesen werden. Die Verwüstungen waren zwar nicht umfassend, aber man zerstörte offensichtlich die Stadtmauern, um der Bevölkerung die Möglichkeit zu nehmen, sich weiterhin der Zentralmacht zu widersetzen (Arsen'eva, Šelov 1988 S. 378). Ein konkreter Auslöser ist nicht expressis verbis bekannt, mehrfach wurde jedoch die Vermutung geäußert, daß Tanais aufgrund seiner allgemeinen Unabhängigkeitsbestrebungen gegenüber dem Bosporos zum Ziel militärischer Aktivitäten unter Polemon geworden ist (Шелов 1969 С 72). Bereits Rostovzev aber vermutete, daß Tanais eine Station antipoleonischer Bewegung gewesen ist, die im wesentlichen von Dynamis injiziert wurde (Ростовцев 1916 С 15). Ausgangspunkt scheinen die Thronstreitigkeiten zwischen den beiden Kontrahenten gewesen zu sein.

Polemon nahm – auf Weisung Roms (Gajdukevič 1971 S. 327) – zunächst die bosporanischen Städte beiderseits des kimmerischen Bosporos unter seine Führung und versuchte auch über eine politische Heirat mit Dynamis, der Enkelin Mithradates Eupators, seinen Anspruch auf die Regentschaft dynastisch festzulegen und zu legitimieren. Nach einer kurzen Phase der Konsolidierung wurde diese Ehe mit Dynamis zugunsten einer neuen Verbindung mit Pythodoris, einer Verwandten des Augustus (Strabo XII, 3, 29; Шелов 1969 С 73) offenbar annulliert. Dynamis suchte ihrerseits in der Folge auf dem asiatischen Teil des Bosporanischen Reiches Verbündete im Kampf gegen Polemon.

Die Rolle von Tanais im Zuge dieser Thronstreitigkeiten bleibt unklar, jedoch sind gerade aus dem Abschnitt XIX – im Bereich des Agoratores – die Reste einer Weihinschrift zu Ehren eben jener Dynamis bekannt (Inv № 93/444 Arsen'eva, Böttger, Vinogradov 1995 S 217–219) Mit aller Vorsicht könnte aus dieser Tatsache eine Parteinahme der Stadt für ihre Bemühungen abgeleitet werden, die Stadt somit zur ‚antipoleonischen Fraktion‘ gehört haben Dies und die Tatsache, daß Tanais bis zur Zeitenwende offensichtlich nicht unter Kontrolle des Bosporos stand könnte eine Strafaktion Polemons im Sinne Strabons hervorrufen haben

Als indirekte Bestätigung für diese Vermutung vermag das Fundmaterial allgemein in Tanais dienen, mit dem dasjenige auf dem asiatischen Teil des Bosporanischen Reiches viele Übereinstimmungen zeigt Die Vermutung liegt daher nahe, daß der Handel mit dem Mittelmeer nicht direkt, sondern über den Bosporos aufgrund der Fundsituation vermutlich über Phanagoreia lief (Arsen'eva Šelov 1988 S 381) Interessant ist daher die Annahme daß zu den die ‚antipoleonische‘ Fraktion unterstützenden Kräften vermutlich vor allem Maioten und Sarmaten gehörten, d h eben jene Bevölkerungsteile, die auf dem asiatischen Teil des bosporanischen Reiches siedelten (Шелов 1969 С 74) Es wurde daher darüber hinaus die Vermutung geäußert, daß die Stadt von Koionisten aus eben jener Region besiedelt worden ist, einer Region, die im Zuge der Thronstreitigkeiten überwiegend auf Seiten der Dynamis stand

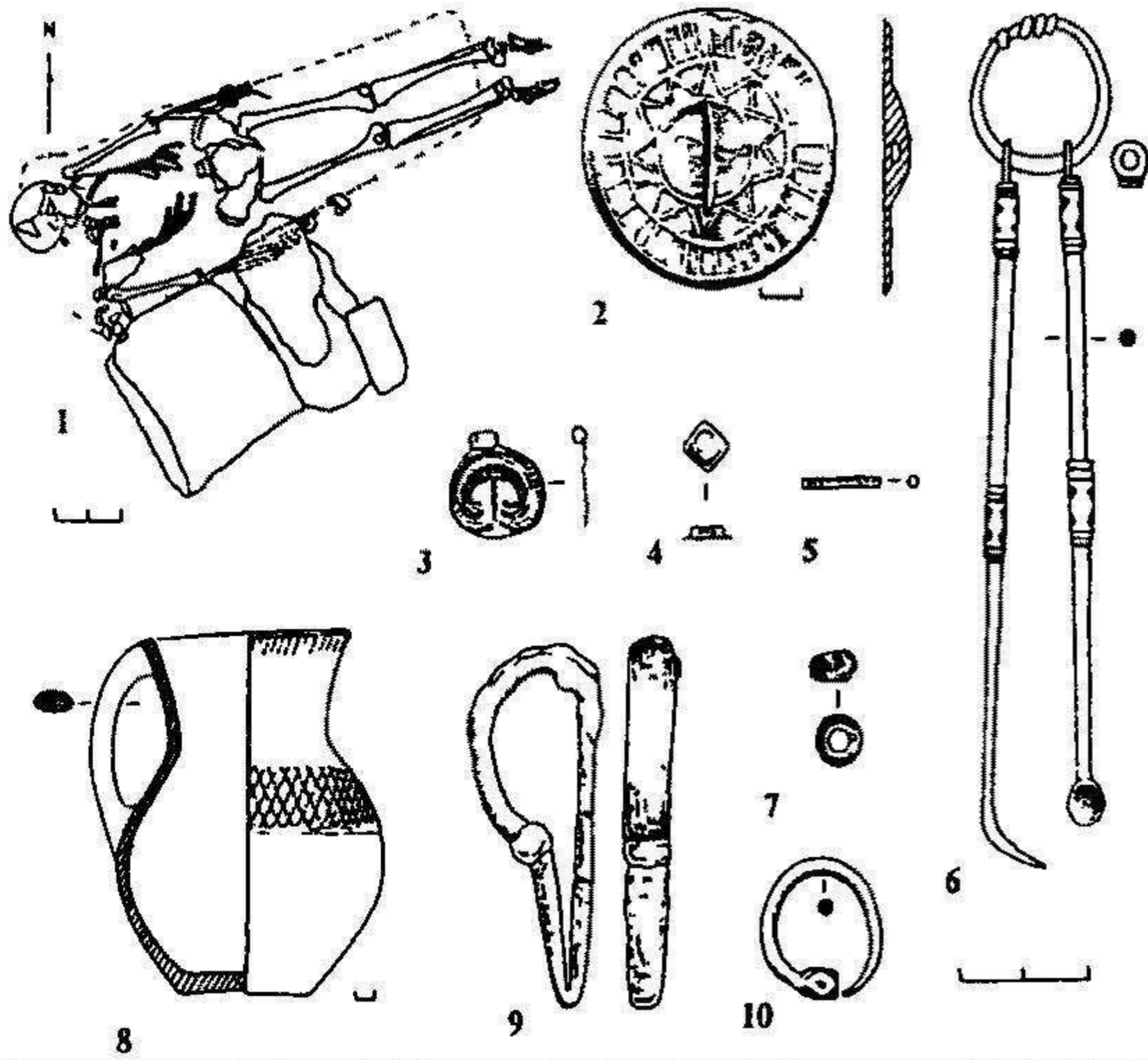
Literaturverzeichnis

- Ростовцев 1916 – М И Ростовцев Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности М , 1916 Т 25
- Шелов 1969 – Д Б Шелов Полемон и Танаис // КСИА 1969 Вып 116
- Шелов 1970 – Д Б Шелов Танаис и Нижний Дон в III–I вв до н э М , 1970
- Arsen'eva Šelov 1988 – Т М Arsen'eva Д Б Šelov Das antike Tanais – Forschungen und Geschichte // Klio 1988 Bd 70 Hft 2
- Arsen'eva Böttger, Vinogradov 1995 – Т М Arsen'eva В Böttger J G Vinogradov Griechen am Don Die Grabungen in Tanais 1994 // Eurasia Antiqua 1995 Bd 1
- Arsen'eva, Böttger 1999 – Т М Arsen'eva В Böttger Griechen am Don Die Grabungen in Tanais 1998 // Eurasia Antiqua 1999 Bd 5
- Bezuglov 1998 – С I Bezuglov Die Münzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993–1996 // Eurasia Antiqua 1998 Bd 4
- Böttger 1995 – В Böttger Griechen am Don Die Grabungen in Tanais // АА 1995
- Gajdukevič 1971 – I F Gajdukevič Das Bosporanische Reich Berlin 1971

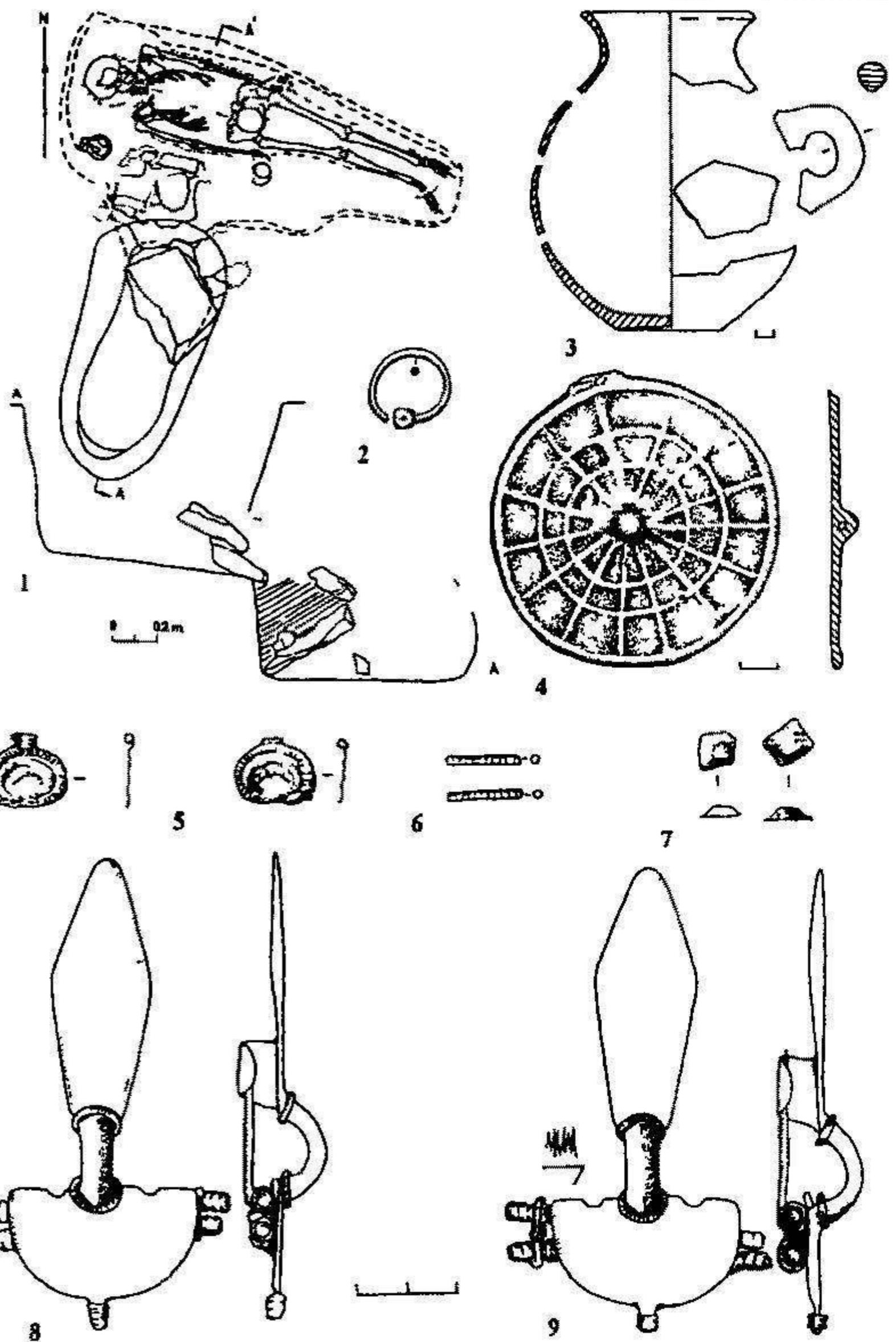
**К характеристике культурных связей Танаиса
в эпоху переселения народов (по материалам погребений)**

Археологические исследования, проведенные в течение двух последних десятилетий в Танаисе, существенно изменили представления о статусе и особенностях культуры города в позднейший период его существования. Мнение о бедности и незначительности укрепленного поселения, существовавшего на территории Недвиговского городища в позднеримское время и эпоху переселения народов, должно быть пересмотрено. Современные археологические данные позволяют утверждать, что в обозначенных хронологических рамках Танаис являлся крупнейшим и важнейшим пунктом оседлой культуры в степной полосе юга России. Для характеристики культурно-этнографических особенностей населения Танаиса в начале эпохи переселения народов принципиальное значение имеют материалы, полученные при раскопках участка городского некрополя, располагавшегося к западу от основного четырехугольника Недвиговского городища. Здесь, на ограниченном пространстве (раскоп XVI), была выявлена серия выразительных комплексов IV–V вв. н.э. Предлагаемое сообщение посвящено двум женским погребениям, исследованным в пределах этого участка. Обнаруженный в них инвентарь позволяет рассматривать данные комплексы в рамках обширной группы древностей ранней фазы эпохи переселения народов.

Погребение 10/1981 (295) (табл. 1, 1). Глубина 1,08 м от современной поверхности. Катакомба. Входная яма не прослежена. По всей видимости, она была ориентирована с юга на север. Камера была вырыта в северной стенке входной ямы и отделялась от нее пологим уступом высотой до 0,35 м. Вход в камеру был закрыт двумя массивными плитами, уплотненными мелким камнем. Судя по закладу, высота свода камеры могла достигать 0,7 м. Контуры камеры также не прослежены. Ясно лишь, что она была ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад, расширена в западной части и смещена к востоку относительно оси входной ямы. На дне ямы, на пятне органического тлена, обнаружен поврежденный грызунами скелет женщины 25–30 лет, лежавший вытянуто, на спине, головой на ЗЮЗ. Череп склонен к левому плечу, лицевой частью обращен к северу. У правого плечевого сустава погребенной найден фрагментированный кувшинчик, изготовленный от руки или на примитивном гончарном круге. Его поверхность покрыта лощением, по плечу – полоса

Таб 1 1-10 - план и инвентарь погребения 10 (1981 г)

Таб 2 1-9 - план и инвентарь погребения 3 (1990 г)

лощенного сетчатого орнамента под венчиком – пролощенные полоски (табл. 1, 1) У левого крыла таза, под костями руки лежал серебряный туалетный набор состоящий из маленькой ложечки и загнутого заостренного стержня объединенных проволочным кольцом У ушек и посредине они украшены гранеными утолщениями (табл. 1, 6) Под этим набором находилось бронзовое зеркало с центральной петлей и рельефным концентрическим орнаментом из радиальных линий и зигзага (табл. 1, 2) Справа от черепа погребенной обнаружена маленькая золотая кольцевидная серьга завершающаяся 14-гранным утолщением (табл. 1, 10) Под черепом в районе шеи найдена маленькая темно-синяя стеклянная бусинка (табл. 1, 7) Под костяком, в районе таза лежала железная прогнутая подвязная фибула (табл. 1, 9) Ниже кисти правой руки найден кусок мела В верхней части грудной клетки обнаружено скопление мелких нашивных деталей из золотой фольги Они располагались между ключицами полосой протяженностью 1 / 5 см К сожалению, большая часть нашивных украшений была смещена норой грызуна В погребении обнаружены нашивки трех разновидностей рубчатые трубочки-пронизки (48 экз. табл. 1, 5) двуслойные ромбики с двумя парами отверстий, проколотыми в углах (13 экз., табл. 1, 4), тисненые лунницы с рельефным орнаментом на поверхности и петельками в верхней части вырезанными вместе с основой (13 экз. табл. 1, 3) Погребение 3/1990 (табл. 2, 1) Глубина 3,03 м Катакомба Входная яма овальной в плане формы ориентирована по линии северо-восток – юго-запад расширена в северной части (1,12 x 0,6 м) Стенки наклонены ко дну, размеры ямы по дну – 0,9 x 0,4 м Дно входной ямы понижалось к северу на 0,17 м Камера трапециевидной в плане формы была сооружена в северной стенке входной ямы и отделялась от нее вертикальной ступенькой высотой 0,42 м и мощным каменным закладом Размеры камеры – 1,79 x 0,2–0,68 м высота свода до 0,7 м Камера ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ Относительно оси входной ямы она смещена к востоку На дне камеры обнаружен костяк взрослого человека, лежащий вытянуто на спине, головой на ЗСЗ Череп повернут лицевой частью к левому плечу Под костяком прослежен темно-коричневый органический тлен К югу от черепа лежал фрагментированный лепной лощенный кувшинчик (табл. 2, 3) У черепа, с правой стороны найдена маленькая золотая серьга с 14-гранником на конце (табл. 2, 2) На обоих плечах погребенной обнаружены массивные серебряные двупластинчатые фибулы (табл. 2, 8–9) Их дужки изготовлены из сплошного металла в местах скрепления с ножкой и головкой украшены кольцами из насеченной проволоки Пружинный аппарат сдвоенный, пружины укреплены на железных осях, в одном месте схвачены S-видной проволочной скрепкой Отличительная черта – два

полукруглых выреза на прямосрезанном краю головной пластины. По периметру обеих пластин нанесена сильно стертая при использовании фибул полоса тремолира – густого гравированного зигзага. Обе фибулы зафиксированы в позиции ножкой вверх – головной пластиной вниз. У правой кисти погребенной найдено бронзовое зеркало с центральной петлей и рельефным радиально-концентрическим орнаментом (табл. 2.4). Зеркало лежало на пятне мела диаметром около 12 см. К западу от зеркала расчищены фрагменты железного предмета. В верхней части грудной клетки погребенной обнаружена россыпь мелких золотых нашивных украшений: рубчатых трубочек-пронизей (38 экз., табл. 2.6), двуслойных ромбиков с двумя парами отверстий (12 экз., табл. 2.7), тисненых лунниц с петельками в верхней части (12 экз., табл. 2.5). Нашивки лежали между ключицами погребенной, укладываясь в дугообразную фигуру протяженностью около 16 см. Основные типологические характеристики обоих погребений (конструкция погребального сооружения, ориентировка погребенных, структура инвентарного набора и схема расположения вещей в могиле) совершенно идентичны. Могилы 10/1981 и 3/1990 располагались неподалеку друг от друга и содержали сходные вещи (мелкие золотые полиэдрические серьги, зеркала типа Карнунтум–Чми–Бригещно). Сумма признаков позволяет считать оба погребения синхронными и однокультурными. Важнейшим хронологическим индикатором для обеих могил являются двупластинчатые фибулы из погр. 3/1990. Они принадлежат стилистико-хронологическому горизонту Виллафонтана, представленному серией изделий из южнорусских и дунайских комплексов, а также анонимной находкой в Северной Италии. Ф. Бирбрауер определял позицию горизонта Виллафонтана между древностями черняховской культуры (младшая ступень С3) и более поздним горизонтом Унтерзибенбрунн–Хохфельден с абсолютными датами около 370/380 – 400/410 гг. Группа комплексов, в которых встречаются фибулы переходного горизонта Виллафонтана, была охарактеризована Я. Лейралом как надрегиональный элемент, возникший около 400 г. вследствие тесных контактов между Средней Европой и понтийской зоной. Расположение фибул на костяке позволяет предполагать, что погребенная в этой могиле женщина была облачена в костюм восточногерманской схемы, сложившийся в ареале черняховской культуры в рамках хронологической ступени С3 и окончательно оформившийся в гуннскую эпоху в Среднем Подунавье. В обеих могилах обнаружены очень близкие комплекты золотых нашивок. Показательно полное совпадение трех типов украшений, а также их сходное количественное распределение. Число ромбических бляшек и лунниц в каждом случае одинаково (по 13 в погр. 10/1981, по 12 в погр. 3/1990), сопоставимо и число рубчатых пронизок (48 экз. –

п 10/1981, 38 экз – п 3/1990) По положению *in situ* оба комплекта могут быть определены как обшивки горловин женского платья. По всей видимости, легкие нашивные украшения, располагавшиеся вокруг шеи в определенном порядке, имитировали более престижные золотые ожерелья – хорошо известные в близких по времени погребениях варварской социальной элиты от Причерноморья до Западной Европы (Керчь, склепы 24 06 1904 г и из коллекции Мессаксуди в Лувре, Бакодпуста, Унтерзибенбрунн, Хохфельден, Баллер, Эран). Основные аналогии. Очень близки танаисским украшения, найденные в пределах г Гранады (район Альбаицин) в Южной Испании. В испанской находке представлены те же три типа нашивок – что и в Танаисе – лунницы, ромбики и рубчатые пронизи (правда, сдвоенные) – она может обозначить крайние западные пределы распространения подобных элементов отделки платья. Лунницы и пронизки той же группы происходят из коллекции Шиллера (‘Южная Россия’). Еще один богатый набор нашивок происходит из погребения, вскрытого при грабительских раскопках 1999 г где-то на азовском побережье Керченского полуострова, на территории суверенной Украины. Такие же нашивные украшения близкой комплектности (12 лунниц, 13 ромбиков, 48 пронизок) находились в наборе из тайника погр 82 некрополя Лучистое в Крыму. Благодаря выразительному обилию представленных здесь типов бляшек (6), этот комплект может стать основой сети их взаимовстречаемости в целой серии погребений. Комплекс в Лучистом позволяет синхронизировать танаисские находки со многими опорными комплексами эпохи переселения народов. Детали отделки богатых платьев этой группы обнаружены в керченских склепах №№ 145, 154, 165, 175, 176, а также среди вещей из двух склепов, ограбленных 24 06 1904 г. К ним примыкает набор нашивок из погребения 1958 г в карьере у с. Снявка близ Танаиса. В единую группу с северопонтийскими входят и находки из женских могил горизонта Унтерзибенбрунн – Регей в Венгрии, Унтерзибенбрунн в Австрии, Хохфельден и Эран во Франции. Совместная встречаемость разных типов золотых бляшек и пронизей – сходные схемы их использования позволяют рассматривать всю группу как достаточно монолитный круг близких по времени аналогий, разбросанных на колоссальном протяжении от низовий Дона до Нормандии и Пиренейского полуострова. Культурно-этнографическая атрибуция. Принято считать, что обычай обшивать богатый погребальный костюм золотыми бляшками и пронизями был усвоен носителями культурного типа горизонта Унтерзибенбрунн на юге России. По мнению многих исследователей – он восходит к хорошо известной азиатско-сарматской традиции украшать мелкими золотыми деталями парадную одежду. Отметим, что у южнорусских сарматов ‘золотой’ костюм имел

максимальное распространение в I – начале II вв н э Он являлся одним из важнейших социальных индикаторов кочевой аристократии В позднесарматское время (середина II – середина III вв н э) костюмы расшитые золотом, становятся реже, существенно меняются и типы нашивных украшений В последующий, позднееримский период (середина III – IV вв) обычай украшать одежду золотыми нашивками у кочевников южнорусского степного пояса прослеживается слабо и пока не может быть охарактеризован в должной мере Представляется несомненным, что именно в кочевой среде этой эпохи следовало бы искать отдельные этнографические черты, свойственные впоследствии носителям культурного типа горизонта Унтерзибенбрунн

Специальный интерес для нашей темы может представлять лишь богатое погребение второй половины III – начала IV вв в кургане 26 могильника Градешка в Буджакской степи Здесь, при женском костяке *in situ* расчищен набор обшивки горловины платья, состоящий из золотых лунниц и пронизей Как бы то ни было известные ныне материалы недостаточны для установления прямой преемственности между украшениями одежды сарматов I – IV вв и населения оставившего памятники, родственные горизонту Унтерзибенбрунн

Таким образом, охарактеризованные выше погребальные комплексы по всей видимости оставлены представителями одной из алано-германских этнических групп, сложившихся в южнорусско-понтийской зоне в позднееримскую эпоху Возможно район Ганаиса был одной из окраинных восточных зон культурного синтеза, который ярко воплотился в археологических памятниках горизонта Унтерзибенбрунн протянувшихся от Предкавказья и северо-восточного угла Меотиды вплоть до крайнего запада Европы

II. АРХЕОЛОГИЯ И ИСКУССТВО БОСПОРА

В Н Зинько

Становление Нимфейского полиса

Основание греческих апойкии на берегах Боспора Киммерийского проходило на последнем этапе Великой греческой колонизации, когда был накоплен большой опыт колонизационной практики. Письменная традиция сохранила сведения о выведении всего двух греческих колоний в Восточный Крым – это милетские колонии Пантикапей (Strabo VII 4 4, Plin NH IV 26) и Феодосия (Arr P Pont 30, Anonym P Pont 77). Совокупность археологических материалов, данные эпиграфики и нумизматики позволяют дополнить этот список еще одним центром – Нимфеем (Ю. А. Виноградов 1993–1995). Возникновение самосской апойкии на месте Нимфея сейчас датируется между 580–560 гг. до н. э. (Кузнецов 1991, Молев 1997). Выбор места для поселения на высоком скалистом морском мысе с естественными рубежами защиты, как нельзя лучше соответствовал колонизационной практике (Winter F. 1971). Мыс господствовал над значительным участком побережья, ограниченным на севере современным озером Чурбаш и уходящей далеко на запад балкой, а на юге (на расстоянии семи километров) – озером Гобчик. В древности оба озера являлись речными балками, устьевые части которых подтапливались морем. Этот район имеет лучшие, по сравнению с остальным полуостровом, почвы – темно-каштановые черноземы (Котова 1961). От нимфейского мыса к таманскому берегу тянулась коса, остатки которой сейчас затоплены морем (Невесский, 1958). По ней проходила самая южная из так называемых ‘киммерийских переправ’, упоминаемых Геродотом (IV, 12) и Страбоном (VII, 4 5, XI, 2 8).

Археологические материалы свидетельствуют, что на момент основания греческой колонии эти земли у Боспора Киммерийского имели какие-то небольшие группы варварского населения. Это в целом, не противоречит и греческой письменной традиции. В то же время вопрос об этнической принадлежности этого населения и характере взаимодействия на самом раннем этапе решается неоднозначно. Ранние слои Нимфейского городища исследовались в основном еще в 40–50-е гг.

(Худяк 1962) По мнению М. М. Худяка открытые комплексы в том числе и лепная керамика принадлежат скифскому поселению конца VII – начала VI вв до н.э., которое предшествовало греческому Нимфею. Впоследствии гипотезу о скифской принадлежности ранних нимфейских комплексов лепной посуды развила Э. В. Яковенко. Специальное изучение С. Н. Сенаторовым лепной керамики из раскопок М. М. Худяка позволило утверждать, что она характерна для второго этапа кизил-кобинской культуры датируемого VIII – первой половиной VI вв до н.э. (Сенаторов 2000). По его мнению, это убедительно свидетельствует о существовании на месте Нимфея кизил-кобинского поселения, которое затем сосуществует с ранним греческим земляночным поселением (Сенаторов 1999). Эти выводы в некоторой степени подтверждаются результатами археологических исследований последних лет. Так на городище были частично раскопаны две архаичные землянки, где найдено большое количество лепной керамики, характерной для кизил-кобинской культуры (Бутягин 1998). Погребальные памятники оставленные кизил-кобинским населением выявлены в 7 км к западу от Нимфея (Зинько 1998). Это небольшие курганные насыпи с погребениями в виде грубых каменных ящиков с кольцевыми обкладками из дикарного камня. Аналогичные комплексы выявлены и в Крымском Приазовье (Масленников 1995). Это население по мнению А. А. Масленникова было малочисленно и вероятно на момент появления греков находилось в зависимости от скифов. Но при господстве у последних кочевого экстенсивно-пастушеского хозяйства земли у Босфора Киммерийского могли интересоваться их лишь как место переправы в момент перекочевок (Вахтина, Виноградов, Рогов 1980). Очевидно вывод греческой колонии не мог состояться без согласия скифов. От нимфейской переправы вглубь степей Керченского полуострова вела дорога, вдоль которой тянутся цепочки скифских курганных могильников (Schöll, Zinko 1999). На этих курганах выявлены скифские изваяния, которые датируются VI–V вв до н.э. (Е. А. Зинько 1999). У этой же дороги располагается одно из наиболее ранних сельских поселений – Южно-Чурубашское. Хотя в целом материала раньше последней трети VI в до н.э. здесь не выявлено, и наиболее напряженное функционирование этого пути, вероятно, следует датировать второй половиной VI – первой половиной V вв до н.э.

Первоначальный облик городища изучен еще недостаточно. Но, судя по всему, оно имело весьма примитивный полуварварский облик. Застранивалось заглубленными в землю жилыми и хозяйственными комплексами. Этот этап земляночного домостроительства был характерен для всех северопричерноморских колоний и продолжался 70–80 лет с момента основания поселения (Виноградов, Рогов 1997).

Затем на месте засыпанных землянок возводятся наземные постройки. Создание урбанистической структуры рассматривается как завершение периода адаптации колонистов к местным климатическим, экологическим и демографическим условиям района обитания (Ю. А. Виноградов 2000). Однако реалии конкретной местности всегда имеют свои особенности. Так к середине VI в. до н.э. на Нимфее относится строительство первого здания святилища Деметры, а также ряда сырцово-каменных построек (Худяк 1962). В это же самое время на целом ряде других греческих поселений отмечаются следы крупных пожаров, вызванных нападением варваров (Мирмекий, Порфмий, Кепы). Это, вероятно, следует связывать с новым освоением скифами степей Причерноморья и сокращением их памятников на Кавказе (Кузнецова 1994). Со второй половины VI в. до н.э. в некрополях городов Боспора Киммерийского фиксируется довольно значительный процент погребений с оружием (Молев 1991). К третьей четверти VI в. до н.э. относится погребение на некрополе Нимфея, где найдены остатки человека, убитого стрелой (Н. Л. Грач 1981). Все это свидетельствует о довольно сложной этнополитической ситуации в регионе в этот период.

Одновременно с основанием Нимфея, колонистами начинается освоение близлежащих плодородных земель. Однако из-за ограниченного контингента первопоселенцев и неустоявшейся системы греко-варварских контактов первоначально обрабатывались лишь прилегающие непосредственно к городу прибрежные поля. Какие-либо долговременные постройки здесь до сих пор неизвестны. Лишь в последней четверти VI в. до н.э. на хоре возводятся небольшие землянки, а в начале V в. до н.э. появляются и сырцово-каменные постройки (поселение Героевка-1, Южно-Чурубашское). Судя по всему, до конца VI в. до н.э. нимфейцами были освоены земли вдоль пролива (между Чурубашом и Гобечиком), а на западе до балки Глубокая, где находилось поселение Южно-Чурубашское. Комплекс конца VI в. до н.э. открыт и на поселении Героевка-2 (V. Zinko 1991). Особо следует учитывать, что наиболее древние восточные части приморских сельских поселений в настоящее время разрушены абразионными процессами. Общая площадь хоры Нимфейского полиса к концу VI в. до н.э. не превышала 30–35 кв. км, и имела четкие природные границы в виде глубоких довольно труднопреодолимых обводненных балок.

В целом к концу VI в. до н.э. Нимфей предстает как сформировавшаяся полисная структура (Зинько 1998), с урбанистическим центром и довольно обширной хорой, на которой располагалось несколько разнородных сельских поселений.

К вопросу о торговых связях Нимфея в VI в. до н. э.

Торговля играла важную роль в истории греческих поселений Северного Причерноморья с момента их основания. Материалы для характеристики торговли мы получаем из разных источников: это свидетельства древних авторов, данные эпиграфики, но основной а порой и единственной, базой для этих исследований являются археологические материалы. Поэтому главное внимание при изучении торговли обращается на керамические материалы в силу их массовости и широкого распространения. Обычно основное внимание уделяется торговле с метрополией и другими государствами, а также греко-варварским контактам, которые интенсивно развиваются с момента появления в Причерноморье греческих поселений. Взаимная заинтересованность в обмене товарами создает благоприятные предпосылки для быстрого и интенсивного развития торговли. Постепенно города превращаются в крупные торгово-транзитные центры, через посредство которых осуществляется торговый обмен (АГСП 1984). Одним из таких центров становится Нимфей. Наличие в городе хорошей гавани, а также плодородных земель вокруг, обеспечили ему положение важного торгового центра на Боспоре, одного из ведущих экспортеров боспорского хлеба. Подобно другим городам, основанным выходцами из Малой Азии, Нимфей сохранял и поддерживал прочные экономические и духовные связи именно с малоазийскими центрами, что и подтверждается многочисленными материалами. О торговых связях Нимфея на ранних этапах существования города можно судить на основании материалов, которые были получены преимущественно в первые годы раскопок. В последние годы накоплены новые данные, позволяющие еще раз обратиться к этой проблеме. К сожалению, порой невозможно сопоставить материалы старых лет раскопок и современных. В первую очередь, невозможно количественное сравнение результатов исследований, а следовательно, достаточно сложно проследить изменение интенсивности торговли. Амфоры, служившие тарой для транспортировки вина, оливкового масла, зерна, соленой рыбы и других товаров, являются самой многочисленной группой находок, позволяющих выявить основные направления торговых связей. Одним из активных торговых партнеров Нимфея на протяжении длительного периода был Хиос, откуда поступали в город амфоры с высококачественным вином, а также великолепная художественная керамика. Самые ранние образцы амфор датируются первой половиной – серединой VI в. до н. э. (Худяк 1962, Butjagin 1998) – это сосуды с

белым ангобом, по которому нанесены полосы красной или черной красками (Абрамов 1993 – тип IА Монахов 1999 – тип II) Отдельные фрагменты относятся к группе амфор с воронковидным горлом, которые имеют распространение с середины VI до начала V в до н э (Duroy 1982) Ранний вариант пухлогорлых амфор, датирующихся в пределах двух последних десятилетий VI в до н э, хорошо представлен находками из комплекса Д-2 некрополя Нимфея (Монахов 1999) Хиосские амфоры разных типов встречаются в Нимфее вплоть до III в до н э, что свидетельствует о длительных и прочных контактах между этими центрами Другую группу амфор представляют сосуды ‘милетско-самосского круга’ Различия в характере глины, из которой они изготовлены свидетельствуют о том, что эта группа объединяет изделия нескольких центров (Монахов 1999) Сосуды на сложнопрофилированном кольцевом поддоне (Абрамов 1993) или ‘протофасосские’ (Zeest 1960) являются изделиями разных центров, близких Милету и Самосу, а часть амфор этой группы исследователи относят к продукции Абдер (Peristeri-Otatzis) Единичные фрагменты из нимфейских находок могут быть отнесены к очень раннему типу, который датируется временем до середины VI в до н э (ср. Butjagin 1998) а большинство фрагментов – второй половиной VI – началом V в до н э В пределах первой половины VI – первой четверти V в до н э датируется небольшое количество фрагментов амфор с окрашенными венцами и широкими полосами по ручкам и тулову (Zeest 1960), большую часть которых относят к производству Клазомен (Duroy 1983) Фрагменты амфор, относящихся к типу сосудов с усеченно-конусовидной (Абрамов 1993) или стаканообразной (Zeest 1960) ножкой более многочисленны Эти амфоры производились на о. Лесбос на протяжении первой половины VI – IV вв до н э Среди нимфейских находок представлены сосуды разных типов как из глины красноватых оттенков (Butjagin 1998), так и сероглиняные Следует отметить немногочисленные фрагменты коринфских амфор, изготовленных из светлой, иногда розоватой глины с примесью песка и шамота, которые датируются серединой VI – концом V в до н э В слоях VI в до н э встречается также небольшое количество фрагментов амфор неизвестного производства Одновременно с продукцией, поступавшей в Нимфей в амфорной таре, сюда привозят великолепные образцы столовой посуды, ваз, терракотовых статуэток, архитектурных деталей, которые характеризуют керамическое производство наиболее известных центров Ионии, Аттики, Коринфа Ионийская керамика хорошо известна в слоях VI в до н э в греческих городах Северного Причерноморья, в том числе и в Нимфее В этой группе керамики представлены килики разных типов, тарелки с меандром по краю, фрагменты чернофигурных диносов, амфоры типа

Токра, которые относятся к изделиям североионийских центров, а наиболее ранние образцы их датируются рубежом первой и второй четвертей VI в до н э (Худяк 1962 Butjagin 1998, Лебедева 1999 Ильина 2000) Следует отметить среди находок фрагменты хиосских кубков (Лебедева 1999) милетских сосудов стиля фикиеллур (Худяк 1962), клазоменских ваз с чешуйчатым орнаментом (Butjagin 1998 Соколова, Чистов 1999), коринфских сосудов (Butjagin 1998, Древний город Нимфей 1999) Производством ионийских мастерских являются также терракотовые статуэтки изображающие сидящую на троне богиню, возлежащего мужчину с ритонном в руках женские протомы (Скуднова 1970, Butjagin 1998) С о Самос были привезены формы для изготовления терракот, найденные при раскопках святилища Деметры и датирующиеся второй половиной VI в до н э (Худяк 1962) Довольно значительна среди находок группа керамики представленная фрагментами чернолаковых чернофигурных и краснофигурных аттических ваз Первой половиной VI в до н э можно датировать небольшое количество фрагментов аттической керамики но среди них следует отметить фрагмент чернофигурного кратера расписанного мастером Лидосом (Скуднова 1956) Во второй половине VI в до н э восточно-греческая керамика начинает понемногу вытесняться с рынков Северного Причерноморья изделиями афинских мастеров, но в целом аттический импорт еще не многочисленны (Древний город Нимфей 1999) Но и для этого периода можно отметить отдельные интересные образцы ваз Третьей и четвертой четвертями VI в до н э можно датировать довольно многочисленные фрагменты аттических мелкофигурных киликов (Butjagin 1998), а концом столетия – серию лекифов с орнаментом в виде лучей или пальметок на дугах (Древний город Нимфей 1999) Среди находок представляет интерес чернофигурная гидрия Эдинбургского мастера, датирующаяся концом VI в до н э (Худяк 1962) Краснофигурная керамика представлена отдельными фрагментами последней четверти VI в до н э но основные материалы датируются временем не ранее 80-х гг V в Таким образом, можно отметить, что с момента своего основания и на протяжении всего VI в до н э Нимфей поддерживал активные торговые связи с ионийскими центрами (о Хиос, о Самос Милет, Клазомены, ряд близких центров), откуда в город поступали вино, оливковое масло и другие продукты в амфорах а также великолепные образцы столовой посуды терракотовые статуэтки Одновременно город торговал с эолийскими центрами о Лесбос откуда поступало вино А во второй половине столетия активизируются контакты с Афинами, в результате чего расписная ионийская керамика начинает вытесняться аттическими изделиями

Бронзовые наконечники стрел из Нимфея. I.
По материалам раскопок 1939–1941 гг.

Одной из интересных категорий находок из Нимфея являются бронзовые наконечники стрел "скифского" типа. Такие наконечники, найденные при раскопках античных городов Северного Причерноморья, могут служить надежным хронологическим критерием для аналогичных материалов варварских памятников данного региона.

Всего в коллекции Государственного Эрмитажа из раскопок Нимфея 1939 – 1990 гг. насчитывается более двухсот экземпляров целых и фрагментированных бронзовых наконечников стрел. В данной работе предлагается описание 36 таких наконечников из раскопок М. М. Худяка 1939–1941 гг., которые были систематизированы с учетом общей классификации всех нимфейских наконечников (Выражаю искреннюю благодарность О. Ю. Соколовой за возможность публикации материалов из Нимфея и ценные советы). За основу классификации приняты методические разработки ряда исследователей (Смирнов 1961, Мелюкова 1964, Яблонский 1996, Очир-Иорьева 1996), позволяющие описать наконечники стрел тремя группами признаков.

Первая группа признаков характеризует форму насада и поперечное сечение головки наконечников. По форме насада все наконечники относятся к группе втульчатых, а по форме поперечного сечения головки выделяются три отдела: двулопастные (2л), трехлопастные (3л) и трехгранные (3г).

Вторая группа признаков отражает форму головки наконечников, а также наличие у них выделенной или скрытой втулки.

По сочетанию этих признаков выделяется два типа наконечников: 1) округлые ("Окр") и 2) треугольные ("Т"). При этом по умолчанию считается, что наконечники имеют выделенную втулку. Наконечникам со скрытой втулкой присвоен код "Б" – базисные.

По форме нижней части лопастей или граней наконечников выделяются три подтипа. Лопастей по отношению ко втулке могут быть подрезаны под углом (Литвинский 1984, с. 154): 1) тупым (> 90 градусов), 2) прямым ($= 90$ градусов) и 3) острым (< 90 градусов). Данным подтипам присвоены следующие буквенные коды: 1) "ТП" – наконечник с треугольной в плане формой головки и подрезанными под тупым углом ко втулке нижними частями лопастей. Отметим, что к этому же типу относятся наконечники с ромбической в плане головкой, 2) "Т" – треугольная форма головки с прямо подрезанными ко втулке лопастями, 3) "ТЖ" – треугольная форма головки с лопастями в виде

жалец, подрезанными под острым углом ко втулке. Длина лопастей этого типа больше длины головки наконечника. В Нимфее найдены также наконечники типа "БТЖ" – базисные наконечники с головкой треугольной формы и подрезанными под острым углом ко втулке лопастями (жальцами).

Третья группа признаков отражает размеры наконечников. Вариант выделяется по соотношению общей длины наконечника к длине его головки ($L_{об}/L_{гл}$). Выделяется шесть вариантов. Вариант № 0 присвоен базисным наконечникам, у которых отсутствует данный показатель. Варианты № 1–5 характеризуют втульчатые наконечники. Соотношение длины наконечника к длине его головки для варианта № 1 равняется коэффициенту 1–1,1, варианта № 2 = 1,2, варианта № 3 = 1,3–1,4, варианта № 4 = 1,5–1,6 и варианта № 5 = 1,9.

Разновидность характеризует общую длину наконечника. Всего выделено 7 разновидностей: 1) 13–17 мм, 2) 20–22 мм, 3) 23–24 мм, 4) 27–28 мм; 5) 32–32,5 мм, 6) 34–35 мм, 7) 41 мм. Варианты и разновидности отражены в таблице № 1 в колонке "класс", где первая цифра означает номер варианта, а вторая – разновидности. Замеры количественных признаков проводились с точностью 0,5 мм. При этом важно отметить, что при замерах могут возникать ошибки, вследствие различной сохранности наконечников. Однако в данном случае этими ошибками можно пренебречь.

Основные размеры всех наконечников описывались следующими признаками (табл. 1): $L_{об}$ – общая длина наконечника, $L_{гл}$ – длина головки, $L_{вт}$ – длина втулки, $L_{лп}$ – длина лопасти (жальца), $Ш_{гл}$ – ширина головки, $Ш_{вт}$ – ширина втулки, $L_{б}$ – длина бойка (от острия до ложка), L_1 – длина верхней части головки (от острия до ее наибольшего расширения), L_2 – длина нижней части головки от ее наибольшего расширения до основания, $Ш$ – наличие (отмечается знаком 1) или отсутствие шипа.

Наибольшее сходство наконечники из Нимфея находят в 1) погребениях ольвийского некрополя (рис. 2, 1–23) второй половины VI – первой половины V в до н.э. (Скуднева 1988), 2) погребении Д–2 могильника Черкес-Кермен кизил-кобинской культуры (рис. 2, 24–29) также, вероятно, второй половины VI – первой половины V в до н.э., 3) культурном слое Херсонеса конца V–IV в до н.э. (рис. 2, 30–41).

Судя по имеющимся аналогиям, рассматриваемые нимфейские наконечники стрел можно отнести к трем хронологическим группам.

К первой группе, датируемой второй половиной VII – 2–3 четвертью VI в до н.э., относятся 6 наконечников: 1) Двулопастной наконечник с округлой формой головки и шипом на втулке (рис. 1, 1). Аналогичный наконечник найден в погребении 8 кургана 7 у с. Новоалександровка (Кореняко, Лукьяшко 1982 С. 161. Рис. 10, 1) второй – третьей четверти

VI в до н э (Копылов 2000 С 158), 2) Трехлопастной наконечник с округлой головкой и шипом на длинной втулке (рис 1 4) Аналогичный наконечник найден в кургане 16 могильника Нартан (Батчаев 1985 Табл 41, 17), датируемый 650–620 гг (Алексеев 1992 С 49) 3) Трехлопастной крупный наконечник с головкой треугольной формы и подрезанными под тупым углом ко втулке лопастями (рис 1 17) Такой же по типу наконечник найден в кургане 23 могильника Нартан (Батчаев 1985 Табл 53 13) 630–590 гг (Алексеев 1992 С 49), 4–5) Два трехлопастных базисных наконечника с треугольной формой головки (рис 1, 27 29) Аналогичные по типу наконечники найдены на Березани в комплексе второй – третьей четверти 6 в (Соловьев 1995 С 155–157) и в погребении № 52 1911 г Ольвии (рис 2, 20) третьей четверти VI в до н э (Скуднева 1988 С 78) 6) Трехгранный наконечник с головкой треугольной формы и подрезанными под тупым углом ко втулке гранями (рис 1 18) Такой же по типу наконечник найден на Березани в комплексе который датируется второй – третьей четвертью VI в до н э (Соловьев 1995 С 155–157)

Ко второй хронологической группе относятся основной массив (24 экз) трехлопастных наконечников с головкой треугольной формы Из них 20 экз (рис 1 2–3 5 7–13 15 20–23 25–26 28 31–32) судя по аналогиям датируются второй половиной VI – первой половиной V в до н э (табл 2) Еще четыре наконечника (рис 1 6 14 24 30) как правило небольших по своим размерам, находят аналогии как в погребениях Ольвии конца VI в до н э так и в слое Херсонеса, что позволяет предположить их длительное бытование на протяжении конца VI–IV в до н э

Наконец к третьей хронологической группе относятся 6 наконечников с головкой треугольной формы Сюда входят два трехлопастных наконечника, один из которых с подрезанными под тупым углом ко втулке лопастями (рис 1 16) а другой – базисный (рис 1 19) Четыре других наконечника представлены базисным типом с опущенными лопастями Один из них трехлопастной (рис 1 33) и три других – трехгранные (рис 1, 34–36) Аналогичные наконечники найдены в слоях Херсонеса конца V–IV в до н э (табл 2 рис 2 33–36, 39 41)

Рассматриваемые наконечники стрел были найдены в трех стратиграфических слоях Нимфея Для первого слоя характерны находки фрагментов чернофигурной и краснофигурной керамики В этом слое найдено 10 наконечников (рис 1, 1 5 6 9 12 18 21 23 28 29) Исключение составляют два наконечника (рис 1 32 34), которые были встречены в слое классического времени вместе с фрагментом клейменной черепицы (Худяк 1941 Список 11) Во втором слое вместе с фрагментами краснофигурной керамики и клейменной амфорной тары

IV – начала III в до н э также найдено 10 наконечников (рис 1 3 11 14-16 19 20, 22 26 30) Наконеч в третьем слое который характеризуется обломками амфорной клейменной тары IV – начала III в до н э, было найдено еще 10 наконечников (рис 1, 2, 4 7-8 10 13 17 24, 27 33) Кроме того, еще четыре наконечника (рис 1, 25 31, 35-36) найдены в гумусном слое или случайно (табл 2)

Обращает на себя внимание тот факт, что два наконечника первой и второй хронологических групп (рис 1, 2, 4) найдены в третьем позднем стратиграфическом слое Нимфея И наоборот, трехгранный наконечник третьей хронологической группы (рис 1, 34) был встречен в более раннем слое классического времени Данные наблюдения не исключают вероятности случайного попадания этих наконечников в культурный слой Нимфея

Отдельного описания заслуживает бронзовый двулопастной наконечник с округлой головкой и обломанным черешком (НФ 40–367 рис 3) По краям лопастей наконечника отчетливо прослеживается валик Сохранившаяся длина наконечника – 41,2 мм, длина головки – 26,5 мм, ширина головки – 12,7 мм, ширина черешка в месте излома – 6,8–7,4 мм Данный наконечник был найден на участке “А” в слое внутри святилища Деметры По находкам здесь обломков чернофигурных киликов с изображением бутонов лотоса и пантеры этот слой может быть датирован второй – третьей четвертью в (Козуб 1987, с 59 61,63) Рентгено-флюоресцентный анализ проведенный С В Хавриным в отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа показал, что металл данного наконечника в основном состоит из меди Кроме того, здесь присутствует олово – 4–6 % и цинк – 3–5 % Имеются также следы железа и свинца (Выражаю искреннюю благодарность О Л Семенов и С В Хаврину за проведенный анализ наконечника)

По заключению А Ю Алексеева Ю А Виноградова В Ю Зуева, С Л Соловьева и С В Хаврина данный наконечник является монетой-стрелкой которые были распространены в VI в до н э в Северо-Западном Причерноморье (Граков 1968 с 101–115)

Таким образом анализ нимфейских бронзовых наконечников стрел показывает 1) наиболее ранние втульчатые наконечники первой хронологической группы возможно могут относиться к бытовавшему здесь поселению кизил-кобинской культуры VIII – первой половины VI в до н э (Сенаторов 2000 с 88) 2) основной массив втульчатых наконечников стрел второй половины VI–IV в до н э является обычным вооружением населения Нимфея и находит ближайшие аналогии в наборах наконечников из Ольвии и Херсонеса

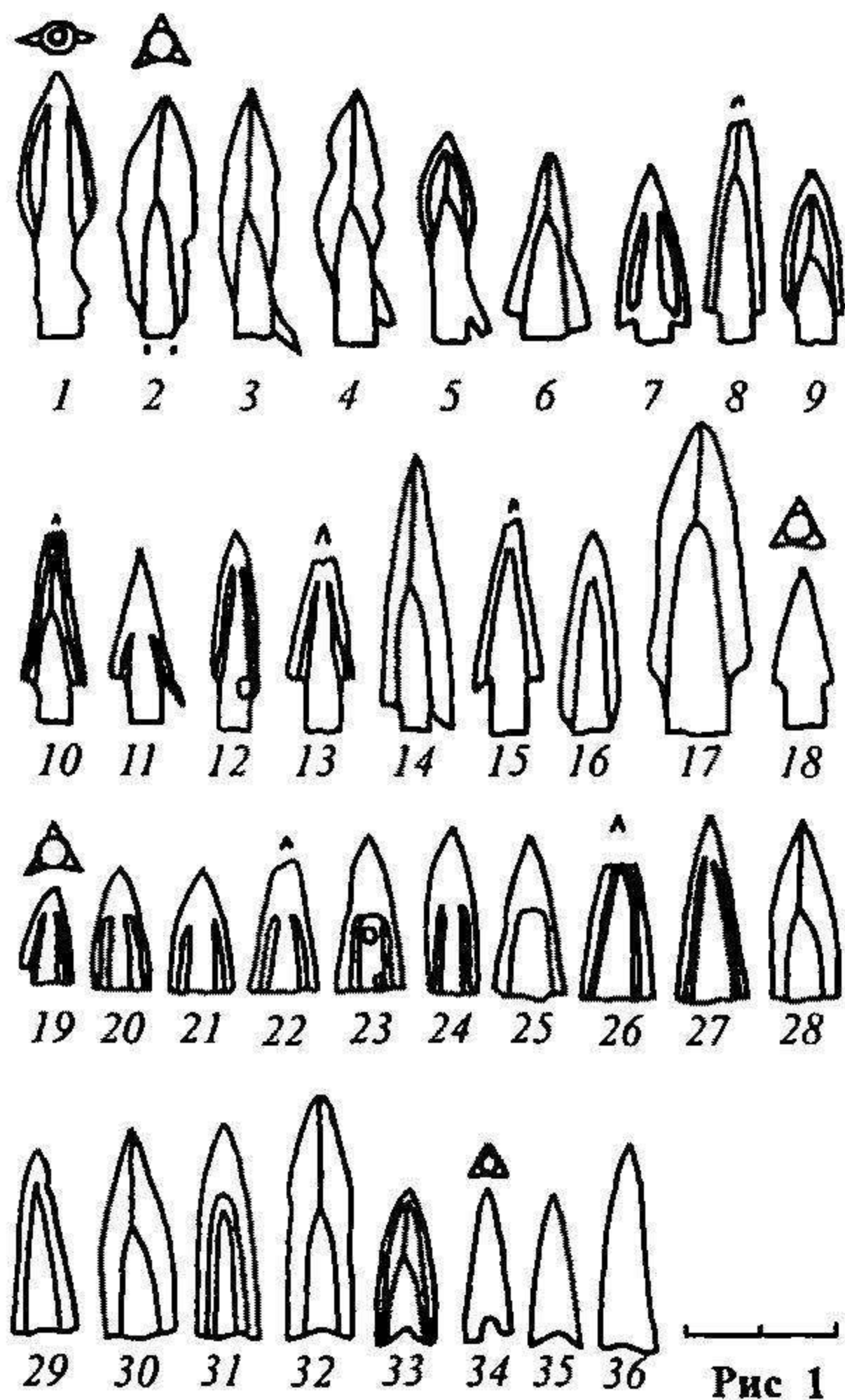

Рис 1

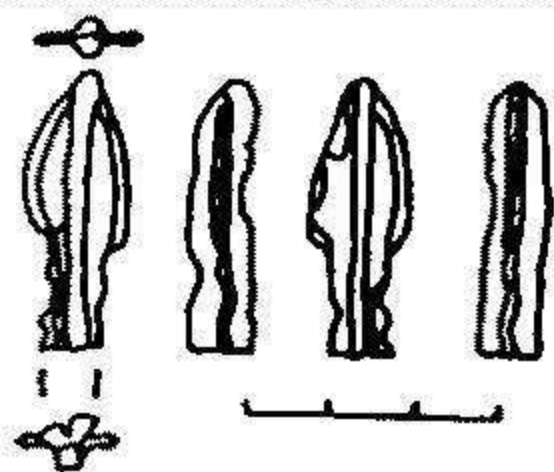

Рис 3

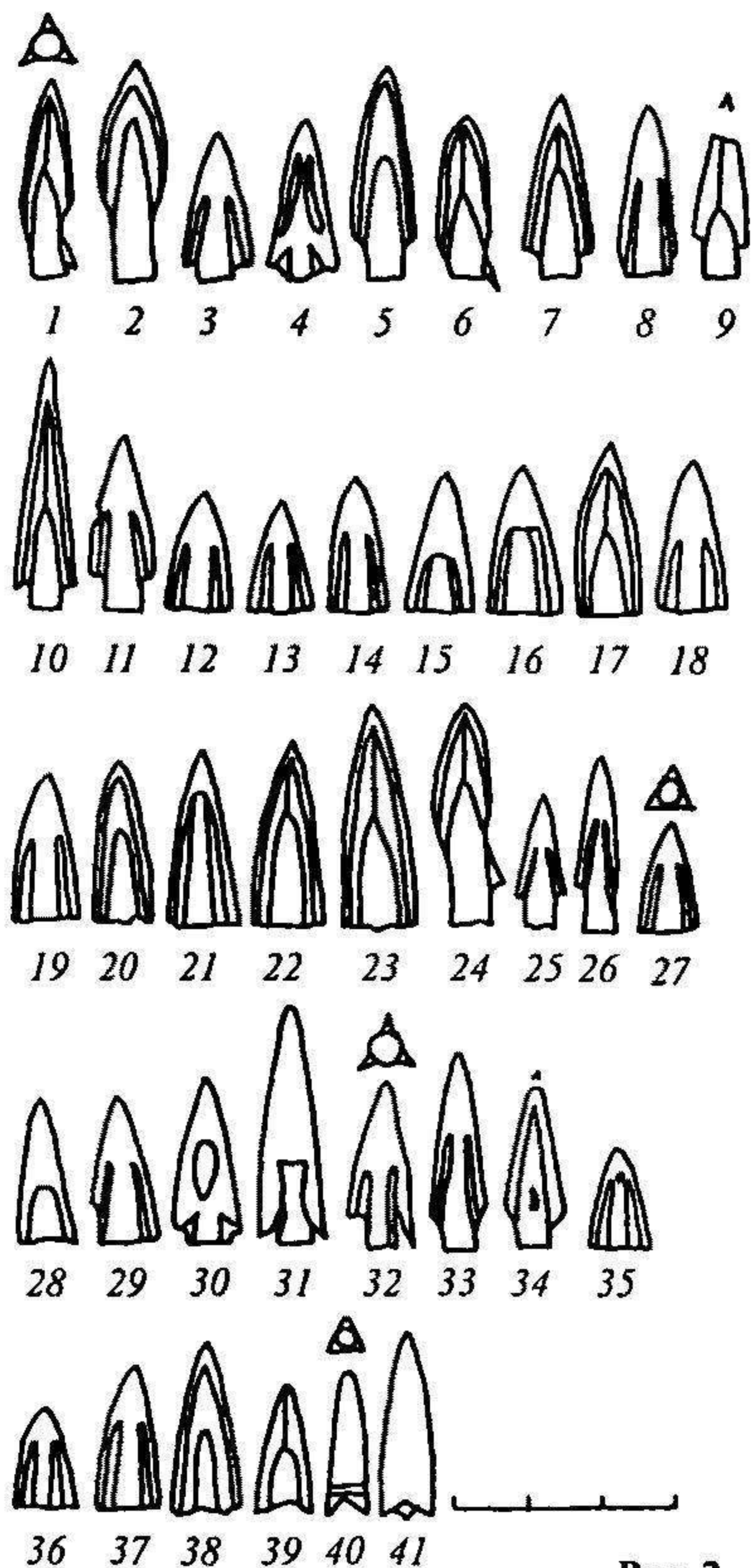

Рис. 2

Рис 1 Бронзовые наконечники стрел из Нимфея

Рис 2 Бронзовые наконечники стрел 1-23 - из погребений Ольвийского некрополя, 24-29 - могильник Черкес-Кермен, погр Д-2; 30-41 - Херсонес

Рис 3 Монета-стрелка из Нимфея

Рис	1	Отдел	Тип	Класс	Loб/Lгг	L об	L гл	L вт	L лп	Ш гл	Ш вт	L б	L 1	L 2	Шип
1		2л	Окр	4,6	1,6	35	22	13		10	5,5		15	7	1
2		3л	Окр	2,6	1,2	35	30	5		10	4		17	13	
3		3л	Окр	3,5	1,3	32,5	26	6,5		8	5		13	13	1
4		3л	Окр	4,6	1,5	34	23	11		9,5	5		14	9,5	1
5		3л	Окр	5,4	1,9	28	15	13		7	4,5	2	8	6,5	1
6		3л	Т	1,3	1,1	24	22	2		12	6				
7		3л	Т	1,3	1,1	23	21	2		9	5	6			
8		3л	Т	1,5	1,1	32	28	3		7,5	4	10			
9		3л	Т	2,3	1,2	23	19	4		7	5	2			
10		3л	Т	3,3	1,3	25	19	6		9	3,5				
11		3л	Т	3,3	1,4	23	17	6		8	3,5	11			
12		3л	Т	3,4	1,3	27	21	6		6,5	4	5			
13		3л	Т	3,4	1,3	27	21	6		8	5	8			
14		3л	ТЖ	1,6	1,1	36	33	3	35	9	4				
15		3л	ТЖ	3,4	1,3	27	21	6	22	9	4	8			
16		3л	ТП	1,3	1	26	25	1		7	4,5	6	24	1	
17		3л	ТП	2,7	1,2	40	34	6		14	8,5		30	3	
18		3г	ТП	3,2	1,4	20	14	6		8	6		13	1	
19		3л	БТ	0,1		13				6,5	3	3			
20		3л	БТ	0,1		16				7	3	6			
21		3л	БТ	0,1		17				9	4,5	6			
22		3л	БТ	0,2		20				9	4	10			
23		3л	БТ	0,2		21				9	4,5	11			
24		3л	БТ	0,2		22				8,5	4	7			
25		3л	БТ	0,2		22				9	5	10			
26		3л	БТ	0,3		23				9,5	4	9			
27		3л	БТ	0,3		24				9,5	4,5				
28		3л	БТ	0,3		24				8,5	4				
29		3л	БТ	0,3		24				8,5	4,5	4			
30		3л	БТ	0,4		27				10	4,5	1			
31		3л	БТ	0,4		28				9	4	9			
32		3л	БТ	0,5		32				9	4,5				
33		3л	БТЖ	0,1		17			20	7,5	3,5				
34		3г	БТЖ	0,1		17			20	6	2,5				
35		3г	БТЖ	0,1		18			20	6	3,5				
36		3г	БТЖ	0,3		26			27	7	3				

Табл 1 Классификация бронзовых наконечников стрел из раскопок Нимфея 1939-1941 гг

Рис. 1	Нимфей Место находки. Шифр ГЭ.	Рис. 3	Памятник	Дата до н э
1	Кв. А, у алтаря 2, Н 41-140		Новоалекс. 7/8, рис 10,1	1 пол. 6 в.
2	Кв. I-3, гл. 1,3-1,6 м. Н 39-565		Врезань, некрополь	2 пол. 6 - 1 пол. 5 вв.
3	Кв. С-4, у оборонит. стены. Н 41-848	2	Ол 66/1911	2 пол. 6 в
4	Кв. С, гл. 1,8-2,0 м Н 39-231		Нартан х 16, табл. 41,17	650 - 620 гг
5	Кв. А, у алтаря 2, гл. 7,2 м. Н 41-517	1,24	Ол 12/1910; ЧК	2 пол. 6 - 1 пол. 5 вв.
6	Кв. А-3, вокруг алтаря 2. Н.41-309	3,30	Ол 108/1911, Херсонес	к. 6 - 4 вв.
7	Кв. А-3, гл. 1,7-1,95 м. Н 41-1004	4	Ол 91/1913	к. 6 в.
8	Кв. С, гл. 2,15-2,50. Н 39-274	5	Ол 1/1913	к 6 в
9	Кв. А, у алтаря 2, гл. 7,2 м Н 41-517	6	Ол 6/1909	2 пол. 6 в.
10	Кв. I-3, гл. 0,6 м Н 39-528	7	Ол 37/1913	1 пол. 5 в.
11	Кв. С-4, у оборонит. стены Н.41-848	25	ЧК	2 пол. 6 - 1 пол. 5 вв.
12	Кв. А-3, гл. 7,7 м. Н 41-479	8,26	Ол 82/1913, ЧК	к. 6 - 1 пол. 5 вв.
13	Кв. I-3, гл. 1,3-1,6 м. Н 39-565	9	Ол 76/1910	к. 6 в.
14	Кв. А, гл. 21,4-21,85 м. Н 41-883	10,31	Ол 93/1913, Херсонес	к. 6 - 4 вв
15	Кв. А-3, серогл. слой Н 40-108	11	Ол 12/1910	2 пол. 6 в
16	Кв. А, сероглиняный слой Н 40-49	33-34	Херсонес	к. 5 - 4 вв
17	Кв. А, у стены № 20. Н 41-971		Нартан х 23, табл. 53,13	630 - 590 гг.
18	Кв. А, у алтаря 2, гл. 7,2 м. Н 41-517		Врезань, углубление	2 - 3 четв. 6 в.
19	Кв. А, подошва стен № 2-4 Н 40-187	35-36	Херсонес	к. 5 - 4 вв.
20	Кв. А-3, серогл. слой. Н 40-109	12,27	Ол 99/1913, ЧК	к. 6 - 1 пол. 5 вв.
21	Кв. А, ниже уровня стены № 2. Н 41-930	13	Ол 91/1913	к. 6 в
22	Кв. А, подошва стен № 2-4 Н 40-160	14	Ол 12/1910	2 пол. 6 в.
23	Кв. А, у алтаря 2, гл. 7,2 м Н 41-517	15	Ол 91/1913	к. 6 в.
24	Кв. I-3, гл. 1,3-1,6 м Н 39-565	28,37	ЧК, Херсонес	2 пол. 6 - 4 вв.
25	Кв. Е, гумус. Н 39-629	16,29	Ол 84/1911, ЧК	к. 6 - 1 пол. 5 вв.
26	Кв. I-В, ракушечный слой. Н.39-536	18-19,29	Ол 99/1913, Ол 91/1913, ЧК	к. 6 - 1 пол. 5 вв.
27	Кв. I-3, гл. 1,5 м. Н 39-550		Березань, углубление	2 - 3 четв. 6 в
28	Кв. А, у алтаря 2, гл. 7,4-7,5 м. Н 41-417	17	Ол 66/1911	к. 6 в
29	Кв. А-3, гл. 7,7 м. Н 41-479	20	Ол 52/1911	3 четв. 6 в.
30	Кв. С-4, у оборонит. стены Н 41-848	22,38	Ол 107/1911, Херсонес	к. 6 - 4 вв.
31	Случайная находка Н 40-384	21	Ол 15/1914	к. 6 в
32	Кв. А, на уровне стены № 2. Н 41-782	23	Ол 52/1911	2 пол. 6 в.
33	Кв. I-В, гл. 1,45-1,6 м. Н 39-350	39	Херсонес	к. 5 - 4 вв.
34	Кв. А, на уровне стены № 2 Н.41-782	40	Херсонес	к. 5 - 4 вв.
35	Кв. С, гумус. Н 40-390	40	Херсонес	к. 5 - 4 вв.
36	Кв. Е, гумус. Н 39-629	41	Херсонес	к 5 - 4 вв.

Табл 2 Место находок наконечников стрел в Нимфее и их аналогии.

Ол - Ольвия, ЧК - могильный Черкес-Кермен, погр. Д-2

- Алексеев 1992 – *Алексеев Ю* Скифская хроника СПб 1992
- Батчаев 1985 – *В М Батчаев* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик Т 2 1985
- Граков 1968 – *Б Н Граков* Легенда о скифском царе Арианте // Археология, история и этнография Средней Азии М, 1968
- Козуб 1987 – *Ю П Козуб* Аттическая керамика // Культура населения Ольвии и ее окрестности в архаическое время Киев, 1987
- Копылов 2000 – *В П Копылов* Население дельты Дона в V–IV вв до н э // Скифы и сарматы в VII–III вв до н э Палеозоология, антропология и археология М 2000
- Кореняко Лукьяшко 1982 – *В А Кореняко С П Лукьяшко* Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА 1982 № 3
- Литвинский 1984 – *Б А Литвинский* Бронзовые наконечники стрел из Тахин-Саггина // Древности Евразии в скифо-сарматское время М, 1984 – (Археология СССР)
- Мелюкова 1964 – *А И Мелюкова* Вооружение скифов М 1964 – (САИ Вып Д 1–4)
- Очир-Горяева 1996 – *М А Очир-Горяева* Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА 1996 № 1
- Сенаторов 2000 – *С П Сенаторов* Кизил-кобинская керамика VIII – первой половины VI вв до н э из Нимфея // Гаманская старина СПб, 2000 Вып 3
- Скудная 1988 – *В М Скудная* Архаический некрополь Ольвии Л, 1988
- Смирнов 1961 – *К Ф Смирнов* Вооружение савроматов М 1961 – (МИА, № 101)
- Соловьев 1995 – *С П Соловьев* Периодизация жилого строительства античной Березани // Археологические вести СПб, 1995 № 4
- Худяк 1941 – *М М Худяк* Полевая опись находок в Нимфее за 1941 г // Архив отдела Античного Мира Государственного Эрмитажа
- Яблонский 1996 – *Т П Яблонский* Саки Южного Приаралья М, 1996

С М Зинченко

**Нашивные бляшки с изображением оленя из некрополя Нимфея
(К вопросу об особенностях функционирования
одного канонического образа)**

Золотая нашивная бляшка в виде оленя (собрание Государственного Эрмитажа) происходит из кургана 17 некрополя Нимфея. В данном погребении обнаружено три подобных бляшки (высота 1,8 см, длина 2,5 см, средний вес ок. 1 г). Датируются золотые изделия 425–400 гг. до н э (Греческое золото 1995 С 135).

Курган 17 некрополя Нимфея был раскопан в 1876 г. А. Е. Люценко и представляет собой «средних размеров могильный холм с каменной выкладкой в центральной части» (Греческое золото 1995 С 132).

В каменной погребальной камере найдены фрагменты деревянного саркофага и мужской скелет. Вероятно погребение принадлежало представителю скифской знати (Греческое золото 1995 С 132, Античные города 1984 С 65)

Нимфей, расположенный к югу-западу от Пантикапея, был основан колонистами из Ионии в начале VI в до н э и на месте ранее, по-видимому, существовавшего скифского поселения (Античные города 1984 С 63). Поначалу Нимфей развивался как самостоятельный полис и еще в середине V в до н э был независим от Боспора, выступал как союзник Афин. После Пелопонесской войны (431–404 гг до н э) перешел под власть Боспорского государства.

Кроме того, важно зафиксировать следующие исторические факты. Города на территории Северного Причерноморья развивались не только как изолированные греческие поселения, а в постоянном контакте с местным населением. В крымских степях обитали тавры и скифы, на азиатской стороне пролива жили мсоты и синды, также здесь обосновались фракийцы. Уже в середине V в до н э в состав населения боспорских городов вошла негреческая прослойка (Скржинская 1998 С 157–158). Особая роль в этой связи отводилась Нимфею. Как считает В. П. Толстиков (Толстиков 1984 С 42–42) его выгодное местоположение (великолепная бухта), определенная политическая ситуация, сложившаяся в этом регионе V в до н э (возможно, что Нимфей после 480/479 гг до н э оказался под протекторатом скифов), делает этот город к середине V в до н э важнейшим центром концентрации и оседания скифского населения.

Таким образом, отмеченный период характеризуется широким интеграционными процессами как в политической так и в культурной сферах. Как яркий пример этих исторических перемен может быть рассмотрен комплекс вещей из кургана 17 некрополя Нимфея, хронологические рамки которого свидетельствуют о его сооружении в переходное время (О проблеме уникальности нимфейского некрополя и его отличия от некрополей других боспорских центров сер. V – нач. IV вв до н э см. Толстиков 1984, Силантьева 1959).

На теле погребенного был обнаружен следующий комплекс золотых украшений:

1. Золотое ожерелье с зерновидными подвесками и звеньями с завитками и розетами. По элементам декора (подвескам в виде семян фенхеля, пальметам, розетам и др.) это ожерелье имеет много аналогий среди памятников Северного Причерноморья и соотносится с изделиями, происходящими из разных частей греческого мира (Греческое золото 1995 С 34, 42, 152–153). Эти данные свидетельствуют о том, что перед нами продукт греческой культуры.¹

Также к кругу, связанному с греческой традицией относятся

2 Золотые ладьевидные серьги Принадлежат к одному из трех основных типов греческих серег, существовавших в классическую эпоху (Греческое золото 1995 С 33)

3 Золотой перстень с изображением летящей Ники

4–8 Нашивные бляшки с тройным изображением, а также в виде горгонейона, львиной головы, грифона, сфинкса, петушков Все бляшки предположительно работы местного мастера (Греческое золото 1995 С 135)

Анализ формально-стилистической структуры этих образов (№ 1–8) свидетельствует о том, что процесс, связанный с появлением во второй половине VI – начале V в до н э в Причерноморье производственных центров (к каким, вероятно, относится и Нимфей), чья изобразительная программа заметно отходит от скифского звериного стиля идет по пути усиления греческой традиции² Принято считать, что эти тенденции подтверждают находки из Семибратних курганов и их некрополя Нимфея (Греческое золото 1995 С 125–126)

9 Нашивные бляшки в виде оленей Особняком в рассматриваемом комплексе стоит данный образ Олень изображен с подогнутыми, заходящими одна на другую ногами, с рогами, закинутыми на спину и переданными в виде сильно редуцированных S-образных отростков, два из которых расположены впереди Как и вышеупомянутые бляшки, эти нашивные изделия сделаны из золота путем оттиска по форме либо выбиты штампом и слегка обработаны гравировкой Олени выполнены в традициях скифского звериного стиля

Уже по беглому перечислению предметов виден разностилистический характер произведений, объединенных рамками данного комплекса Их можно разделить на две группы а) произведения греческого круга, б) произведения, напрямую связанные с культурой скифского мира и воспроизводящее либо некую древнюю каноническую форму, либо стремящееся дословно ее “цитировать”

Подробнее рассмотрим нашивные бляшки в виде оленя Олень передан очень стилизованно Само тело решено достаточно плоско, благодаря применению низкого рельефа, лишь едва намечены гравировкой линии шеи, спины Объемно показаны бедро и лопатка, они выделены столь рельефно, что при отсутствии плавных переходов от одной части тела к другой создают впечатление тела разделенного на самостоятельные пластические зоны Морда также передана достаточно условно акцентируется лишь круглый глаз, увеличенный в размере и дополнительно обведенный по контуру углублением Ухо, хоть и едва намеченное выделено своим непропорциональным масштабом по сравнению с другими частями тела

Рога представлены в виде отдельных тонких отростков, завершающихся декоративным изгибом образующим петлю и напоминающие сильно измененные S-образные отростки. Изображение непрорезное, а тесно связано с фоном, чью роль выполняет сама золотая пластинка, т.е. здесь одним материалом переданы и фон, и само изображение. Форма потчас плохо проработана, детали практически не читаются, рельефом выделены лишь важные сочленения тела для передачи движения: сочленения копыт, а также глаз и отростки рогов. При чем на этих участках фигуры рельеф передает объем утрированно, создавая тем самым "скелетную" основу образа.

Обратимся к изобразительным примерам, близким по формальному решению нимфейскому оленю. За основу в построении ряда аналогий взяты следующие признаки: поза с подогнутыми ногами, заходящими одна на другую; форма рогов и расположение отростков, связанное с передачей одновременно профильной и фасной проекций; форма глаза; голова вытянута вперед; членение тела на достаточно жестко обозначенные геометрические объемы, форма общего контура.

Наиболее близко нашей бляшке изображение оленя на обкладке горита (?) из Келермеского кургана № 4 (сер.-вт. половина VII в. до н.э. Галанина 1997 С. 190 Кат. 51 Табл. 5). Большое сходство прослеживается в позе оленя, в формах рогов в виде ветви, закинутой на спину, двух передних отростках рогов, вытянутой вперед морде, расположенной по отношению к туловищу примерно под углом в 45°, листовидного уха почти параллельного линии спины и сливающегося с рогами в единый пластический мотив, круглого глаза с обводкой рельефным контуром. Кроме того, очень близко к нимфейской бляшке понимание взаимосвязи фона и образа, неразлитно связанных в единое изобразительное поле.

По обозначенным выше признакам как аналогии могут быть рассмотрены фигуры оленей на обкладке боевого топора и ножнах меча из Келелермеского кургана № 1 (сер.-вт. половина VII в. до н.э. Галанина 1997 С. 190 Кат. 1. 6 Таб. 7-8, 10-11). В этих памятниках при сходстве с уже отмеченным формально-стилистическим решением есть и некоторые отличия. В первом случае – глаз, рога и мышцы ног выделены дополнительной рельефной обводкой, в показе линий уха, брюха и крупа используются рельефные насечки, обозначающие шерсть. Морда либо чуть опущена, либо параллельна линии спины. Во втором примере – объем передан не столь декоративно, поза более близка нимфейскому памятнику и фигуре на обкладке горита (?), но здесь отличны от них решения рогов (три передних отростка). По при всем сохраняется главное: отростки рогов не зеркально симметричны друг другу, каждый отросток выделен жестким ребром рельефной грани.

Также используем для работы изображения выполненные без использования приема совмещения в одном изобразительном поле образа и фона. К ним относятся фигура оленя (наконечник псаляя?) из Келелермесского кургана № 2–4 (Галанина 1997 Кат 89 Таб 4) и украшения на щите в виде оленя из кургана у ст. Костромской (VII в до н э Złoto Scytyjskie 1976 Кат 4). Завитки костромского оленя достаточно орнаментированы и выделены дополнительной рельефной проработкой, дающей некий остов изображению и превращающей их в “классическую S-образную форму”. Достаточно близко к отмеченной изобразительной схеме примыкает изображение оленя на навершии из кургана 1, погребения у хутора Говердовский (пер. половина – сер. VI в до н э Шедевры 1987 С 35 Кат 1). Но здесь уже почти наглядно явлена усиливающаяся ‘копийность’ образа. Несмотря на различие в деталях, общие канонические признаки во всех вышеперечисленных образах присутствуют в полной мере.

Общие для всех келермесских и костромского изделий формально-стилистические параметры позволяют сделать вывод, что здесь мы имеем дело с неким каноном, требующим тщательной передачи образа или стремлению к этому. Особенно это хорошо выявлено на обложке боевого топора из Келелермесского кургана № 1, где в одном изобразительном пространстве соединены несколько видов оленей, но выделенные нами образ повторен неоднократно – а также помещен на верхнем торце рукояти и окружен рельефно выделенной плетенкой, выполняя роль своеобразного ‘замкового’ камня в композиционном и, возможно, в содержательном построении. Данный образ в жестко отобранных формально-стилистических качествах (композиция, объемное построение и т. д.) призван зафиксировать некие важные содержательные структуры, требующие многократного повторения. Как всякий канонический образ, данное изображение может быть рассмотрено как сумма ценностных ориентаций культуры скифского мира, сложившаяся еще в VII в до н э.

Таким образом, близкие по формально-стилистическим качествам образы сосредоточены на достаточно близкой к Нимфею территории Прикубанья, вошедшей затем в орбиту Боспора Азиатского. Но слишком далеко отстают они по друг от друга времени.

На других территориях, развивавшихся почти одновременно с памятниками Прикубанья, также встречаются подобные канонические образы (это памятники, происходящие с Левобережья и Правобережья Днепра. См. Переводникова 1994 С 87–88). Как пример хотелось бы упомянуть изображение оленя на выступе акинака из Мельгуновского кургана (Артамонов 1966 Рис 2) и, относящийся к VI в до н э, нашивные бляшки в виде оленя из кургана у с. Снявка (Древнее золото 1975 С 13–14). Последние однако отличны формой рогов, образующих общим силуэтом цепочку колец.

Теперь обратимся к материалу, близкому нимфейскому кургану и территориально, и хронологически

Основные формально-стилистические признаки в изображении оленя для памятников Прикубанья, выделенные Е В Переводчиковой⁴ не выявляют сходства между каноном VII в до н э и образами, получившими распространения в V в до н э. При всей внешней узнаваемости формальной канвы мотива нарушена формально-стилистическая структура прежнего канонического образа. Своеобразие искусства звериного стиля Прикубанья V–IV вв до н э, по мнению Л К Галаниной, заключается в том, что скифская основа скрестилась с элементами греко-персидской и кобанской изобразительной систем (Галанина 1997 С 218). V в до н э стал новым этапом развития скифского звериного стиля, что связано прежде всего с формированием локальных вариантов.

Для других территорий скифского мира, входящих в определенный контакт с территорией Боспора, также не прослеживается преемственность в использовании выделенной нами канонической схемы⁵. Хотя Е В Переводчикова и отмечает, что в V в до н э продолжают сохраняться общие правила построения образа, характерные для звериного стиля (Переводчикова 1994 С 141), однако, это не может исключать трансформацию или иногда даже полное исчезновение прежнего канонического образца.

Безусловно, здесь мы имеем дело с малым количеством материала. Но все же позволим себе высказать предположение, что в случае с нимфейским оленем мы имеем дело с использованием очень архаической канонической модели, существующей несмотря на бытование уже новых изобразительных систем.

С чем же связаны возможные причины предположительно длительного функционирования добрата в данном варианте?

Вернемся вновь к формальному анализу нимфейских нашивок. Уже была выше отмечена плохая проработка формы. Многие детали читаются нечетко: расплывается контур копыт и последних отростков рогов, ухо слито и не везде равномерно отмечено рельефом. Иногда передние и задние отростки отделены друг от друга грубо выполненным треугольным вырезом. Позволим себе предположить, что это последствия работы со «слепой» формой. Причины «слепоты» формы, а, следовательно, и оттиска могут следующие: 1) в распоряжении мастера находилась форма многократно используемая и в силу этого уже не позволяющая четко «пролепить» образ, 2) форма создавалась по памяти, ориентируясь на некий канон, но не очень технически его воспроизводя. Обе эти догадки объединены одной исходной ситуацией: необходимостью хотя бы в общих чертах представить некий важный канон, сохраненный в культурной памяти и передать его через временные границы.

В каноническом образе безусловно проецируется определенная историко-культурная ситуация Сер - вт половина VII в до н э когда мы отметили достаточно массовое использование этой модели в поклазе оленя отмечена важнейшими историческим процессами. Детально анализируя этнические процессы времени сооружения Келермеских курганов, Л К Галанина делает выводы о том что скифская культура этого периода не отличается однородностью и выделяет три категории вещей, составляющих скифскую материальную культуру. Образ оленя, который Л К Галанина характеризует как лежащего оленя, восходит, по ее мнению к восточно-евразийскому компоненту (Галанина 1997 С 216. Под восточно-европейским происхождением Л К Галанина понимает территорию Центральной и Средней Азии, Южной Сибири) Скифы, оседая на Северо-Западном Кавказе в период переднеазиатских (или раньше) походов (Галанина 1997 С 220), среди других ираноязычных кочевых и оседлых племен, а также иноязычного кавказского населения, консервировали канон и транслировали через него самобытность своих культурных ценностей.

VI-V вв до н э связаны с постоянным усиливающимся воздействием на рассматриваемую территорию греческой культуры оплотом которой выступает Боспорское царство. Роль Нимфея как греческого города с разноэтничным населением где в значительной степени присутствовал скифский элемент на этой территории была особой. Это отражено и на специфике погребения из кургана 17 из некрополя Нимфея. Разностилистический характер вещей свидетельствует с одной стороны о сильной эллинизации населения, с другой – о сохранении неких архаических образов напоминающих о еще присутствующей самобытности негреческого элемента. Включение Нимфея в состав Боспора совпадает с окончательным сложением Боспорского государства, когда процесс эллинизации вступает в окончательную стадию. Что безусловно скажется и на искусстве негреческого контингента где “определяющим в этом процессе было влияние искусства античного мира” (Яковенко 1976 С 136).

Особенность функционирования отмеченного нами канонического образа и переданного, пусть и технически несовершенно, но с выделением основного формально-содержательного ‘скелета’ заключается на наш взгляд в следующем. Данная каноническая модель выступает как свидетельство сохранения определенной культурной самобытности перед лицом все наступающей эллинизации как знак этнической идентификации.

Примечания

¹ Здесь я вынуждена оговорить вопрос происхождения данного вида ювелирного украшения общими параметрами не выявляя точное местопроизводство (работа это ли собственно греческого автора и, соответственно, продукт импорта или произведение из боспорских мастерских) так данная проблема выходит за рамки статьи

² Необходимо заметить, что это явление носит отнюдь не односторонний характер Н. А. Онайко отмечает в своих работах, что для V и IV вв. до н.э. процессы взаимодействия усиливаются и особенно ярко проявляются в торговле Боспора в силу смешения здесь разнотнического населения См. Онайко 1976, Онайко 1976 а, Яковенко 1976

³ Здесь автор не является первым, выделившим эти признаки Так, Е. В. Переводчикова считает, что общими каноническими признаками в передаче образа оленя для западных областей искусства скифского мира принято считать определенную резкость в моделировке рельефных граней, два передних рога рогу, позу Переводчикова 1994 С. 89–91, 103–104. О специфике формально-стилистических решений в построении образа оленя для келермесских и костромского памятников также см. Раевский Погребова 1992 С. 144–145

⁴ Е. В. Переводчикова выделяет следующие признаки: 1) передача тела животного в низком рельефе, 2) форма глаза удлинённая, часто подведена с двух сторон, 3) несмотря на сохранение позы оленя с подогнутыми ногами копыта не лежат друг на друге а образуют одну линию, 4) голова всегда повернута назад, 5) своеобразная форма рогов они расходятся из одной точки и представляют собой два симметричных пучка См. Переводчикова 1994 С. 158–160. Также важно отметить, что существенно трансформируется общий силуэт фигуры теряя свою трапецевидность присущую ему в памятниках VII в. до н.э.

⁵ Несмотря на это есть сходство между некрополем Нимфея и захоронениями на близких территориях В. П. Толстиков анализируя археологический материал и ссылаясь на ряд авторов замечает, что ряд особенностей погребального обряда и инвентаря (нимфейских) захоронений датированных сер. - вг. половиной V в. до н.э., обнаруживает черты свойственные погребениям туземной знати Прикубанья (ранние Семибратские курганы). В то же время некоторые существенные признаки указывают на близость нимфейских захоронений и скифских погребений Восточного Крыма и Приднепровья” (Толстиков 1984 С. 42)

Литература

Античные города 1984 – Античные города Северного Причерноморья М. 1984 – (Археология СССР)

Артамонов 1966 – М. И. Артамонов Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа Л. Прага 1966

Галанина 1997 – И. К. Галанина Келермесские курганы М. 1997

Греческое золото 1995 – Греческое золото Ювелирное искусство классической эпохи V–VI вв. до н.э. СПб., 1995

Древнее золото 1975 – Древнее золото Из собрания Музея исторических драгоценностей УССР М. 1975

Онайко 1976 – II 4 *Онайко* Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII–IV вв до н э // Скифо-сибирский стиль в искусстве народов Евразии М 1976

Онайко 1976 а – II 1 *Онайко* О воздействии греческого искусства на меотско-скифский стиль (К постановке вопроса) // СА 1976 № 3

Переводчикова 1994 Е В Переводчикова Язык звериных образов Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи М 1994

Расвский Погребова 1992 – Д С *Расвский М II Погребова* Ранние скифы и Древний Восток М 1992

Силантьева 1959 И Ф *Силантьева* Некрополь Нимфея // МИА 1959 № 69

Скржинская 1998 – М В *Скржинская* Скифия глазами эллинов СПб, 1998

Толстиков 1984 В П *Толстиков* К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ 1984 № 3

Шедевры 1987 Шедевры древнего искусства Кубани М, 1987

Яковенко 1976 – У В *Яковенко* Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии М, 1976

Zloto Scytyjskie 1976 – Zloto Scytyjskie Warszawa 1976

Д Е Чистов

Система искусственных террас на южном склоне Нимфейского плато

Благодаря многолетним раскопкам на участке М' Нимфейского городища установлена специфика застройки этого района древнего города – общественные и жилые сооружения располагались на обращенных к морю террасах. Вполне вероятно что первоначально подпорной стеной такой террасы являлась и монументальная рустованная кладка в последствии включенная в систему обороны городища (Грач 1985 С 337). Эти террасы формировались на протяжении столетий. Так например стены общественного здания IV в известного под названием 'святилище Афродиты и Аполлона' были использованы при сооружении жилого 'дома винодела' около середины III в до н э (Грач 1989 С 77).

В результате раскопок 2000 г Нимфейской археологической экспедиции Гос Эрмитажа была получена совершенно новая и весьма интересная информация о раннем этапе формирования системы террас на южном склоне нимфейского плато. Подпорная стена террасы (№ 159) располагавшаяся вдоль древнего естественного склона была раскрыта полностью, длина ее составляет 6 м (рис 1). Выяснилось, что на западе подпорная стена террасы поворачивала под прямым углом к югу (стена № 189). В этой части она была ещё в древности разобрана

до фундамента, в результате чего искусственная терраса расплылась. Исследование структуры насыпи показало, что она состоит из напластований желтого суглинка, перемежающихся с прослойками темного золистого грунта, содержавшего большое количество фрагментов керамики. Находки из этих слоёв позволяют достаточно точно датировать возведение террасы временем не ранее конца V – начала IV в до н э. На основании работ последних лет можно сделать вывод, что подпорные стены верхней террасы (№159–189) на данном участке были возведены на расстоянии 3,5–5 м от естественного склона (обрыва). Помещение 1999 года (образовано стенами № 149–157, 184, 158–185), частично врезано в материковый грунт – или, что ещё более вероятно, при его строительстве был использован небольшой овраг, прежде прорезавший этот склон.

В северо-западном углу раскопа, за стеной № 159, были частично раскрыты весьма интересные конструкции, выполнявшие, по всей видимости, роль “клетей” внутреннего армирования террасы. Открыты три стены – № 187 и 188, образующие прямой угол “клетей”, а также плавно закругляющаяся к югу стена № 190, связывающая угол стен 187–188 со стыком стен 159–189 изнутри. Таким образом, по всей видимости, достигалась связка конструкций, спрятанных в теле террасы, и её внешних подпорных стен.

Остановимся подробнее на некоторых деталях этого любопытного инженерного сооружения. Все стены, скрытые в толще насыпи террасы, выстроены из бутового камня. Толщина их составляет 0,35–0,40 м. По данным стратиграфии, стены 187–188 представляют собой высокий каменный цоколь, сверху надстроенный сырцово-кирпичной стеной высотой до 0,8 м. Отдельные кирпичи в массиве сырца не наблюдались – вероятно, это был монолитный блок спрессованного суглинка. Никаких следов подобной сырцово-кирпичной надстройки стены 190 не зафиксировано. Описанные сырцово-каменные конструкции были возведены на довольно крутом склоне, причем основания стен 187, 188 и 190 покоятся на напластованиях желтого суглинка, перемежающихся с темными золистыми прослойками, т.е. на слоях, структура которых совершенно идентична насыпи террасы, перекрывающей эти же стены. Стратиграфия слоев, лежащих ниже уровня основания стены 187, была прослежена до материка с помощью шурфа. В результате стало возможным реконструировать процесс создания искусственной террасы следующим образом.

Нижняя часть крутого обрывистого склона, существовавшего ещё в начале IV в до н э, была выровнена при помощи насыпного грунта, причём мощность слоя “первичной” засыпки составляет более метра. Именно на этом искусственно созданном уровне находится фундамент и развал архитектурных деталей пропилей ионического ордера, исследованный ещё с 1996 г., а также связанные с пропилями фундаменты стен.

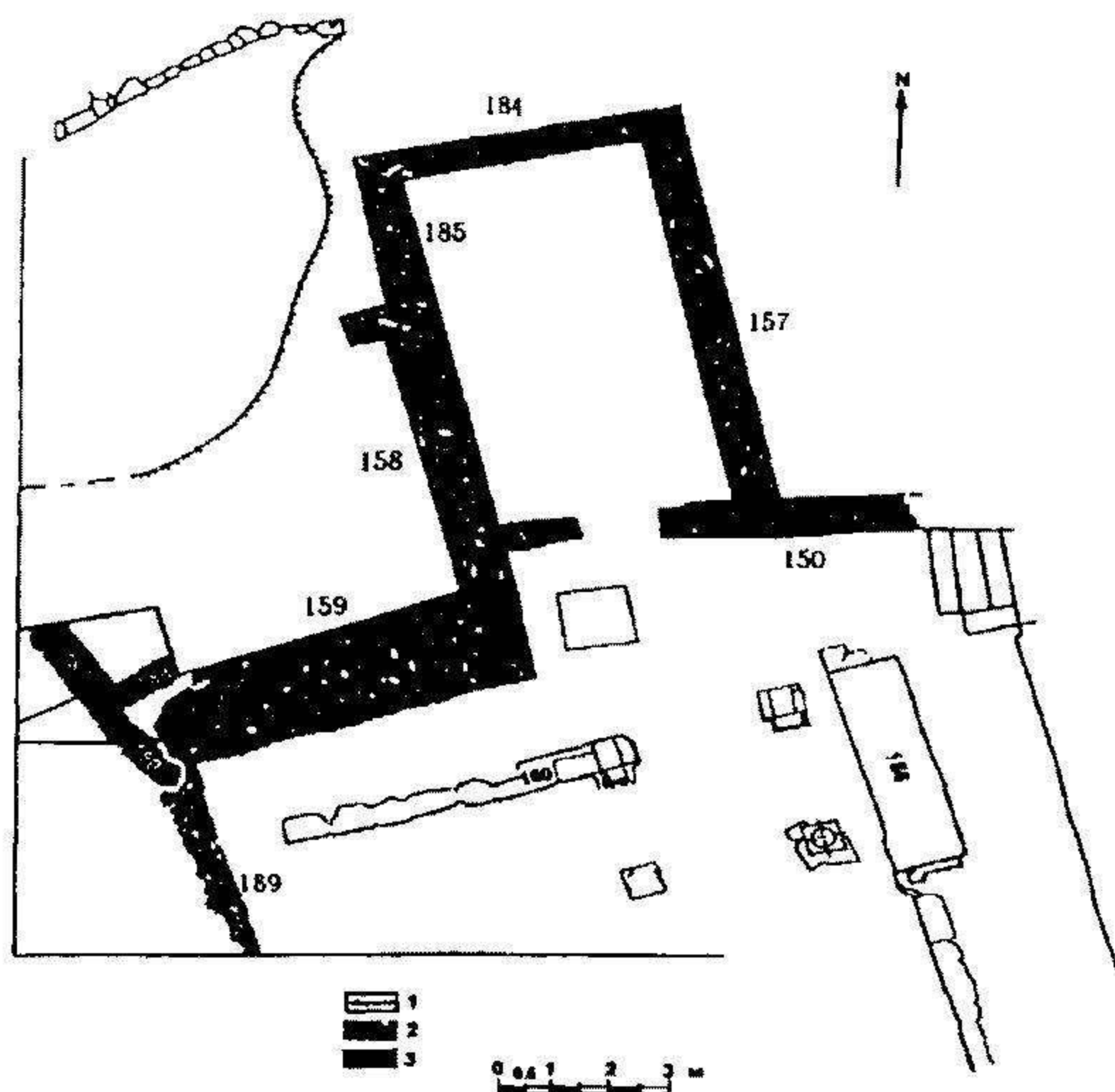

Рис 1 Схема расположения подпорных стен террасы на участке «М»-западный (по плану 2000 г) 1 – граница природного материкового обрыва 2 – внешние подпорные стены террасы и стены врезанного в склон помещения 1999 года, 3 - бутовые стены – внутренние конструкции террасы

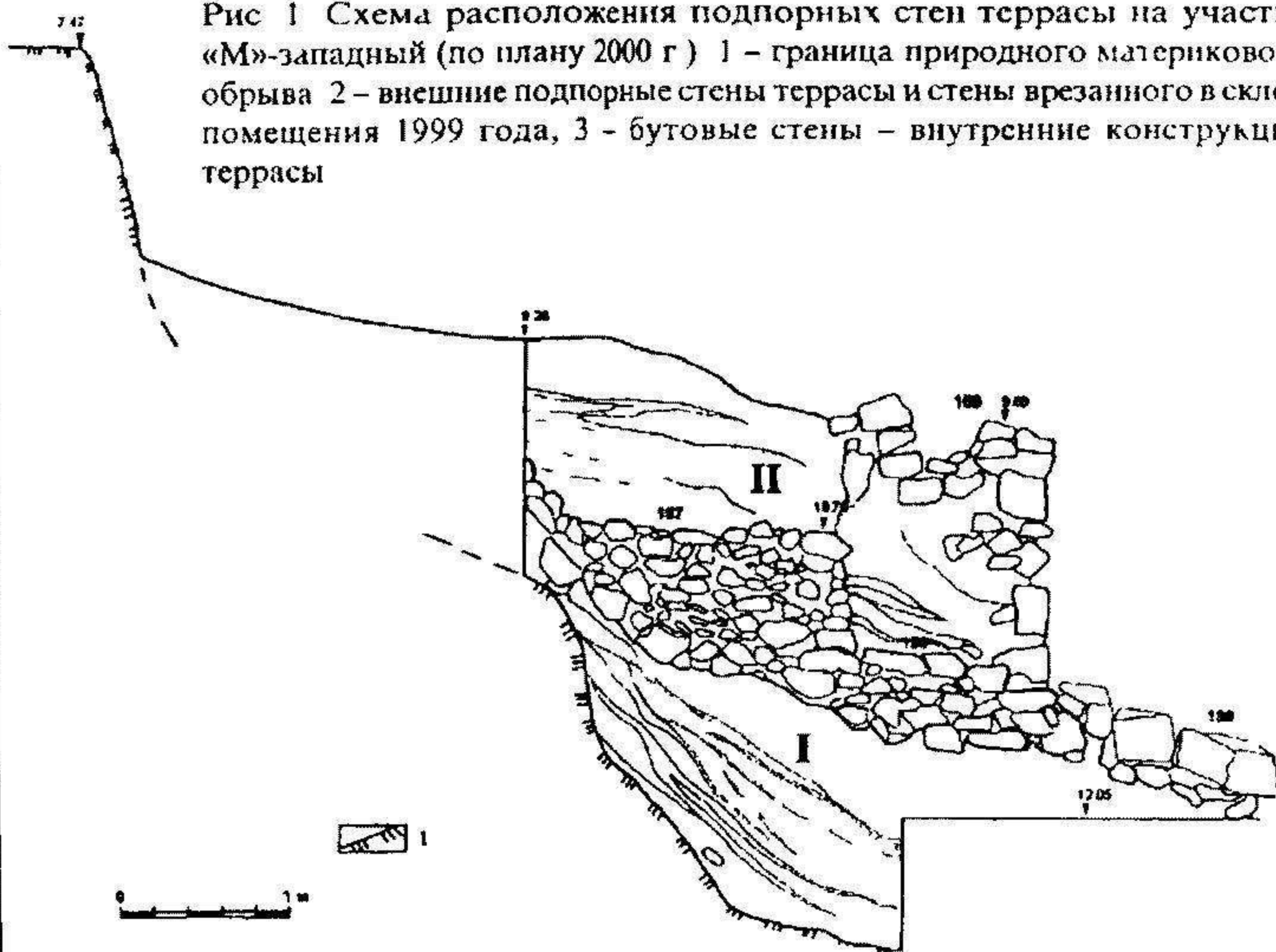

Рис 2 Схема структуры террасы в разрезе 1 – естественный материковый склон, I – «первичная» насыпь террасы, II – насыпь террасы, перекрывающая стены 187 188, 190

монументальной ограды. На следующем этапе строительства возводятся внешние подпорные стены террасы и ее внутренние конструкции состоявшие из бутовых кладок надстроженных сырцом. Данные стратиграфии позволяют предполагать, что на неисследованном участке западнее границы раскопа М древний естественный склон плато поворачивал в южном направлении. Этим объясняется прямой угол подпорных стен № 159–189 при возведении террасы древние строители следовали естественному рельефу местности. Затем пространство между внешними подпорными стенами и естественным склоном было заполнено насыпным грунтом. Любопытно отметить одну конструктивную особенность внешней подпорной стены террасы (№ 159). Эта стена может быть названа четырехслойной, однако подошвы всех трёх ее внутренних слоёв находятся существенно выше основания внешнего панциря стены (рис 2). Очевидно стена была укреплена изнутри тремя дополнительными “слоями” кладки уже после того как пространство между ней и естественным склоном было наполовину засыпано.

Таким образом, перед нами открывается впечатляющая картина инженерных работ, проводившихся в первой четверти IV в до н э на южном склоне нимфенского плато. Фактически весь ландшафт в этом районе города был сформирован искусственно. Масштаб строительства можно проиллюстрировать такой цифрой: общая мощность напластовании насыпного грунта верхней террасы (включая как “первичную” подсыпку, так и основную насыпь, перекрывающую стены 187–188) составляет около 3,4 м. Однако в древности высота насыпной террасы вероятно достигала уровня вершины естественного склона – т.е. общая мощность её напластовании могла бы быть оценена примерно в 5 м.

Дату возведения террасы подтверждает надпись на фронтальном блоке архитрава пропилен, открытая в прошедшем году. Нам представляется весьма вероятным, что вся система искусственных террас возникла одновременно со врезанным в склон помещением 1999 г и ордерной постройкой – пропилями. Очевидно мы имеем дело с частями единого комплекса общественных (культовых?) сооружений, основанного в начале правления Левкона Е. Помимо пропилен и двора, ограниченного подпорной стеной террасы, к нему также относится помещение 1999 г с основанием алтаря перед входом, и лестница ведущая на верхнюю террасу. Вероятно к этому же комплексу здания следует отнести и святилище Афродиты и Аполлона, хотя последнее было возведено на полстолетия позже. Строительство проводившееся с подобным размахом может являться свидетельством “целевой программы” восстановления города после событий смутного времени начала IV в до н э – войн Спартокидов за Феодосию, отмеченных в Нимфее множественными разрушениями и пожарами.

Литература

Грач 1985 – *Н Л Грач* Нимфей в конце IV–I вв до н э (особенности развития) // Причерноморье в эпоху Эллинизма Материалы III всесоюзного симпозиума по истории Причерноморья Цхалтубо–1982 Тбилиси 1985

Грач 1989 – *Н Л Грач* Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973–1987 гг) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа Л , 1989

Д С Бунин

К вопросу о хтонических элементах в культе Афродиты на Боспоре

Почитание Афродиты на Боспоре носило массовый характер. Об этом говорят многочисленные находки изображений богини (насчитывается не менее десяти иконографических разновидностей) (Харко 1946 С 139, Алексеева 1986 С 38), различных votivных предметов и мест отправления культа. Несомненно, что Афродита, в представлении боспорян, была сложным универсальным синкретичным божеством претендующим на всеохватность сил земли и моря. Вопросы связанные с распространением культа данного божества и его роли в пантеоне населения Боспорского царства затрагивались в разное время отечественными исследователями (Харко 1946 1950 Иванова 1950, Кругликова 1966 Марченко 1960, Сокольский 1973 Шауб 1987 и др.) Однако в русле современного интереса к изучению идеологических представлений древних обществ видится возможным предложить несколько иной подход к вопросу о сущности богини. В данном случае хотелось бы остановиться на хтоническом компоненте в культе боспорской Афродиты проявившем себя в качестве одной из составляющих её облика. Для этого необходимо обратиться к таким вопросам как где кроются истоки хтонизма в религии боспорян и каковы способы их выражения в культе рассматриваемого божества. Известно, что хтонические представления являлись неотъемлемым атрибутом религиозных верований любого народа на ранней стадии развития его сознания (Лосев 1996). Эти представления были изначально присущи мифологическому мышлению древних людей и служат основой при реконструкции их представлений о мироздании и как объяснение смысла системы «жизнь – смерть – жизнь после смерти (или возрождение)», ее связей и функционирования. К древнейшей эпохе восходят и хтонические по своей сути идеи таинств – смыслы мистерий и оргиастических обрядов связанных как известно с иррационализмом

и эзотеризмом многих явлений окружающего мира. Данные воззрения являлись весьма устойчивыми и не теряли своей актуальности в течение многих тысячелетий. Религия Боспора имела синкретическую, греко – варварскую природу и, по нашему мнению, именно хтонические идеи оказались тем общим звеном, которое сблизило воззрения греков и варваров на природу культов и позволило двум культурным системам найти единый язык. 2 Популярность хтонической составляющей в религии боспорян может быть объяснена рядом причин. Прежде всего, необходимо заметить, что, поскольку в представлениях древних греков далекие земли были местом обитания хтонических сил, следовательно колонизация периферийных областей могла связываться ими с освоением пространства, находившегося под властью этих сил и, следовательно, с необходимостью вступления с ними в определенные отношения. Кроме того, непрекращающаяся тектоническая активность (землетрясения, колебания уровня морской поверхности, действующие грязевые вулканы и выходы горящего природного газа) и характерные особенности ландшафта (пещеры, расселины, пустынная местность) некоторых районов Боспора, скорее всего, понималась поселенцами как внешние проявления и необходимый фон деятельности хтонических божеств (Марченко 1960 С 103–106). Основой экономики Боспорского государства со времени его возникновения становится земледелие и торговля зерном (Гайдукевич 1949), что обусловило важность для его жителей всего комплекса представлений, связанных с землей, растительностью и природой. Определенное воздействие на преобладающий характер религиозных воззрений того или иного периода оказывала социально-психологическая атмосфера. Необходимо помнить, что позднеантичный период был для Боспора временем понтийской и римской оккупаций, внутренней нестабильности социальных и политических потрясений (Харко 1950 С 200), постоянно угрожавших боспорской государственности. Переломные периоды в жизни общества, как известно, приводят к психологической неустойчивости его сознания и, как следствие, к распространению мистериальных воззрений и культов, возвышению роли хтонических божеств, обладавших сотерическими и воскрешающими функциями. Подобные явления в религии боспорян очевидно, происходили также на фоне общего для городов Греции, Италии и Малой Азии, кризиса полисной религии и падения актуальности античных божеств в их классическом виде (Свенцицкая 1985 С 38 и сл.). Комплексное воздействие указанных факторов определило отличительные особенности формирования мировоззрения боспорян. С самого начала существования греческих колоний в этом регионе получают распространение, в первую очередь, культы божеств, связанных с плодородием, среди которых одно из важнейших мест

принадлежит Афродите, богине являющей тип Великой Матери всего сущего популярной как среди греческого населения так и среди варварских племен ³ На то что культ Афродиты, в представлении боспорян, содержал в себе хтоническую составляющую, указывают мифологическая традиция, данные изобразительного искусства, археологические находки Так, миф о появлении Афродиты из крови Урана отражает древнее хтоническое происхождение богини, которое подтверждается сообщением Гесиода, что вместе с Афродитой появились эринии и гиганты (Theog 189–206) По этой версии следует, что Афродита старше Зевса и является одной из первичных хтонических сил В этой связи показательна местная боспорская легенда являющаяся, скорее всего, местным переосмыслением древнего мифологического сюжета гигантомахии, которая дошла до нас в пересказе Страбона (XI, 2, 10) Согласно этой легенде, на Афродиту напали гиганты Она призвала на помощь Геракла и спрятала его в пещере, затем, принимая гигантов поодиночке, передавала их Гераклу, который их убивал Совместные действия Афродиты и Геракла сближают легенду с сюжетом другого мифа, существовавшего на территории Северного Причерноморья и пересказанного Геродотом (IV, 9) В нем главными действующими персонажами являются Геракл и Ехидна – змееногая дева («змееновость») Ехидны отчетливо указывает на ее хтоническую сущность (Мифы народов мира 1997 С 468) Мы видим что в этих легендах в качестве неперемного фона фигурирует пещера, как один из ярчайших хтонических символов и паредром обеих богинь выступает Геракл персонаж не чуждый хтонических черт (Агафонов 1998) Сюжеты этих легенд делает сходными и близость или даже тождественность Ехидны и Афродиты (Шауб 1987 С 93) Интерес представляет изображение Афродиты с Приапом (Пругло 1970 С 95, Силантьева 1974 С 11), покровителем виноградарства пастушества, садоводства, а также один из культовых эпитетов богини – ан κЮрпйж, ?вно указывает на ту ее ипостась которая связывается с произрастанием растений, с землей и таким образом имеет непосредственное отношение к функциям хтонического божества Скорее всего, на эту же особенность в культе Афродиты указывают некоторые мотивы, очевидно, связанные с родом занятий жертвующего и представляющие собой сделанные в уменьшенном масштабе виноградарские ножи (Сокольский 1974 С 110) В этой связи, необходимо отметить и практику изображения Афродиты в виде протом (Марченко 1974 С 32, Силантьева 1974 С 12) Такой тип изображения был характерен прежде всего для Деметры либо Керы Появление Афродиты в виде протомы, начиная с IV – III вв также подчеркивает её близость к земле и земледельческим культам

Представляется вероятным, что на этот же аспект в культе богини указывают и сюжеты из ряда так называемых «боспорских пелик» (Шауб 1987 Табл 19 1 19 2) где можно видеть непропорционально большую по сравнению с другими участниками композиции голову Афродиты, как бы «вырастающую» из земли. Надо отметить, что указанные сюжеты не являются единичными примерами изображения Афродиты с такой точки зрения. Известны также гермы, медальоны и подвески в виде головы богини (Шауб 1987 С 99). Подобное изображение Афродиты может свидетельствовать и о другом, входящем в хтоническую составляющую облика богини, оттенке культа – её возрождающей функции. Так как известно, что «мотив» головы в архаических преданиях являлся одним из символов рождения и концентрации жизненной энергии (в этой связи на наш взгляд является показательным миф о появлении Афины из головы Зевса) (Мифы народов мира 1997 С 126). На представления боспорян о возрождающей ипостаси Афродиты возможно указывают и данные о помещении в погребения сосудов в виде богини в раковине (Шауб 1987 С 98). О связи Афродиты с миром мертвых может свидетельствовать терракотовая группа, найденная на территории некрополя Кеп (Сорокина 1974 С 18), на которой у ног богини находится лежащий юноша. Его поза, характерна для изображений Танатоса, венки в его руке – один из распространённых атрибутов погребальных памятников. Таким образом мы видим, что хтонические черты составляли неотъемлемую часть образа и культа боспорской Афродиты. Сведения древних авторов, данные изобразительного искусства и археологии отражают эту сторону почитания богини и демонстрируют различные оттенки хтонического начала в её культе. Необходимо однако отметить, что осмысление центральной фигуры боспорского пантеона только через призму хтонизма было бы неполноценным, ибо универсализм этой богини и многообразие её ипостасей позволяло ей проникать в самые разные сферы мифоритуальной системы, созданной жителями античного Боспора.

Литература

- Аграфонов 1998 – II I Аграфонов. Хтонизм Геракла // Ярославский педагогический вестник 1998 № 1
 Алексеева 1986 – L M Алексеева. Культы Горгишии // СА 1986 № 4
 Гайдукевич 1949 – В Ф Гайдукевич. Боспорское царство М – Л 1949
 Иванова 1950 – I II Иванова. К вопросу о культе Афродиты на Боспоре // ВДИ 1950 № 3
 Крушкова 1966 – II I Крушкова. О культе верховного женского божества на Боспоре // КАМ М 1966
 Посев 1996 – I Ф Посев. Античная мифология в ее историческом развитии // Мифология греков и римлян М 1996

Марченко 1960 – *И. Д. Марченко* К вопросу о культурах азиатского Боспора // ВДИ 1960 № 2

Марченко 1974 – *И. Д. Марченко* Терракоты из святилища на Майской горе М., 1974 Ч. IV – (САИ Вып. Г1–11)

Мифы народов мира М., 1997 Г. 1

Пруго 1970 – *В. И. Пруго* Терракоты из Тиритаки Статуэтки из Мирмекия М., 1970 Ч. II – (САИ Вып. Г1–11)

Свенцицкая 1985 – *И. С. Свенцицкая* От общины к церкви М., 1985

Силантьева 1974 – *П. Ф. Силантьева* Терракоты Пантикапея М., 1974 Ч. III – (САИ Вып. Г1–11)

Соколовский 1964 – *Н. И. Соколовский* Святилище Афродиты в Кепах // СА 1964 № 4

Соколовский 1973 – *Н. И. Соколовский* Культ Афродиты в Кепах конца VI–V вв. до н. э. // ВДИ 1973 № 4

Сорокина 1974 – *Н. И. Сорокина* Терракоты из некрополя Кеп М., 1974 Ч. IV – (САИ Вып. Г1–11)

Харко 1946 – *Т. П. Харко* Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК 1946 Вып. XIII

Харко 1950 – *Л. П. Харко* О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах II в. // ВДИ 1950 № 1

Шауб 1987 – *И. Ю. Шауб* Культы и религиозные представления населения Боспора VI–IV вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. Л., 1987

Н. В. Молева

Сакральные памятники Боспора VI – начала V в. до н. э.

Период возникновения и первых десятилетий существования древнегреческих поселений по берегам Боспора Киммерийского долгое время интересовал исследователей как политический и экономический процесс. Для изучения различных аспектов духовной жизни колонистов долгое время не было достаточной источниковой базы. Во второй половине XX века шло медленное, но постоянное накопление археологических данных о жизни боспорских городов в VI – начале V вв. до н. э., когда они существовали как небольшие самостоятельные полисы и не были объединены в одно государство. Архаические комплексы были тогда вскрыты во многих боспорских городах. Среди них особый интерес представляют собой памятники, позволяющие сделать некоторые выводы о сакральной жизни первых поселенцев и городских общин.

Культовые комплексы архаического времени на Боспоре можно разделить на три группы.

К первой относятся домашние святилища, встречающиеся во

многих боспорских городах (Пантикапей, Мирмекии, Тиритака, Фанагория, Гермонасса). Это самый древний тип культовых сооружений, появившихся в первой половине VI в. до н.э., и просуществовавший в течение всего античного периода. Такие памятники отличаются простейшей планировкой и похожи на жилые дома. В центре одного из помещений таких зданий обычно располагается большой открытый очаг – эсхара, выложенный каменными плитками, диаметром 1–2 м. Вокруг него сосредоточены находки votivного характера: терракоты, чернолаковая посуда (в большинстве килики), фрагменты амфор, реже – кастрюль и горшков. Часто встречается посуда, используемая как алтари (лутерии, большие каменные и глиняные блюда). В случаях обнаружения *in situ* горла амфор перевернуты вниз, а ножки вверх. Попадаются и каменные алтарики со сквозными отверстиями, характерные для хтонических приношений.

Вторая группа представлена святилищами общественного характера, расположенными в пределах городов, но часто и за их границами. Такие комплексы открыты в Нимфее на мысе Такиль, в Зеноновом Херсонесе, в Мирмекии. Они являлись культовыми центрами городских общин и размещались в прибрежных живописных скалах. Гроты и расщелины, как известно, являлись объектами поклонения у древних греков с начала I тысячелетия до н.э. и были связаны с культами Деметры-Коры и других хтонических божеств, несущих идею плодородия. В течение VI–V вв. до н.э. жертвоприношения в них осуществлялись в расщелины.

Со второй половины VI в. до н.э. территория святилищ, находящихся в городах, благоустраивается: подтесываются края расщелин и фависс, сооружаются ограды, теменосы и ритуальные площадки, появляются стационарные алтари. К этой группе относятся 3 архаических святилища Нимфея. Одно из них безусловно связано с культом Деметры, два других – с хтоническими божествами-покровителями плодородия. К ним примыкают святилища в скалах на мысах Такиль и Зюк, а также небольшие votivные отложения в скалах за пределами городской территории архаического Мирмекия. Того же типа сооружение лежит в основании Китейского городского святилища, основанного в V в. до н.э. Находки в таких культовых комплексах однотипны: большое количество золы, кости животных (часто свиные), архаические терракоты, изображающие богинь на троне, маски, фрагменты посуды (чернолаковые и чернофигурные килики, ранние амфоры с полосами лака, кастрюльки и лепные горшки), открытые ионийские светильники. Такой набор votивов характерен для отправления культа Деметры.

Третья группа включает в себя самые поздние сооружения архаического периода на Боспоре – храмы. Это здание ордерной архитектуры, появившееся прежде всего в Пантикапее в последней четверти VI в. до н.э. Именно тогда на восточном склоне г. Митридат был построен храм, доминировавший над городом. В начале V в. до н.э. в Пантикапее были возведены храмы Деметры и Аполлона. В отделке этих сооружений были использованы элементы раннего ионийского и дорического ордеров.

К рубежу VI–V вв. до н.э. относится и сооружение акрополя Мирмекия, окруженного крепостной стеной.

Таким образом, в сакральной жизни архаического Боспора заметны два этапа: ранний – занимающий первые три четверти VI в. до н.э., и поздний – относящийся к концу VI – началу V в. до н.э. Первый этап характеризуется существованием небольших городов, скорее похожих на поселения без регулярной застройки и памятников монументальной архитектуры. Для этого времени характерны домашние святилища, связанные, вероятно, с отправлением семейных культов. Существовали и общегородские святилища, жертвоприношения в которых осуществлялись в дни городских праздников. В качестве таких святилищ использовались природные и ландшафтные объекты (скалы, источники), содержащие расселины, фависсы, гроты.

Второй этап связан с ярко выраженной урбанизацией: ростом городов, возведением крепостных стен, строительством храмов. Ведущими культами на Боспоре в исследуемый период представляются почитание Деметры и связанных с ней хтонических божеств, покровителей плодородия. Отправление этих культов прослеживается как в домашних, так и в общественных святилищах. Со второй половины VI в. до н.э. значительную роль стал играть культ Аполлона и, может быть, Артемиды, являвшийся полисным в античных малоазийских центрах, откуда выводились боспорские колонии.

Н. П. Сорокина, Н. И. Сударев

**Предметы связанные с культами и магией
из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н.э.¹**

В эту категорию входят самые разные предметы – так или иначе, по нашему мнению, связанные с культами и магией. Впрочем, следует оговориться, что в принципе все предметы, положенные в могилу, так или иначе связаны с культами – как минимум с погребальными. Однако

есть целая категория вещей чей семантический смысл в погребениях довольно сложен и требует специального рассмотрения. Естественно, что в рамках доклада мы коснемся лишь части из них.

Донца сосудов, сосуды вверх дном. В погребениях некрополя Кеп довольно широко встречены нижние части сосудов. Они встречаются и в погребениях иных некрополей, и трактуются, то как 'игрушка' то как признак скарденности погребавших, считавших дескать что покойнику целый сосуд "ни к чему и так сойдет". В отдельных случаях когда инвентарь невыразителен это рассматривается как признак ограбленности погребения. Чаще же всего на этот признак особого внимания не обращают. А зря. Находка нецелых сосудов явление довольно распространенное на Боспоре (и в греческом мире в целом). Однако в разных некрополях сосуды почему-то "бились" по-разному. Так, в некрополе Мирмекия они обычно разбивались и разбрасывались по могиле. Причем чаще всего это случалось с лекифами и сосудами для масла – в 32 из 64 случаях (Шкорпил 1905 С 70 Шкорпил 1909 а С 78). Предполагать случайность этого явления, при неразграбленности могил, и при том что части фрагментов не доставало нельзя. Мы можем предполагать, что при совершении погребальных церемоний еще до закрытия могилы сосуды для масла, использованные при церемонии – бились ('умерщвлялись') их части кидались в могилу. Подобные случаи часты хотя и не в такой степени и в Пантикапее (около 20 %) однако они редки в большинстве других некрополей Боспора. Так, в архаическом-классическом некрополе Гимфея в неограбленных погребениях зафиксированно всего 2 таких случая - № А130 и 171, в то время как в погребениях сосуды для масел там довольно обычны (Н. Л. Грач 1999). В некрополе у пос. Пересыпь – таких случаев нет (Коровина 1987), в некрополе Гермонассы – нет (Гайдукевич 1959, Сорокина 1961), в некрополях у м. Тузла и Панагия – нет (Шкорпил 1914) и т.д. В то же время в некрополе у м. Тузла часто отбивалась ножка сосуда (у киликов и чашек на ножках) (Шкорпил 1914 № 10//62, 130/85 150/105, 14//102, и т.д.) Известно такое и в некрополе у м. Панагия (Шкорпил 1914 № 218/36). В некрополе Пантикапея часто у сосудов отбивались ручки например (Шкорпил 1904 №, 95 118 130 140, Шкорпил 1904 а № 19 29 156, Шкорпил 1907 № 2, 83, 128, Шкорпил 1909 №19, 75(2 сосуда), Шкорпил 1909 а №12, 41, Шкорпил 1910 № 5 42 54, 62, Шкорпил 1913 № 41), иногда (реже) – донца (Шкорпил 1910 № 33 29 53, Шкорпил 1913 № 44). Встречается такое и в некрополе Мирмекия, хотя и не так часто (Шкорпил 1905 №360/20, Шкорпил 1909 а № 113/35 93/15) в некрополе у м. Тузла (Шкорпил 1914 № 84/39 70/25 107/62 109/64 119/74, 121/81 155/10). К этой же серии относятся и случаи когда в погребение преднамеренно клали только нижнюю часть

сосуда. Такие случаи известны в некрополе Пантикалея, однако в ограниченном количестве (Шкорпил 1904 № 158 Шкорпил 1913 а №87/15 Шкорпил 1916 № 14 15). Известны такие случаи так же в некрополе у пос. Пересыпь (Коровина 1987 № 68 (VI–V вв до н э) 50–99 (IV–III вв до н э) Паромов, Сударев 2000 С 206).

В некрополе Кеп VI–V в до н э известно 8 таких случаев в погребениях 142/80 154/1 179/26, 258/3 387/2 397/12 встречены донца киликов, в № 108/46, 207/54 – донца амфоры и кувшина. Причем в № 387/2 397/12 эти предметы встречены вместе с младенческими захоронениями, обычно безинвентарными. Сохраняется эта традиция и в эллинистический период, хотя и претерпевает некоторые изменения. Нижние части сосудов сопровождают в это время в основном детские погребения (18 случаев). Это донца лагиносов – 3 раза донца чернолаковых сосудов – 2 раза донца кувшинов – 5 раз ножки амфор – 8 раз. В 3 случаях встречено по 2 донца – амфоры и кувшина и лагиноса и лепного горшка, килика и кувшина. Характерно, что в большинстве случаев они перевернуты нижней частью вверх. Так, в погребении 23, детское отверстие в амфоре было прикрыто куском другой амфоры, а ножка погребальной амфоры находилась рядом в перевернутом состоянии. К этим случаям примыкают погребения в нижней части амфоры, перевернутой дном кверху (№ 56/27 335/15). К этому можно добавить, что в тризнах также присутствовали не просто сосуды и их донца, а донца сосудов перевернутые вверх дном (2 364/44), причем в тризне при погребении 364/44 автор раскопок подчеркивает, что было обнаружено более 25 мисок перевернутых вверх дном.

Как нам известно, что разным божествам подносились разные части сосудов (Тульпе 1999 С 340 Яйленко 1980 С 78). Так в развалинах Акрополя обнаружено большое количество ручек сосудов, посвященных Афине и Гефесту в качестве покровителей ремесленникам (Нильссон 1998 С 122), причем многие из них с надписями. Наблюдения за ольвийским материалом позволило В. П. Яйленко выделить нижнюю часть сосудов как посвященную хтоническим богам – посвящения Деметре Персефоне, Иакху и Кабирам располагались именно на нижней части сосудов. Наблюдения сделанные А. А. Завойкиным при раскопках святилища на поселении Береговое 4 (Саратовское), подтверждают эту гипотезу, причем позволяют ее уточнить (Приносим искреннюю благодарность автору раскопок за возможность использовать этот материал и за многочисленные беседы по данному поводу). На святилище найдены десятки (если не сотни) донцев сосудов, причем они всегда располагаются вверх дном. В таком же положении найдены и ножки амфор. В связи с этим хочется отметить еще одну группу захоронений, в которой представлены целые сосуды, но перевернутые вверх дном.

это архаическое погребение 144/82, где в перевернутом виде обнаружены два сосуда – канфар и миска и 373/9 эллинистического времени где найдена тарелка, преднамеренно перевернутая вверх дном. Первое погребение интересно еще и обрядом совершенного в нем погребения. Детский трупик был расчленен, его туловище находилось под перевернутым вверх дном канфаром, а остальные кости лежали рядом. Рядом же стояла и перевернутая миска. Погребение датируется концом VI – 1/4 V в до н.э. Подобный обряд больше в это время не встречается не только в кепском некрополе, но и в некрополях Боспора вообще. Однако, связь детей с “тем миром”, как существ не до конца оттуда пришедших и находящихся посередине, а потому идеальных в качестве “медиаторов” отмечалась различными исследователями (Тульпе 1998 С 46, Garland 1985 С 77–103). Возможно данное захоронение вызвано какими-то экстраординарными причинами и может быть связано с некромантией, распространенной в античном мире (Лак 1990 С 18). Кроме некрополя Кеп перевернутые сосуды встречены так же в некрополе у м. Панагия (Шкорпил 1914 № 193/11, 209/27).

Таким образом мы видим, что во многих погребениях Кеп проявляются черты связанные не просто с хтоническим миром, а с культами элевсинских божеств, что является вполне объяснимым с точки зрения сути этих культов. Интересен и подтверждает эту теорию и тот факт, что они часты именно в захоронениях детей в амфорах, так же связанных с божествами плодородия.

Пряслица. Вторым предметом, относимым нами к группе культовых является пряслице. Эти предметы часты в погребениях Греции и Боспора, обычно они определяются как “орудия труда”. Однако, пряслица связаны с Афиной, как покровительницей прях (Нильссон 1998 С 121) Гекатой, Мойрами (Бидерманн 1996 С 38–39) богинями плодородия, Афродитой. В связи с последней, интересно и то, что в погребениях (более поздних) встречаются находки пряслиц вместе с прялками, увенчанными ее изображением (Федосеев, Чевелев 1999 С 1/3). О неутилитарном значении пряслиц в погребениях свидетельствует несколько моментов – их количество часто превышает 1, они встречаются как в погребениях мужчин так и женщин. Интересен в связи с этим факт находки чернолакового пряслица в исследуемом некрополе - № 189/36. В некрополе Кеп пряслица встречены в 5 архаических могилах, причем в 4 случаях они сопровождают погребения детей и подростков (№ 29, 63/1, 69/7, 179/26). В одном погребении найдено 4 пряслица (№ 63/1).

Пряслица в погребениях встречаются почти повсеместно на Боспоре. В некрополе у м. Панагия они встречены в 7 могилах (Шкорпил 1914), в Некрополе у м. Тузла – в 13 (Шкорпил 1914), в некрополе у пос. Пересыпь – 9 погребениях (Коровина 1969, Коровина 1987),

в некрополе Гермонассы – 4 раза (Гаїдукевич 1959, Сорокина 1961) в некрополе Нимфея – 2 раза (Грач 1999) в некрополе Мирмекия – ни разу. Обращает на себя внимание, что в некрополе Пантикапея несмотря на большое количество погребений VI–II вв до н э, пряслица встречены в только 17 могилах и в основном с IV в до н э. В некрополе Фанагории – только 6 раз (из 323 погребений VI–II вв до н э). Как мы видим, пряслица наиболее распространены в раннее время на азиатской стороне Боспора (исключая Фанагорию, о раннем некрополе которой известно мало). То же можно сказать и о культе Афродите Урании. Мне кажется наиболее вероятной связь находок пряслиц в погребениях именно с этим божеством. В эллинистическом некрополе пряслица встречаются значительно реже – всего 2 раза, в женских погребениях 166/13 и 345/25.

Иглы Иглы и шилья часто встречаются в некрополях Боспора с VI в до н э, причем не только в женских, но и в мужских и детских погребениях (Кастанаян 1959 С 259, 277, 279, Шкорпил 1914 № 105/60, 110/65, 147/102, 153/108, 155/110, 184/2, 187/5, 210/28 и т д). В пользу их магического, а не «утилитарного» значения в погребениях помимо этого говорит и то, что они иногда втыкались в подушку (Шкорпил 1914 № 38/1), клались согнутые иглы (Шкорпил 1913 а, № 38) обломанные (Думберг 1901, № 49), известны золотые экземпляры (Думберг 1902, № 8 Ахт) и т д. Кроме того в пользу такой их трактовки говорит тот факт, что в некоторых некрополях они не встречаются или встречаются редко (например в некрополе Мирмекия), что труднообъяснимо, если исходить из их «утилитарного» значения в могиле. Иглы булавки и т д как обереги от злой силы известны с древнейших времен до настоящего времени (ЭС 1996 «булавка», Виноградова, Толстая 1990 С 104). В некрополе Кепаханского времени бронзовые иглы встречены 9 раз (21 % взрослых погребений) в некрополе эллинистического времени – также 9 раз (10 % взрослых погребений).

Ножи Ножи широко распространены в некрополях Боспора и Северного Причерноморья VI–V вв до н э и позже в IV–II вв до н э. Интересно, что в большинстве случаев ножи не сочетаются с наличием заупокойной мясной пищи и видимо, выполняли какую-то ритуально-магическую (охранительную) роль (см ЭС 1996, «нож», «покойник», «похороны»). В пользу такой трактовки этого обычая говорит, например, случай в некрополе Гермонассы, когда нож в могиле был найден воткнутым в дно ямы (при этом напутственная пища отсутствовала) (Сорокина 1961 № 11/1956). Случаев взаимосвязи нож-пища в античных грунтовых некрополях Боспора крайне мало – в Патрее (Сударев 1994 Погр 3/1990), у м Тузла (Шкорпил 1914, № 154/109), в некрополе у пос Пересыпь (Коровина 1987 № 149).

в некрополе Кеп № 368/4 (однако в последнем случае пища находилась не в могиле а рядом в жертвенной яме – остатках тризны) В некрополе Фанагории известно два случая взаимовстречаемости остатков напутственной пищи и ножей и оба относятся к II–I вв до н э

В Кепях ножи встречены в 6 архаических захоронениях (№ 63/1, 74/12 170/17, 237/27, 368/4 374/10) и в 11 эллинистических (№ 3, 141/79 151/89 159/6, 184/31 185/32 267/12 323/3, 327/7, 331/11, 404/19)

Ракушки Ракушки каури встречены в погребениях Кеп только 3 раза в погребении девочки 282/27 архаического некрополя, в погребении женщины № 352/32 (IV в до н э) и в погребении 373/9 эллинистического некрополя Ракушки связываются с культами плодородия, встречены в частности на святилище поселения Берегового 4 связанного с женскими божествами плодородия Встречаются они и в погребальных памятниках Они встречены в некрополе у пос Пересыпь (2 раза) (Коровина 1987 № 120 136) в некрополе Гермонассы (1 раз) 6/1955 (Сорокина 1961) в некрополе Пантикапея - 5 раз (Шкорпил 1904 № 42 Шкорпил 1909 № 33 Шкорпил 1910 № 25, Шкорпил 1911 44/7 Шкорпил 1913 а № 34), в некрополе Мирмекия – 2 раза (Шкорпил 1905 № 346/6 Шкорпил 1909 № 97/19) в некрополе Нимфея (2 раза) (Грач 1999 А149 188) в 5 погребениях некрополя Тузлы (Шкорпил 1914 № 76/31 96/51 104/59 124/79 141/96) в некропле Фанагории – 2 раза (Сударев 1995) Ни разу они не встречены в некрополе у м Панагия Обращает на себя внимание, что в большом количестве комплексов случаев они сопровождали погребения женщин или девочек, хотя встречены и в погребениях мужчин

Зеркала Зеркала встречены в погребениях Кеп – 4 раза по одному разу в погребениях архаического некрополя и некрополя IV в до н э (№ 282/27 и 352/32) и 2 раза в погребениях эллинистического некрополя (№ 38/9 и 166/13) Во всех случаях они сопровождали погребения женщины Характерно, что в погребениях раннего времени они встречены в комплексах с ракушками каури Зеркала связаны с погребальными культами их часто изображали на погребальных стеллах и сосудах Возможна их связь с воззрениями о возрождении, однако не исключено, что они рассматривались и как вместилище (пристанище) души (ЭС 1995 С 147) Известна связь их и с дионисийскими культами с элевсинскими и т д (А С Русяева 1992 С 178)

Терракоты Встречены в 2 погребениях эллинистического времени Они представляют № 249/39 – герму юного Гермеса 2 женские фигуры видимо связанные с элевсинскими богинями и женской головки в погребении № 267/12 Связь терракот, особенно женских круга элевсинских с погребальными культами и идеями возрождения

после смерти явна, однако отметим что в погребениях некрополя Кеп такие находки редки по сравнению с некрополями Пантикапея, Нимфея и т д

Зубы животных В 2 погребениях некрополя встречены зубы крупного рогатого скота Отнесение их к остаткам напутственной пищи вряд ли правомерно, так как зубы в пищу не употреблялись Вероятно какое то сакральное или магическое значение подобных находок В связи с этим заметим, что зубы животных встречены в приношениях в святилище на пос Береговое 4

Таким образом анализируя культовые и магические предметы в некрополе Кеп мы можем сделать несколько выводов 1) Наиболее распространены в данном некрополе предметы связанные с женскими божествами – Деметрой и Корой/Персефоной, что вполне естественно в связи с их ролью в воззрениях древних греков на посмертное существование и возрождение после смерти 2) Набор подобных предметов отличается от наборов в одновременных погребениях ряда других некрополей Боспора (например Пантикапея Мирмекия и т д) в то же время находит соответствия в некоторых других некрополях, в первую очередь у пос Пересыпь и шире – на Азиатском Боспоре

Примечание

¹ Доклад сделан при финансовой поддержке гранта РГНФ № 99-01-00380а

М В Русяева

Художественные особенности монет Ольвии и Пантикапея VI – начала V в до н э

Монетное дело Северного Причерноморья позднеархаического времени связано с деятельностью всего лишь двух греческих полисов – Ольвии и Пантикапея внесших не только на ранних но и на последующих этапах своего существования значительный вклад в развитие местного прикладного искусства

Первые монетные знаки Ольвии выделяются особым сакрально-символическим своеобразием и уникальностью типов, несмотря на их внешнюю простоту и относительно низкие художественные качества Так, наиболее ранние из них – двухлопастные 'стрелы' датируются в пределах VI–первых десятилетий V в до н э (Анохин 1986 С 77, 78, Карышковский 1988 С 30–32) Они имеют несколько основных типов отличающихся не только формой но и декором Их типология была разработана В А Анохиным выделившим четыре основных группы

в которых наибольший интерес для нас представляют две последних (Анохин 1986 С 75, 76) На 'стрелах" третьего типа нанесено изображение колеса или буква А, в четвертом – одна сторона монеты имитирует стрелу а другая – дельфина Все они отлиты в формах, без тщательной проработки деталей, чего впрочем и не требовал их простой и непритязательный внешний облик, тем болсе в период зарождения денежного обращения, когда мастера не имели перед собой художественных образцов

В данном аспекте значительно более интересны так называемые дельфины, выпуск которых Ольвийский полис осуществлял на протяжении второй половины VI – первой половины IV в до н э (Карышковский 1988 С 34–40) или же конца IV в до н э (Анохин 1989 С 9, 10) Огромное количество этих литых денежных знаков, выделяющихся не только своими размерами и формой но и стилистическими особенностями трактовки фигуры морского млекопитающего, скорее всего, стало причиной того, что до сих пор не разработана их абсолютная типология Только Л П Харко предпринял попытку разделить монеты- дельфины по стилистическим признакам, отметив, что к наиболее ранним (вторая половина VI в до н э) относятся миниатюрные отливки, отличающиеся простотой трактовки и плоскостностью моделировки туловища и головы (Харко. 1964 С 324) Однако его типология не представляется достаточно убедительной Ведь он, как и остальные исследователи, игнорировал степень профессиональной подготовки и художественное мастерство каждого отдельно взятого резчика монетных форм которые, руководствуясь собственными представлениями и манерой, изготавливали тот или иной тип 'дельфина"

Скорее всего, в самый ранний период выпуска этих литых монет, среди них существовали как схематичные так и более реалистические образы На некоторых экземплярах слегка намечены боковые плавники, которые вместе с условным контуром туловища, его прямым или слегка изогнутым нижним срезом и разнообразной трактовкой головы дают представление об индивидуальной манере мастеров Однако ни в одном из них мы не встретим абсолютно точного, отвечающего понятию 'реалистическое", изображения этого морского животного, что в целом соответствует общему развитию арханческого прикладного искусства как ионического вообще, так и в частности ольвийского с характерными для них схематизмом, стилизацией стремлением к геометризации форм и пренебрежением к разработке деталей Наиболее существенным является тот факт, что ольвийские мастера не копировали эти денежные знаки, так как ничего подобного в то время в эллинском мире вообще не существовало Каждый из них подходил к изготовлению дельфинообразных монет с разных

художественных позиций, воплощая в них присущие им мастерство и наблюдательность

В связанной с культом Аполлона религиозной практике, в которой проявились фантазия и стремление к творчеству эллинов-переселенцев, впервые в Ольвии зародился этот особый знак, который немного позднее стал одним из элементов ее сакрально-полисной эмблемы. Связь ольвийских “дельфинов” с сакральной сферой отмечали все нумизматы. Б. Ляум считал их архаическими тотивными символами, которые со временем стали выполнять функции разменной монеты (Laum 1918 S 449, 450, 1924 S 142–151). А. Н. Зограф, наоборот относил их к религиозно-культурной сфере, особенно в качестве “обола” Харона, после того, как они утратили ценность средства денежного обращения (Зограф 1951 С 149, 150). Но наиболее аргументированными и достоверными являются доказательства В. А. Анохина и П. О. Карышковского, относивших монеты такого типа к культу Аполлона Дельфиния, где они с самого начала, но не продолжительное время, служили индивидуальными тотивами, превратившимися со временем в деньги (Карышковский 1988 С 39, 40, Анохин 1989 С 9). Однако и после этого они не утратили своего тотивного назначения.

Таким образом, вряд ли могут быть сомнения в непосредственной связи наиболее ранних литых денежных знаков с культами верховных божеств-покровителей Ольвии – Аполлона Иетрос (стрелы) и Аполлона Дельфиния (дельфины). Оба знака воплощали не только символические атрибуты Аполлона в его двух ипостасях, но и были тотивами в их святилищах, а также апотропеями и “оболами” Харона, имели защитные и спасительные функции как в отношении отдельного гражданина, так и всего полиса. Под сакральной эгидой Аполлона осуществлялись наиболее сложные колониционные процессы не только в Нижнем Побужье, но и во всем Западном Понте и на Боспоре (А. С. Русяева, М. В. Русяева 1997 С 29–31).

В отличие от Ольвии, наиболее ранний выпуск монет Пантикапея связан с последней третью VI в. до н. э. В этот период в полисе чеканят исключительно серебряные монеты нескольких номиналов, на аверсе которых, как правило, изображена голова льва в фас, что свидетельствует о несомненном влиянии Милета как метрополии (Зограф 1951 С 164, Шелов 1956 С 13–15, Анохин 1986 С 5–7, 24). Образ животного, по сравнению с более поздними монетами Боспора, носит архаический характер. Голова в виде маски с едва намеченной шерстью гривы между небольшими круглыми ушами и схематическими чертами морды выдает руку нескольких резчиков монетных штемпелей. Художники особое внимание уделяли трактовке высокого выпуклого лба, разделенного продольной линией на две рельефные доли, под которыми показаны глубоко сидящие глаза. Остальные

детали морды чаще всего передавались в общих едва намеченных чертах. Можно отметить, что на протяжении очень короткого периода это изображение почти не претерпевает значительных изменений как в стилистике так и в мастерстве передачи образа льва.

На рубеже VI–V вв до н э в монетной чеканке Пантикапея появляется еще один символ – муравей, украшавший аверс самого мелкого номинала серебра (Анохин 1986 С 6, 7, 10). Фигурка этого насекомого несмотря на миниатюрные размеры тщательно проработана в мельчайших деталях передающих его реалистический облик. Однако его символика все еще остается не разгаданной. В античной мифологии муравей наделялся разнообразными функциями и магическими свойствами. По общепринятой мифологической версии от Мирмидона – сына Зевса и Эвримедузы – произошли мирмидоняне ('муравьиные люди'). Он отождествлялся с образом гражданина полиса бережливого и трудолюбивого земледельца, наделенного высокими гражданскими доблестями муравьем-золотокопателем или золотохранителем (Клингер 1911 С 209) а также любимицей Афины Мирмикс превращенной в насекомое за попытку умалить значение изобретенного богиней плуга (Seiv Verg Aen IV 402). Вера во все эти свойства муравья-труженика не была чужда греческим переселенцам.

Всего в 5 км к северо-востоку от Пантикапея во второй четверти VI в до н э был основан Мирмекий метрополия которого точно не установлена (Ю А Виноградов 1995 С 155, 156). Этимология его названия близка к греческому слову муравей и возможно изображение насекомого являлось своеобразным 'говорящим' символом города. Но не исключена в свете почитания культа Аполлона Иетрос в Пантикапее и других полисах Боспора целебная отвращающая беды и болезни функция муравья о которой упоминал Плиний (NH XXIX 133).

Более грубой работой характеризуются реверсы всех пантикапейских монет этого периода с изображением вдавленного квадрата разделенного линиями разной толщины на четыре неровных части (квадраты 'лопасти мельницы' или же трапеции с необработанными краями). Именно они являются яркими показателями довольно низкого технического уровня пантикапейской чеканки последней четверти VI – начала V в до н э, в отличие от зооморфных образов льва и муравья в которых художественный уровень и стилистика изображения зависели от мастерства резчика монетного штампа (Анохин 1986 С 6).

Таким образом можно констатировать, что наиболее ранние выпуски монет двух милетских колоний в Северном Причерноморье – Ольвии и Пантикапее – шли независимыми друг от друга путями, что в общем было присуще для всех автономных полисов. Ольвийские мастера проявив небывалую оригинальность и самобытность в выборе

формы монет создали в традиционной технике литья бронзовые стреловидные и дельфиновидные наделенные сложной сакральной символикой и колоссальным разнообразием типов денежные знаки. В отличие от них пантикапейские резчики штемпелей используя только что появившуюся (около середины VI в до н э) в античном мире технику чеканки свидетельствующую о высоком социально-экономическом развитии полиса, выпустили несколько номиналов серебряных монет символика и стилистика которых была заимствована в Милете.

А П Абрамов, С И Бодырев

“Клады” 1998 г. из Патрея

Летом 1998 г в Патрейскую экспедицию Института археологии РАН поступили сведения о находке местными жителями, в затопленной части городища Патрей античных монет. Авторы этой публикации предприняли попытку к установлению правдивости этой информации и ее проверке. В результате предпринятых действий нам удалось выяснить следующее. Весной в затопленной части городища Патрей были действительно найдены античные монеты. Ими, со слов нашедших, оказались три комплекса, каждый из которых был найден на ограниченной площади. Исходя из ограниченности места находок монет и состоянию этих находок на момент их поднятия из воды, спекшиеся в комок, можно с уверенностью говорить о монетных кладах. Последующие исследования В Н Тоскаева обнаружили наличие фундаментов домов на местах обозначенных находок. Однородность изученных монет свидетельствует об одновременном их формировании.

Для простоты введения этих комплексов в научный оборот мы присвоили им порядковые номера (Абрамов 1998 С. 16–17). Они идут последовательно за уже известными тремя кладами найденными на Патрейском городище: 1 – клад 1951г (Голенко 1957), 2 – клад 1952 г (Голенко 1960), 3 – клад 1970 г (Сокольский, Стручалина, Голенко 1974, Голенко 1978).

Экспедиционные условия ознакомления с описываемыми нумизматическими находками не позволили нам произвести их взвешивание. В определении номинала тех или иных монет приходится опираться на их размер.

Клад № 4. Этот клад найден напротив раскопа 5 (Паромов 1993 № 14) в 30-ти метрах от уреза воды на глубине 50 см. Данный клад состоял из девяти серебряных монет. Шесть монет были окислами

сформированы в комок, и три монеты слиплись стопкой. Располагались они рядом. Монеты в комке (6 экз.) можно считать триоболами. Л С Голова льва в фас. О С Вдавленный квадрат в виде свастики (Зограф 1951 Табл XXXIX, 15, Шелов 1956 Табл I, 3, Анохин 1986 № 11). Три других монеты, вероятно, были гемиоболами. Л С Голова льва в фас. О С Вдавленный квадрат в виде свастики (Шелов 1956 Табл I, 6, Анохин 1986. № 17). Дата формирования описываемого клада после 480 г до н э.

Клад № 5. Этот клад был обнаружен в 60-ти метрах западнее раскопа 3 (Паромов 1993 № 12), в 30-ти метрах от уреза воды, на глубине 40 см. Был найден в помещении именуемым "Дом № 2". Клад состоял из трех электровых монет г Кизика и одной серебряной монеты Пантикапея.

Монеты Кизика

1 Л с Собака влево

О с Вдавленный квадрат

2 Л с Мужская голова в аттическом шлеме влево, сзади тунец

О с Вдавленный квадрат

3 Л с Головной убор, по сторонам по одной точки, под ним тунец

О с Вдавленный квадрат

4 Л с Голова льва в фас

О с Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части

Этот клад интересен, прежде всего тем, что на Боспоре находки кизикинов редки (Ашик 1848, Шелов 1949, Шелов 1956, Голенко 1979, Булатович 1995, Терщенко 1999), а в составе кладов рансе IV в до н э неизвестны вообще. Датировка может быть определена по монетам Пантикапея – после 480 г до н э.

Клад № 6. Состоял из одиннадцати серебряных монет Фанагории, рассеянных на небольшой территории, не более метра. Номинал триобол. Все монеты однотипные, с небольшим отличием: а) Л с Голова Диониса в венке вправо, О с тирс надпись в две строки – 9 экз., б) Л с то же, О с то же, но внизу монограмма – 2 экз. (Бурачков 1884, Зограф 1951 Табл XLIII 10, Анохин 1986 № 205, 205а).

Есть основания полагать, что данный клад синхронен первому патрейскому кладу, найденному в ходе раскопок и связанному со слоем разрушения, который в настоящее время Н. А. Фроловой относится ко времени после 70 г до н э (Башкиров 1967 С 90–95, Фролова 1992 С 220, Фролова 1999).

Анализ кладов, найденных на территории древнего поселения расположенного у д. Гаркуша Темрюкского района, позволяет сделать следующие выводы. В настоящее время в нашем распоряжении имеются три амфорных комплекса Патрея: 1 – Патрейский склад 1991 г. (Абрамов 1994 С 128–129), 2 – подводный комплекс № 5 (Абрамов,

Сазонов 1991) 3 – комплекс № 7 (Абрамов 1994 С 130) Все перечисленные комплексы могут быть сопоставлены с амфорным материалом кургана “Великая Знаменка” (Монахов 1999 С 106–111 Табл 33–35) и отнесены по хронологии амфорных комплексов к раннему периоду между 480–450 гг до н э

Два монетных клада № 4 и № 5 и три амфорных комплекса дают основание полагать, что в конце первой или в начале второй четверти V в до н э Патрей претерпевает какие-то разрушения связанные с военными событиями Если наши предположения о разрушении верны, то это событие синхронно с разрушением Торика (Онайко 1980)

Литература

Абрамов 1994 – *А П Абрамов* Патрей Раскопки 1990–1991 гг // Боспорский сборник 1994

Абрамов 1998 – *А П Абрамов* Городище Патрей Периодизация и топография // Патрей Материалы и исследования М, 1998 Вып 1

Абрамов, Сазонов 1991 – *А П Абрамов Ю С Сазонов* Комплекс второй четверти V в до н э из Патрея // Древности Северного Кавказа и Причерноморья М, 1991

Анохин 1986 – *В А Анохин* Монетное дело Боспора Киев, 1986

Ашик 1848–1849 – *А Ашик* Восторское царство Одесса, 1849

Башкиров 1967 – *А С Башкиров* Из истории Патрея III–I вв до н э // ЗОАО 1967 Вып II

Булатович 1976 – *С А Булатович* Обращение электровых монет Малой Азии в Эгейском бассейне и в Причерноморье в V–IV вв до н э // МАСП 1976 8

Булатович 1995 – *С А Булатович* Находка Кизикина на Таманском полуострове // Памятники древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья Киев, 1995

Бурачков 1884 – *П О Бурачков* Общий каталог монет Одесса, 1884

Голенко 1957 – *К В Голенко* Клад монет, найденный 1951 г в Патрее // СА 1957 2

Голенко 1960 – *К В Голенко* Второй Патрейский клад монет (1952 г) // НЭ 1960 I

Голенко 1978 – *К В Голенко* Третий Патрейский клад (1970 г) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в н э // НЭ 1978 XII

Голенко 1979 – *К В Голенко* Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове // История и культура античного мира М 1979

Зограф 1951 – *А П Зограф* Античные монеты М, Л, 1951 – (МИА № 16)

Монахов 1999 – *С Ю Монахов* Греческие амфоры в Причерноморье Комплексы керамической гары Саратов, 1999

Онайко 1980 – *Н А Онайко* Торик Античный город на северо-востоке Понта М, 1980

Паромов 1993 – *Я М Паромов* Археолого-топографический план // Боспорский сборник 1993 Вып 3

Сокольский, Стручалина, Голенко 1974 – *Н И Сокольский, Р А Стручалина К В Голенко* Третий Патрейский клад // АМА 1974 2

Терещенко 1999 – *Терещенко Э* Электровый кизик из Нимфея // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Международная научная конференция, посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н. Л. Грач. Тезисы докладов. СПб., 1999.

Фролова 1992 – *Н. И. Фролова* Монетное дело Боспора VI в до н. э. – середины IV в н. э. в свете новых исследований // Очерки истории и археологии Боспора. М., 1992.

Фролова Ireland 1999 – *Н. И. Фролова S. Ireland* О хронологии эмиссий монет на Боспоре в митридатовский период (110/109 – 63 гг. до н. э.) // ДБ. 1999. 2.

Шетов 1949 – Д. Б. Шелов. Кизикские статеры на Боспоре // ВДИ. 1949. 2.

Шетов 1956 – Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора. М., 1956.

И. А. Тульпе, В. А. Хршановский

Эллинистический ритуальный комплекс на некрополе Китея

С 1993 года археологическая экспедиция Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург) ведет работу на юго-западном участке некрополя Китея, в прибрежной зоне, подверженной сильной абразии. Помимо нескольких десятков грунтовых и плитовых могил римского времени здесь были открыты многочисленные следы тризны, в том числе ритуальный комплекс III в н. э. с человеческим жертвоприношением. Огороженный необработанными глыбами известняка поставленными на ребра, он имел в плане овальную форму (длина – 10 м, ширина – 7,5 м) и был вытянут точно по оси север – юг (Тульпе, Хршановский 1999. С. 78–83).

В 2000 году прямо под ним был открыт еще один (третий на этом участке) эллинистический(?) двухкамерный склеп со стенами сложенными из известняковых квадров и блоков и полами вымощенными плитами (№ 300). С юго-западной стороны от дромоса этого склепа, в непосредственной близости от него был обнаружен и исследован еще один ритуальный комплекс (№ 277). Комплекс представлял собой яму, вырубленную в материковой глине. Южная половина ямы имела вытянутую по оси запад – восток (с небольшим смещением, соответственно к югу и к северу) овальную форму, длиной 4,5 м. Верхний край ямы находился здесь на глубине 1,8–1,9 м от современной дневной поверхности. Судя по всему, яма была прорублена в тонком (0,2–0,3 м) пласте известняка и углублена еще на 1,6 м в материковой глине. Нижняя точка ямы находилась на глубине 3,55 м от современной дневной поверхности. При этом южная стенка ее из-за небольшого подбоя имела отрицательный уклон (верхний край нависал над нижним на 0,2–0,4 м). Конструктивной особенностью ямы

было то, что она с севера амфитеатром понижалась к югу (перепад высоты от северной стенки до южной составлял 0 65 м) Северная половина ямы имела вытянутую подпрямоугольную форму (длина – 3 2 м) Общая ширина ямы – около 3 5 м Глинистое дно ямы было вымощено щебенкой Судя по некоторым признакам и сверху она первоначально была перекрыта глинисто-щебенчатым слоем

В яму были впущены три могилы одна взрослая (№ 287) и две детских (№ 286 и 288) Могила № 287 находилась примерно посередине ямы (0 3 м от дна и около 2 м от современной дневной поверхности) В ней на подсыпке из морских раковин лежал плохо сохранившийся костяк мужчины 20–25 лет в анатомическом порядке (на спине головой к северу ноги параллельно) Из немногочисленного погребального инвентаря (железный наконечник копья фрагмент ножки лепного светильника краснолаковая чашка, 2 бронзовые пряжки) датирующим материалом являлись чашка и пряжки характерные для III в н э Над западным краем ямы на глубине около 1,5 м находилась еще одна однотипная детская плитовая могила с такой же меридиональной ориентацией В ней на слое морских ракушек был обнаружен плохо сохранившийся костяк ребенка 3–5 лет (на спине, головой к северу) Погребальный инвентарь ограничивался несколькими разными бусинами бытовавшими с V в до н э по II–IV вв н э Однако взаиморасположение и однотипность конструкций могил свидетельствует об их синхронности и это позволяет отнести детскую могилу № 288 также к III в н э Единственным отличием могилы № 288 являлось то что на 0 3 м выше плит перекрытия с южной и западной сторон могилы было зафиксировано разрушенное захоронение лошади Над восточным краем ямы под наброской небольших камней и известняковых плит, (с небольшим смещением к северо- западу) на глубине около 1 65 м от дневной поверхности была обнаружена детская грунтовая могила с погребением двух детей 3–5 и 5–7 лет Оба костяка лежали в анатомическом порядке (на спине головой к северо-востоку) У младшего кости ног были скрещены в голени

Среди костей погребенных были найдены астрагал и яичная скорлупа Из всего погребального инвентаря (лепной горшок, железный нож, пряжка белого металла, бусины) самым надежным датирующим материалом является монета Она сильно корродирована но с достаточной степенью вероятности ее можно считать медной монетой Рескупорида V 327/328 гг (Анохин 1986 № 773в) Пронизи и бусины относящиеся ко второму погребению в целом не противоречат датировке могилы № 288 второй четвертью – серединой IV в н э

Впущенные в яму № 277 могилы перемешали ее слои Первоначальная стратиграфия восстанавливается с трудом Однако некоторые общие закономерности на имеющемся материале все же

прослеживаются Яма была перекрыта сверху фрагментарно сохранившимся слоем зеленой глины и крупного щебня. (мощность 0,3–0,35 м), прорезанным впускными могилами Грунт заполнения ямы – мешаный, серо-коричневого цвета, сажистый, с включениями щебня и пещины Следы нивелировки отдельных слоев в заполнении ямы не прослеживаются Материал из ямы весьма обилен и разнообразен 5 медных монет, более 3 тысяч фрагментов керамики – амфорная (в том числе с клеймами, граффито и дипинто), кружальная (чернолаковая, краснолаковая красноглиняная, сероглиняная) и лепная, фрагмент терракоты, 3 керамических грузила, бронзовые гвозди, перстень, стержень, железные гвоздь и нож (?), костяная проколка глиняная бусина, астрагал Ритуальный характер комплекса подтверждается такими специфическими ‘морскими’ находками как клешня краба, раковины мидий и морских гребешков, гальки, керамические окатыши, а также угли и куски пещины

Кости человека в грунте заполнения ямы отсутствовали, но кости животных были представлены Палеозоологический (определение А К Каспарова) и палеоорнитологический (определение А В Пантелеева) анализ позволил выявить костные остатки нескольких лошадей всех возрастов и не менее 2 взрослых коров, молодой и взрослой свиньи, молодой и взрослой козы, овцы разных возрастов (преимущественно зубы фрагменты черепа и конечностей), много костей овцы или козы разных возрастов, молодой и взрослой собаки птиц (сизая чайка большой баклан домашняя курица, серый гусь белоголовый син), не очень крупных рыб

Для хронологии ямы № 277 первостепенное значение имеют найденный в ней нумизматический материал Из 5 медных монет удалось атрибутировать 4 Все они эллинистические – рубежа IV–III вв до н э Ближайшие аналогии двум из них датируются 314–310 гг до н э Обол Л с I олова бородатого сатира в венке влево О с ПАНП Лук и стрела I тетрахалк I олова бородатого сатира вправо О с ПАН Протома грифона влево внизу осетр (Анохин 1986 № 110, 111) Двум другим – 294–284 гг до н э Обол (?) Л с Голова бородатого сатира в венке влево О с ПАН Протома грифона влево внизу колос Обол Голова безбородого сатира в венке влево О с ПАН Голова быка влево (Анохин 1986 № 119, 124) Все монеты были найдены в нижней половине ямы

Среди богатейшего керамического материала из ямы явно преобладала амфорная тара (около 78% от общего числа) При этом эллинистическая керамика составляла в ней больше половины (56%) К самому раннему периоду относятся надежно датируемые профильные фрагменты хиосских ‘колпачковых’, фасосских и гераклеиских амфор 1-ой половины IV в до н э (возможно, что есть и фрагменты

V в до н э) Широко представлены амфорные остатки из этих центров и второй половины IV в до н э К 70-м годам IV в до н э относится клеймо на ручке фасосской амфоры с именем “ΣΩΤΑΡΙΔΑΣ”, написанным в две строки – 1-ая поздняя группа тип В по Ю Г Виноградову (Виноградов 1972 Табл II С 59) К 20-м годам IV в до н э – клеймо на ручке кидской амфоры с носом корабля и именем “[Α]ΠΟΛΛΩΝΙΔ[ΗΣ]” (Монахов 1999 С 165), К более позднему времени – второй четверти III в до н э может относиться фрагментированное клеймо на ручке синопской амфоры с эмблемой спокойно стоящего слона и именем астинома ‘ ΠΟΣΕΙΔ[ΩΝΙΟΥ]” (Граков 1929 С 95–96 Ср там же Табл 8 5–6 С 219) Таким образом амфорная керамика подтверждает (и даже несколько удревняет) нижнюю хронологическую границу ямы до всего IV – первой половины III вв до н э

На нескольких фрагментах гераклеийских амфор сохранились сильно фрагментированные клейма, а также дипинто ‘KN” На горле 2-х амфор имелось дипинто “ΔΙ” и “Δ”, на трех других сохранились следы красной краски На одной из стенок – граффито “ΔΙ”

Поздняя керамическая тара (44%) была представлена стенками светлоглиняных и красноглиняных южнопонтийских, боспорских красноглиняных и розовоглиняных амфор уже неоднократно встречавшихся в этом раскопе и относящихся в основном ко II–III вв н э, но некоторые (с рифлением по тулову), возможно и к IV в н э При этом, если в верхней половине ямы встречаются керамические остатки как поздней, так и ранней амфорной тары, то в нижней – поздняя (римского времени) вообще не представлена

На долю кружалной керамики в яме пришлось около 15 %

Фрагменты чернолаковой посуды составили в ней сравнительно небольшую часть (10%) Из профильных фрагментов необходимо отметить рыбное блюдо, которое по близкой аналогии может датироваться концом IV – началом III в до н э (Грач 1999 Табл 52 Рис 10 С 223, 60) Здесь же были найдены фрагмент венчика чернолакового сосуда, ножка чернолакового канфара, специально подтесанная для вторичного использования в качестве солонки (?), дно и стенка сетчатого лекифа, относящегося к IV в до н э Большинство фрагментов чернолаковой керамики также находилось в нижних или испотребованных (окраинных верхних) слоях ямы А на самом дне был найден развал арибаллического краснофигурного лекифа с пальметкой IV в до н э (Ср Грач 1999 Рис 24 С 61) На некоторых чернолаковых фрагментах имелись граффито Так на внешней стороне чернолакового килика со штампованным орнаментом в виде 4 пальмет и круга из насечек на дне было процарапано несколько неразборчивых граффити и еще одно уже встречавшееся – ‘ΔΙ”

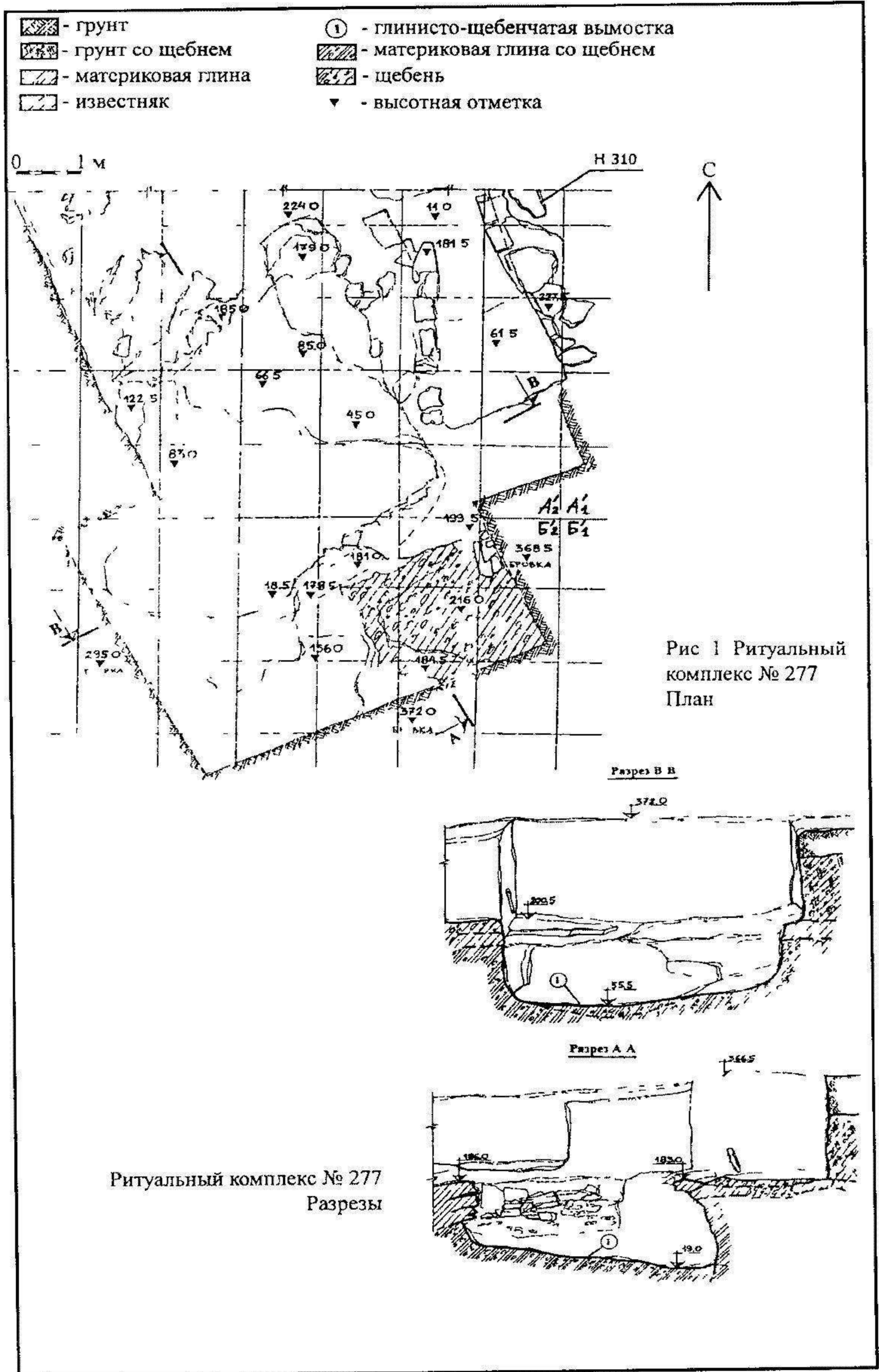
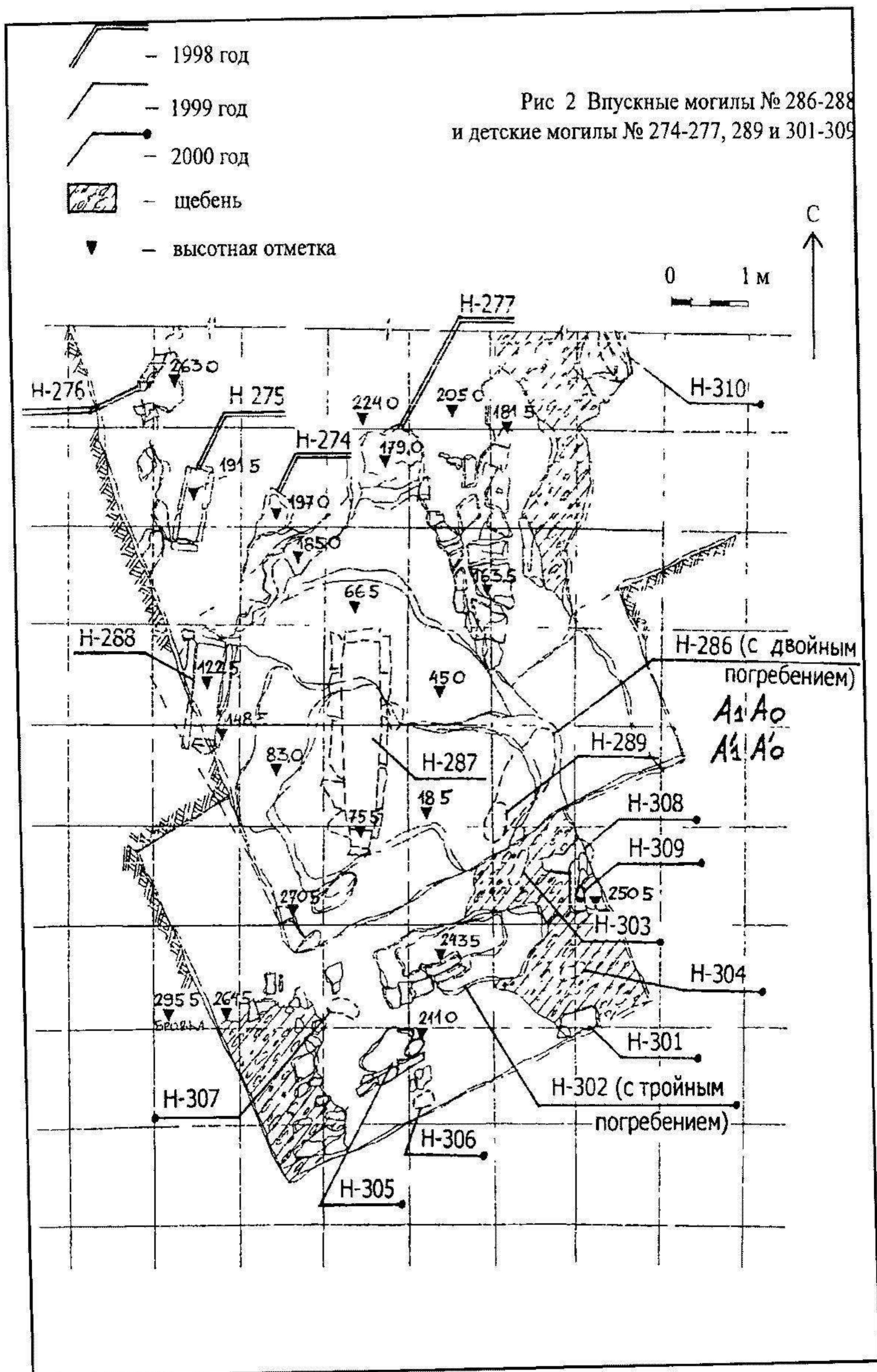

Рис 2 Впускные могилы № 286-288
и детские могилы № 274-277, 289 и 301-309

Краснолаковой керамики в яме оказалось примерно в три раза (около 32%) больше, чем чернолаковой. В основном это были фрагменты столовой посуды ("рыбных блюд", тарелок), с профилями, характерными для II–III вв н э. Причем, если количество фрагментов краснолаковой керамики по мере углубления уменьшается, то чернолаковая и расписная в нижних слоях представлена богаче, чем в верхних.

Среди кружальной керамики без покрытия выделяется красноглиняная – около половины (48%) от ее общего числа. На долю всей прочей (желтоглиняной, сероглиняной и пр.) пришлось около 10%.

Лепная керамика в яме составляла около 7% от общего ее количества.

Таким образом хронологическая вилка функционирования комплекса – IV в до н э – III – IV вв н э. Но с явной временной лакуной от второй половины III в до н э до III – первой половины IV в н э, когда в яму № 277 оказываются впущены могилы № 287 – 289. Если считать доказанным, что этот ритуальный комплекс был сооружен и начал функционировать в эллинистическое время, то можно с большой степенью вероятности утверждать, что синхронны и ближайший к нему двухкамерный склеп № 300, и расположенные поблизости однотипные склепы № 141 и 206.

Ритуальный комплекс с жертвенной ямой № 277 сверху был перекрыт еще одной тризной. На глубине 0,5 – 0,8 м от дневной поверхности, над ямой и вокруг нее под щебенчатой засыпкой был открыт мешаный слой мощностью до 1,6 м с большим количеством фрагментов керамики, стекла, костей животных и раковин виноградных улиток, угольков и пачины. Многие фрагменты имели пятна нагара, были закопчены, стекло – оплавлено. Выявить какие бы то ни было хронологические слои в мешаном слое тризны не удалось. В целом в ней также встречался материал V – III вв до н э и I – III вв н э. Однако количественное соотношение керамических остатков здесь было несколько иным: амфорной – 45,6%, кружальной – 32,7%, лепной – 21,7%.

И внутреннее соотношение между остатками керамической тары было иным. Эллинистические фрагменты составляли всего 27,7%. Среди ранней амфорной керамики V–IV вв до н э встречались профильные фрагменты хиосских позднепухлогорлых и с колпачковыми ножками, фасосских, гераклейских Менды III в до н э был представлен синопскими и кидскими. Амфорный материал II в до н э отсутствовал.

Фрагменты амфорной керамики римского времени составляли здесь около 72,3% – в 2,5 раза больше, чем эллинистических. I в до н э – сер I в н э была представлена красноглиняной амфорой.

с двуствольными ручками А I–IV в фрагментами узкогорлых светлоглиняных и боспорских красноглиняных и розовоглиняных амфор

Из фрагментов кружальной керамики чернолаковая составляла всего 2,3%, в то время как краснолаковая – около 34,2%, красноглиняная – 43,8% прочая – около 22%

Значительно больше, чем в яме № 277, было здесь в процентном отношении и фрагментов лепной керамики – всего в 1,5 раза меньше чем кружальной и в 2 раза, чем амфорной. Обращало на себя внимание непропорционально большое количество донышек среди всех фрагментов кружальной и лепной керамики. Среди фрагментов стеклянных сосудов достаточно многочисленных, но непрофильных, часто встречались оплавленные. Явное преобладание керамических остатков римского времени и фрагментов стекла позволяет связывать эту тризну (скорее неоднократно совершавшиеся тризны) с впускными могилами в яму № 277 и (или) с теми 14 детскими могилами и погребениями (№ 274–277, 289 и 301–309), которые были обнаружены в этом же слое в непосредственной близости от ритуального комплекса. Что же касается эллинистического материала, то он, может быть и выбросом из жертвенной ямы № 277, сделанным при сооружении впускных могил III в н.э. и вторично использованными остатками погребального инвентаря из близлежащего склепа № 300.

Тем не менее обращает на себя внимание и некоторое репертуарное сходство находок в двух тризнах: наличие и там и здесь фрагментов ритуальных терракот, керамических грузил, клешней краба, раковин мидий и виноградных улиток, кусочков гранита и кремневых отщепов.

Антропологический материал в самой тризне был представлен лишь фрагментами черепа и челюсти ребенка в возрасте до 1 года и фрагментом детской плечевой кости. Палеозоологический – костями взрослой лошади, старой коровы, овцы, овцы или козы (взрослой и полувзрослой), поросенка, собаки, птиц и мелких рыб. Многие кости были обожжены.

Как уже отмечалось, в том же слое верхней тризны были открыты

14(1) преимущественно безынвентарных (лишь в единичных случаях датируемых римским временем) и небрежно сделанных детских могил с 16 погребенными младенцами и детьми в возрасте до 3–5 лет. Они как бы обрамляют жертвенную яму № 277 и наводят на вопрос: “объектом” или “субъектом” совершавшихся здесь ритуалов они являлись, предметом “внимания и заботы” или же “дополнительным средством” для усиления обряда (Тульпе 1998, С. 46–53).

Таким образом, жертвенная яма № 277 по своим размерам и конструктивным особенностям представляется редким, если не уникальным ритуально-поминальным комплексом эпохи эллинизма на Боспоре.

Литература

- Анохин 1986 – В. А. Анохин Монетное дело Боспора Киев, 1986
- Виноградов 1972 – Ю. Г. Виноградов Керамические клады острова Фасос // ИЭ 1972 X
- Граков 1929 – В. Н. Граков Древнегреческие керамические клады с именами астиномов М., 1929
- Грач 1999 – И. Л. Грач Некрополь Нимфея СПб. 1999
- Монахов 1999 – С. Ю. Монахов Греческие амфоры в Причерноморье Комплексы керамической гары Саратов, 1999
- Тутьпе 1998 – И. А. Тутьпе Некрополе для детей // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конференции СПб., 1998
- Тутьпе Хршановский 1999 – И. А. Тутьпе В. А. Хршановский Позднеримский погребально-поминальный комплекс в прибрежной зоне некрополя Китея // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Международная научная конференция посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию И. Л. Грач Тезисы докладов СПб., 1999

Л. И. Давыдова

“Боспорский царь” и другие в контексте “боспорского искусства”

На конференции в Тамани проходившей в октябре 2000 года мною был прочитан доклад “Боспорское искусство”. Проблема дефиниции в котором я пыталась теоретически обосновать возможность и необходимость введения в научный оборот термина “боспорское искусство”, по аналогии с этрусским фракийским или италийским термина, который позволил бы узаконить как явление цельное, несмотря на его синкретизм и синтетизм искусство Боспора.

В данном сообщении делается попытка рассмотреть некоторые боспорские скульптуры из эрмитажной коллекции Отделения Северного Причерноморья именно в контексте “боспорского искусства”

Речь пойдет в первую очередь, о статуе так называемого “боспорского царя”, одной из самых ранних керченских находок относящихся еще к 1800 году. Она была открыта на горе Митридат «в ограде греческой церкви» на месте которой по предположению Кларка находился в древности храм Эскулапа. Об этом храме известно из эпиграммы Эратосфена переданной Страбоном (II 1 16), где говорится о медном сосуде лопнувшем от холода в храме Асклепия в Пантикапее. Статуя сильно повреждена отбиты голова правая рука ступни ног. Верхняя часть торса от пояса была соединена с нижней вероятно уже в Эрмитаже после 1851 г. так еще в издании А. Ашика

«Воспорское царство» вышедшем в свет в 1848 г. воспроизведен лишь нижний фрагмент. Статуя была послана Керченским музеем в Санкт-Петербург в 1851 году по случаю открытия Императорского музея как «колоссальный торс Эскулапа из паросского мрамора». И хотя эта статуя неоднократно публиковалась специального исследования ей не было посвящено. О. Ф. Вальдгауер, первый заведующий Античным отделом Эрмитажа, издавший 3-х томный каталог античной скульптуры нашего музея, посвятил ей всего несколько строк, связав иконографически со статуей Мавсола о чем уже писалось и ранее и указав лишь что специальное исследование об этом памятнике готовит Б. В. Фармаковский. Однако ни среди печатных работ, ни в архивах Б. В. Фармаковского такой монографии напихи пока не удалось. Но осталась его статья 1925 г. о боспорских Спартокидах в которой он высказывает мнение о том, что возможно перед нами изображение одного из сыновей Левкона I Аполлония. Таким образом за нашей статуей в литературе закрепились два имени – Эскулап или Асклепий и «боспорский царь». Подобную интерпретацию можно объяснить, вероятно иконографической близостью типа царской статуи в том числе Мавсола, и образом бога-врача. Различие состоит только в том что у Асклепия верхняя часть торса изображается как правило обнаженной. Поэтому наиболее близкой аналогией нашему памятнику мы вслед за Р. Кабус-Прайсхофен издательницей косской скульптуры считаем статую так называемого Гиппократа из музея Коса. В отличие от керченской, косская сохранилась почти целиком и если бы не портретные черты лица изображенного ее вполне можно было бы атрибутировать не как почетную или votивную статую Гиппократа, а как культовую статую Асклепия. Вслед за П. Болом Р. Кабус-Прайсхофен датирует косскую скульптуру последней третью IV в. до н. э., хотя некоторые исследователи не исключают и более поздней даты – конца II в. до н. э. Фармаковский считал пантикапейскую статую работой аттического мастера середины IV в. до н. э., поскольку именно с Атикой имел Боспор в это время тесные торговые контакты. На наш взгляд нельзя только торговыми контактами доказывать аттическое происхождение скульптуры точно также как лишь аналогией со статуей Мавсола приписывать ей малоазийское происхождение. В рукописном наследии О. Ф. Вальдгауера сохранился небольшой фрагмент тезисного характера, озаглавленный ‘Zwei Kolossalstatuen aus Kertsch’ (Архив ГЭФ 6 Оп 1 Д 22) в котором исследователь ставит статую “боспорского царя” и так называемый торс Юноны (женская статуя инв. № Пан 156) по аналогии с Мавсолом и Артемисицей в круг памятников малоазийского круга. К сожалению пока не будет определен сорт мрамора трудно будет говорить с уверенностью

о принадлежности статуи к той или иной школе, хотя, безусловно не только и не столько качеством мрамора определяется авторство произведения, сколько умением выразить в нем те пластические и художественные задачи, которые были присущи мастерам данной школы. Что касается типа статуи, портретной или культовой, представленной “боспорским царем”, то он воплощен не только в образах Мавсола, Гиппократа, Асклепия или Зевса, но и в других многочисленных изображениях стоящих философов, поэтов, ораторов, например, в статуях Софокла, Сократа, Демосфена и т. д. Образы эти вышли из аттической школы, но были восприняты и переработаны скульпторами и других греческих центров, куда переезжали на работу афинские мастера, в том числе Скопас, Леохар, Тимофей и Бриаксис, родившиеся в разных городах Греции, но воспринявшие традиции, в первую очередь, Аттики и применившие в полной мере свой талант в Карии на украшении гробницы Мавсола. Появился ли после этого свой, особый “малоазийский”, точнее будет говорить “галикарнасский” стиль в традициях которого создается наша статуя? И что такое малоазийский стиль, в чем он выражается? Если в монументальности и величественности образа тогда мы можем ее сравнивать со статуей Мавсола, но если в обобщенности проработки мышц обнаженной части торса и складок гиматия, тогда галикарнасский памятник демонстрирует иной подход, более “барочный”. Объяснений своим выводам Оскар Фердинандович не дает, но он не исключал и того, что статуя могла быть создана на Боспоре куда был привезен, может в качестве балласта мраморный блок, из которого уже на месте скульптор, но не местный, а малоазийский сделал данное изваяние. Таким образом вопрос о том к какой художественной школе мы должны отнести эрмитажный памятник остается пока открытым, невыяснено и его бытование на Боспоре где он был установлен – в храме как культовая статуя или как портретная царская в специально оформленном для нее месте (присутствие фона – непременно условие, т. к. задняя сторона скульптуры не обработана). Иконографическая “амбивалентность” и стилистическая “расплывчатость” нашей статуи не дают ей возможности занять определенное место в истории греческой пластики. И как это ни парадоксально, они же дают нам право признать за ней ее собственное место в контексте “боспорского искусства”. Не с точки зрения привозной скульптуры или не привозной, это всем очевидно а с точки зрения ее “включенности” в формирование на Боспоре “боспорского искусства” и боспорского стиля. И как возможный пример воздействия привозных образцов на создание местной школы изваяния можно привести мраморную голову, являющуюся, вероятно частью акролитной женской статуи (инв. № Пан 736). По мнению

О Ф Вальдгауера она была выполнена в раннеримское время по типу IV в до н э. Массивное лицо с тяжелым подбородком, круглые щеки и толстые губы, действительно характерны для образцов греческой пластики V–IV вв до н э. В качестве примеров можно привести тип так называемой «головы Лаборд», а также голову Диониса из музея в Дельфах. Однако трактовка глаз на нашем памятнике, с плоским и несколько углубленным глазным яблоком, обведенным как валиком толстыми веками, кажется не классической. Подобную манеру мы можем видеть на некоторых боспорских памятниках римской эпохи, например, на фрагменте женской головы I в н э, аналогичной «голове Лаборд» из собрания I МИИ им А С Пушкина. На эрмитажном и пушкинском экземплярах имеются над лбом и ушами небольшие отверстия, служившие, вероятно, для крепления диадемы или венка. Подобные отверстия есть и на другом эрмитажном памятнике, так называемой «голове боспорского царя», которую некоторые исследователи рассматривают как привозную римскую работу II в н э. Сходный по очертаниям рисунок губ и глаз, овал лица, объемная упругость щек и подбородка, манера исполнения двух эрмитажных голов настолько близки, что позволяют предположить их принадлежность к одной мастерской. Следует сказать, что если бы не наличие отверстий, выполненных буровом, то по пластике, по чувству фактуры материала, по особой наполненности объемов эти головы можно было бы датировать раннеэллинистическим временем, а некоторые формальные особенности отнести за счет работы боспорских скульпторов. Известно, как часто скульптурные произведения в более поздние эпохи перерабатывались, доделывались, исправлялись, чистились и т. п. Украшения в виде диадем или венков могли появиться позднее. Как бы там ни было, нельзя отрицать существования на Боспоре своих камнерезных мастерских, работавших, возможно, не только с известняком, но и с привозным мрамором и создававших в итоге произведения, которые мы теперь можем охарактеризовать как памятники «боспорского искусства».

P. A. Kreuz

Aspects concerning the interpretation of bosporan grave reliefs

The particular significance of grave steles for the archaeology of the Bosporan Empire is given by the great amount of conserved pieces. Numerous studies on different schools of sculptors, on the principles of composition in the relief illustrations, their contents and iconography as well as on prominent,

single pieces show the effort with which modern research has dealt with steles. The function of the steles as well as the meaning of their reliefs are generally considered to be clear.

According to these definitions the steles represent the deceased and his relatives. Furthermore they are supposed to evoke the empathy of the regarding persons thus giving a clear picture of the grief of the family (Гладкова 1979 С. 33–34).

These reliefs as such are supposed to represent the heroized and deified deceased who is now venerated almost religiously. So the numerous pictorial elements and the resulting picture schemes of the reliefs define different forms of the initial idea of heroization of the deceased and his new «existence». These illustrations had been explained as the impression of religious imaginations with regard to the cult of the dead (Ivanova 1962 S. 92), the transition of the dead into the world of eternal life, as a symbol for the victory over death, but also the grief of those left behind (Савостина 1992 С. 364, Гладкова 1979 С. 34). It is true that in some examples there are references to familiar and social aspects of the illustrations (especially with steles having more than one relief Савостина 1987 С. 14–17) and the rather realistic character of some of the details like the armament of men is underlined – but in most cases statements are of a more general character or are integrated in the considerations on heroization and the religious content of the representations.

All these attempts to explain the subject of the reliefs were confined on the analysis of the representations as an isolated category of sepulchral art. Other evidence that can be inferred from the stelai was used only sporadically (Савостина 1987 С. 14–16 Савостина 1992 С. 360). Especially the surviving epigrams (about 50) but also considerations concerning the arrangement of the stelai in the cemeteries of the Bosphoran cities, allow to reconsider the picture outlined above concerning the range of meanings of the representations in its exclusiveness and to extend it with several aspects.

Therefore the following considerations draw on the one hand special attention on the inscriptions and representations of several stelai belonging to the Hellenistic and early Roman period and on the other on the intentions of those, who set them up.

The arrangement of the stelai allows to draw first conclusions about their function. Important information is provided by the design of the stelai. They anchor either directly in the soil or in a stone-base, as the pin in the lower part of most gravestones shows. But also the frequent extension of decorative elements, e.g. rosettes and mouldings, proves them to be set up as free-standing monuments, not to be integrated in an architectural context. This quality of the stelai is further emphasized by the frequent address to passers-by (see, e.g. КБН № 122, 125, 127, 129, 992). The call upon the traveler to have a look at the representation and to read the inscription requires the stelai to be approachable – also for those, who were not related to the deceased. According

to ancient customs, the stelai were presumably placed along the roads and lanes, visible for those leaving or entering the cities. This aiming at publicity, that can be inferred from the arrangement of the stelai, their epigrams, but also from the orientation of the relief-figures towards the viewer, can be recognized as a common feature of all grave-stelai and is of particular significance for the interpretation of their reliefs.

Against this background of a public character, the epigrams and pictorial representations have to be examined again in regard to their messages. A sensible point to start is the comparison with inscriptions and representations of the hellenistic period from the cities of Asia Minor. This comparison demonstrates that neither epigrams nor relief scenes employed for bosporan stelai differ fundamentally from other examples. On the contrary it can be shown that they are clearly dependent on those of the cities and regions of Asia Minor.

For all features of the bosporan epigrams equivalents exist in numerous inscriptions from other hellenistic cities. In the bosporan inscriptions the same repertory of formulae and forms of expressions as well as an increased interest in the living, cause of death and family relationship of the deceased occur (Болтунова 1977 С. 25–26). Also, the emphasis of single *topoi* on the particular person and the constant references to virtues are characteristic for epigrams of the hellenistic period (Zanker 1995 S. 263). In doing so it becomes evident, that the hellenistic inscriptions i.e. those from the bosporan stelai too, serve as an instrument for the self-representation of an individual towards the public. At the same time, the epigrams show an evident dependence from society's norms (Breuer 1995 S. 12).

A comparable dependence of the bosporan figured scenes from those of the hellenistic stelai has repeatedly been pointed out (e.g. Рельефы 1990 № 9 11 14 17, Wasowicz 1979 P. 232–233). The close connection manifests not only in the employment of single pictorial elements, but also in the repertoire of employed figure types and their specific representation, in the principles of composition and even in the adoption and repetition of entire schemata like the popular banquet scene. The popularity of these iconographic models over several centuries can not be explained only by their greek character or an exemplary function of greek art in general, despite their roots in hellenistic Tradition. The decisive factor was much more the suitability of this visual language for the formulation and expression of own concepts towards the public in a permanent and comprehensible way.

The nature of these concepts in the hellenistic cities of Asia Minor has been investigated in various studies over the last decade (Schmidt 1991, Zanker 1993, Breuer 1995, Zanker 1995, Fabrizio 1999). They convincingly prove, that the main purpose of the reliefs was not the depiction of grief or heroization. Rather, their aim was the representation of collective ideas and values of the inhabitants of the cities. They express themselves in the statuary character of

many figure types within the relief scenes that could in addition be underlined by showing the figure standing on a socle. This obvious visual orientation towards contemporary honorary statues can be connected with an ideal of political activity of the citizen, whose efforts were honored by the demos with the erection of an honorary statue. The same applies to the figure type of the standing man, wearing a mantle. The use of figure types comparable to honorary statues indicates a clear reference to the correct public appearance and reveals another ideal, that of the exemplary citizen.

The different figure types employed to represent women in the relief scenes can be interpreted in a similar way. Comparable to the male figures, they also show an obvious orientation towards honorary statues. The use of the same figure types for statues erected in the public space of the city rules out an interpretation of these iconographic models reduced to the aspect of grief. Rather, here too the ideal of the correct appearance as a female virtue can be recognized as a main motive. The nearly complete covering of the body, the hidden arms and gesture that characterize for instance the frequently employed pudicitia type indicate not just grief (if they ever did at all). Above all, this and related figure types convey the virtue of female restraint and modesty (Zanker 1993 S 222–227; Zanker 1995 S 263). Also the highly popular banquet scenes fit well in this set of values expressed by the relief scenes. They stand clearly in the tradition of classical hero reliefs, but, regardless whether there can be assumed a corresponding, officially established hero cult for the deceased, the banquet scenes were, comparable to the orientation towards honorary statues already mentioned, above all employed as visual formula for posthumous fame. At the same time, they reflect the ideal of family prosperity, expressed for instance by the design of the furniture or the regular presence of servants in most of the relief scenes (Fabrizius 1999 S 57, 86–99, Wasowicz 1979).

On the whole, the depictions of the hellenistic grave stelai do not illustrate private matters like the mourning for the deceased or his new existence as a hero. On the contrary, their main purpose was the praise of the deceased by means of emphasizing his exemplary virtues and qualities. The ideal behind this intention is especially that of striving for public honour and distinction for accomplished achievements, supplied by references to material prosperity.

Therefore both epigrams as well as relief representations of the grave stelai were employed by the dependants mainly to demonstrate the virtues of the deceased and his merits for the city and her inhabitants, and to claim special honors for him. But the relief scenes served by no means as mere illustrations of the virtues praised in the inscriptions. While the epigrams show a greater individuality, the reliefs with their more stereotyped iconography rather testify commonly acknowledged virtues and collective values (Breuer, 1995 S 40, Zanker 1995 S 263).

It is not only the marked dependance of the pictures and epigrams which confirms that these collective ideas and values were not confined to the Hellenistic cities of Asia Minor but were present also at the Bosphorus, where they were proudly presented to posterity with nearly the same figurative means. This correlation is also supported by the examples from the necropolises of the Bosporan cities.

The stele of Apollonios from the second half of the 1st century B C found in Kerch in 1895, gives a clear picture of this connection between the ideal of civil virtues and merits on the one side and the public deference by means of the erection of a honorary statue on the other side. As the inscription reveals, the deceased was nominated for public honours for his merits, which could not be conferred upon him while he was alive. So it is the stele representing the last honours for him, which are also reflected in the statue-like representation of the deceased as an orator, i.e. a publicly active person and furthermore by placing the relief figure on a raised platform. The stele of Mousa from the 1st century B C, also found in Kerch (Болтунова 1977 С. 23–28) is of similar content. The inscription praises above all the great number of her virtues, like modesty, faithfulness, beauty and integrity. Apart from this the inscription accentuates that the sepulchral monument was not erected by her husband because of her death but moreover should be regarded as a deference to her virtues. This apparently honourable ideal of female demeanour is continued in the relief illustration of the stele. Since it can be excluded that the deceased is mourning for herself, and since she is moreover represented in the form of the “pudicitia-type” frequently used for public honouring, it is quite certain that the representation is supposed to reflect the sort of female ideals the deceased must have had while she was alive. A representation of a banquet scene on the stele for Kleopatra from the end of the 1st century A D (КБН № 144) may be compared. The representation in the style of the usual iconography, i.e. a rested man and at his side, seated on a chair, a woman wrapped in a coat, is accompanied by an inscription according to which the stele was dedicated to the woman. The reasons why her husband had erected the stele were to be seen not only in her youth and beauty but also in her qualities as the lady of the house. In this case too, it may be excluded that the woman, as an accessory figure, is mourning for herself. On the contrary – this has to be seen as a positive description of the deceased, comparable to the one expressed in the epigram. These examples show that the representations of the Bosporan steles were based on values and ideals widely comparable to those from Asia Minor. The distribution as well as the long period of using the motives and images in the formulation of these ideals prove that they were not limited to a small elite but moreover corresponded to generally accepted ideals of the urban societies of the Bosphorus.

Apart from the mentioned motives and figures with many parallels on steles in the hellenistic towns of Asia Minor, the repertoire of the bosporan steles also shows motives, which do not reveal an influence or even adoption of current Hellenistic motives. Above all the representations of horsemen so popular since the 1st century B C in the sepulchral art of the Bosporan Empire deserve special mention. They were represented as an individual motive but also in combination with other pictorial elements, like for instance standing or seated figures, on the grave reliefs. As opposed by the motives and figurative elements stated so far it may be said with certainty that this motive is a local creation of the bosporan artisans (Рельефы 1990 № 9), which, in the following centuries, was widely accepted and used for relief stelae. The motive of the horseman is described by a precisely defined iconography: the horseman is seated on a horse, which is either walking or standing, normally he looks at the spectator, he is accompanied by a mounted or walking squire. Sometimes the arms are represented in minute details (Десятчиков 1972 С 71–72), they normally consist of goryt with a bow, sometimes complemented by a dagger, a shield or a spear. In some cases one horseman is accompanied by a second one, generally represented on a somewhat smaller scale in the background. Comparable to other figures of the grave reliefs, the horseman too, may be placed on a pedestal. The motive of the horseman too was interpreted especially under the aspect of the deified and hero-like status of the deceased (Бритова 1948 С 54, Матковская 1983 С 126, Рельефы 1990 № 19, Савостина 1992 С 361). This view was held true even in those cases where the author refers to the more realistic representations which lessened the heroic character of the motive (Рельефы 1990 № 19).

An analysis of some of the reliefs that – supported by their illustrations or their inscriptions – have the subject of the horseman or the death in the battle, shows, that the motive, regardless of its local origin, reflects social roles and ideals with whose fulfilment the deceased had distinguished himself. This is what they have in common with the other representations of motives of grave reliefs. These examples reveal also very clearly that the representations of horsemen do not necessarily lead to the conclusion that they must have belonged to a class of warriors or a caste of horsemen availing themselves of this motive in the cult of the dead. The inscription of the stele of Apollonios (КБН № 119) is recording his death while fighting, nevertheless he himself is represented statue-like on a pedestal, thus corresponding to the ideal of a publicly active citizen. The stele of the Chrestion from the 1st century A D, found in 1902 in Kerch, (КБН № 142) though shows the deceased as a horseman whereas the inscription describes him as a merchant who apparently died on a business tour. The stele of Stratoneikos from the end of the 1st / beginning of the 2nd century B C (КБН № 145, Гладкова 1979 С 36) also found in Kerch is especially informative in this respect. The inscription calls the deceased intel-

ligent and erudite, praising the wisdom of his books obviously he was a scholar or a writer. In accordance with the acknowledged ideal of his profession he is depicted in the upper of two relief scenes of the stele in the typical pose of an orator accompanied by the usual attributes of his profession the book rolls. A completely different aspect however is emphasised in the lower relief scene, showing a horseman in the typical manner. The employment of this subject surprises all the more, since the epigram mentions neither military virtues of the deceased nor a death in a battle.

The examples mentioned demonstrate clearly that death in a battle was not necessarily illustrated by the depiction of a horseman on the stelai, on the contrary the deceased could also be portrayed in the usual pose of a citizen. Vice versa, grave stelai with representations of horsemen indicate not automatically death in a battle, nor are they a reference to the military nature of the deceased's profession. War service was therefore not the main occupation of a distinct social group but was understood as a further field of activity of the bosporan citizen (Гладкова 1979 С 36). Thus the representation of horsemen can also be explained with a commonly acknowledged ideal. War service was regarded as a duty for the community, whose fulfilment was a virtue to be honoured by the public. This is strikingly reflected by the grave stele of Charixenes, erected in the 1st century A.D. (КБН № 140). The praise of his honour and reputation at king and people in the epigram is combined with the representation of a horseman. Here the allusion to public deference is given explicit expression with reference to the deceased's accomplishment of his military obligations.

The mentioned examples illustrate that although the depictions of horsemen are a local creation their purpose was the same as that of the other motives and representations employed for grave stelai. They also refer neither to grief nor to the heroic existence of the deceased but to commonly accepted virtues and values.

As a whole, the relief scenes as well as the epigrams of the grave stelai attest the existence of an essentially "hellenistic" system of values in the cities of the bosporan empire. Further ideals that could not be expressed adequately by means of the existing hellenistic iconographic models found their way in the repertory of the bosporan artisans in the form of locally developed, precisely defined figure types e.g. that of the horseman.

This iconographic repertoire remained unchanged over a long period of time. Evidently it met the requirements of the customers and was sufficient to answer their purpose. But the question arises whether or not all ethnic groups of the heterogeneous population of the bosporan cities are tangible by means of the grave stelai. Therefore it remains still undecided if the value system deduced from the grave reliefs was shared by the entire population or sustained only by a smaller part of it.

Литература

- Болтунова 1977 – *А И Болтунова* Надгробная эпитафия жены Дия // История и культура античного мира 1977
- Бритова 1948 – *Н Н Бритова* Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // КСИИМК 1948 Вып 22
- Гладкова 1979 – *Т А Гладкова* Изображения Боспорян в надгробном рельефе первых веков нашей эры // Проблемы античной истории и культуры М, 1979 Т 2
- Десятчиков 1972 – *Ю М Десятчиков* Катафрактары на надгробии Афения // СА 1972 № 4
- Матковская 1983 – *Т А Матковская* Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков нашей эры // Население и культура Крыма в первые века нашей эры Киев, 1983
- Рельефы 1990 – Боспорские надгробные рельефы Каталог выставки Л, Гос Эрмитаж 1990
- Савостина 1987 – *Е А Савостина* Опыт сравнительного анализа погребальных памятников Боспорские склепы и надгробия // КСИА 1987 Вып 191
- Савостина 1992 – *Е А Савостина* Многоярусные стелы Боспора семантика и структура // Сообщения ГМИИ им А С Пушкина 1992 Вып 10
- Breuer 1995 – *C Breuer* Reliefs und Epigramme griechischer Privatgrabmäler 1995
- Fabrizius 1999 – *J Fabrizio* Die hellenistischen Totenmahlreliefs 1999
- Ivanova 1962 – *A P Ivanova* Das Grabrelief von Bosphorus und Chersones Das Altertum 1962 Bd 8
- Schmidt 1991 – *S Schmidt* Hellenistische Grabreliefs Typologische und chronologische Beobachtungen 1991
- Wasowicz 1979 – *A Wasowicz* Les serviteurs sur les monuments funéraires du Pont-Euxin Elements pour une enquete Index Quaderni camerti di studi romanistici 1978–79 Т 8
- Zanker 1993 – *P Zanker* The hellenistic grave stelai from Smyrna Identity and self-image in the polis Α Βυθουχ η αι (Eds) images and ideologies Self-definition in the hellenistic World 1993
- Zanker 1995 – *P Zanker* Brüche im Bürgerbild ? Zur Selbstdarstellung in den hellenistischen Städten 1995
- Wörle Zanker 1993 – Stadtbild und Bürgerbild im Hellenismus Colloq M Wörle P Zanker (Eds) Munich 1993 (1995)

С В Кацаев Н В Кацовская

Новые Боспорские надгробия

Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2000 году продолжил исследование поселения, расположенного юго-восточнее станицы Вышестеблиевская, на берегу Кизилташского лимана По классификации Я М Паромова памятник получил наименование Вышестеблиевская–II (Паромов 1992 С 575–576)

За два сезона работы общая площадь раскопа составила 215 м кв По

датировкам, обнаруженных строительных комплексов и хозяйственных ям, можно выделить три основных хронологических периода жизни поселения. Первый – датируется второй половиной V – началом IV вв до н э, второй период – римского времени, дающий материал примерно I в до н э – III в н э и третий период – средневековый, с материалом характерным для салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. Предложенная схема подтверждается стратиграфически, а так же датировками подъемного материала с площади поселения. Хотя подъемный материал даёт находки и более раннего времени (первой половины V в до н э), в процессе раскопок они не зафиксированы. Связано это, по-видимому, с тем, что раскоп расположен на участке поселения, где отсутствуют более ранние комплексы, а керамика могла оказаться на поверхности в результате перемещения грунта при строительстве военного городка (Кашаев, Кашовская 1999 С 333).

Каждый выделенный период содержит характерную для него ‘свиту’ находок. Комплексы конца V в до н э (ямы № 5, 8, 9, 27) включают в себя четыре основных составляющих фрагменты амфор (хиосских пучлогорлых и прямогорлых, мендейских, лесбосских, фасосских), чернолаковой (аттической качественной), хозяйственной гончарной (импортной) и лепной посуды. Римские комплексы (ямы № 3, 4, 10, 21, 24, 26, СК 1) содержат фрагменты красно – и светлоглиняных узкогорлых амфор, гончарной и лепной, лощеной керамики. В средневековых комплексах (ямы № 1, 14, 18, 23, СК 3, СК 4) в большом количестве встречены фрагменты горшков с глубоким горизонтальным и волнистым гребенчатым орнаментом, хорошо известным по находкам на других салтово-маяцких памятниках, а также фрагменты красноглиняной гончарной керамики.

В 1999 году среди находок экспедиции были две надгробные стелы с иудейской символикой (Кашаев, Кашовская 1999 С 332–337). Пользуясь случаем, приносим извинения за неточности, допущенные в описании географического положения станицы Вышестеблиевской. Расстояние от неё до Тамани около 25 км, а до Фанагории около 15 км). Вновь продолжить тему боспорских надгробных памятников, нас заставляют четыре новые находки последнего сезона (рис 1), три из которых обнаружены в процессе раскопок, а четвертая была случайной находкой местных жителей. Все они дошли до нас не целиком, а в сильно поврежденном виде и иногда со следами вторичного использования, но их форма сохранившиеся детали и существующие аналогии позволяют интерпретировать их именно как надгробия. Три из них представляют собой фрагменты антропоморфных фигур, а четвертое – фрагмент прямоугольной стелы.

1 Антропоморф из хозяйственной ямы № 14 (рис 1 1)

Выполнен из известняка, лицевая поверхность обработана более тщательно чем остальные. Имеет форму близкую к параллелепипеду, высота ‘туловища’ 23 см, ширина 20,0 см, толщина 9,5–11,5 см. Общая высота с ‘шеей’ 26,5 см.

На нижней грани антропоморфа – следы вторичного использования – выдолблена канавка полукруглого профиля глубиной 1,5 см, характерная для каменных грузил. Видимо, потеряв свою первоначальную функцию, камень использовался в качестве якоря или груза для рыболовных сетей. Причем, в данном случае, древнему мастеру было достаточно выдолбить канавку только с одной стороны камня, с другой стороны канат крепился вокруг выступа – “шеи” антропоморфа.

Теоретически возможны три варианта реконструкции первоначального вида надгробия. Первый – камень дошел до нас без существенных изменений. Этот вариант представляется наименее вероятным, так как не удалось найти близких аналогий. В этом случае, возможно, интерпретировать находку как стелу “с маленькой головой”. Второй – мы имеем дело с нижней частью высокой некогда стелы, имеющей снизу выступ – шип для установки в горизонтальной плите. Находки подобных стел известны на Боспоре (Соломоник 1959 С 100 № 45), но они, как правило, имеют более массивный, пропорциональный размерам стелы, шип, способный прочно удерживать плиту в вертикальном положении. Этот вариант нам не подходит из-за слишком маленьких размеров шипа, который не мог, как нам кажется, служить надёжным фиксатором рассматриваемой стелы. И третий вариант, который представляется наиболее вероятным – первоначально антропоморф имел округлую голову, характерную для данного вида находок на Боспоре и известную по многочисленным аналогиям (Иванова 1950 С 242 Рис 4, С 243 Рис 5).

Придерживаясь этой версии, приводим вариант возможной реконструкции, нашего антропоморфа с головой (рис 2 1) и прорисовку по фотографии (рис 2 2) антропоморфа найденного в Керчи (Латышев 1904 С 72 № 78). Последний был обнаружен расколотым на две части – туловище и голову, разлом прошел в самом узком месте – по шее. Скорее всего, нашу находку постигла подобная участь – утрата головы. Позднее, после необходимой доработки, камень был использован вторично как груз.

Другой археологический материал из ямы №14, где обнаружен антропоморф – немногочисленный – несколько мелких фрагментов лепной и гончарной керамики. Датированными находками могут быть фрагмент амфоры римского времени и полный профиль лепного горшка с орнаментированным венчиком. Возможной аналогией ему могут быть горшки из раскопок салтово-маяцких поселений (Плетнева 1981 С 161 Рис 47 1–3). Исходя из того, что фрагменты ранней керамики, могли попадать в поздние комплексы (наглядным примером этого может служить средневековая яма № 1), представляется возможным датировать яму №14 средневековым временем и связать ее с салтово-маяцким периодом жизни поселения.

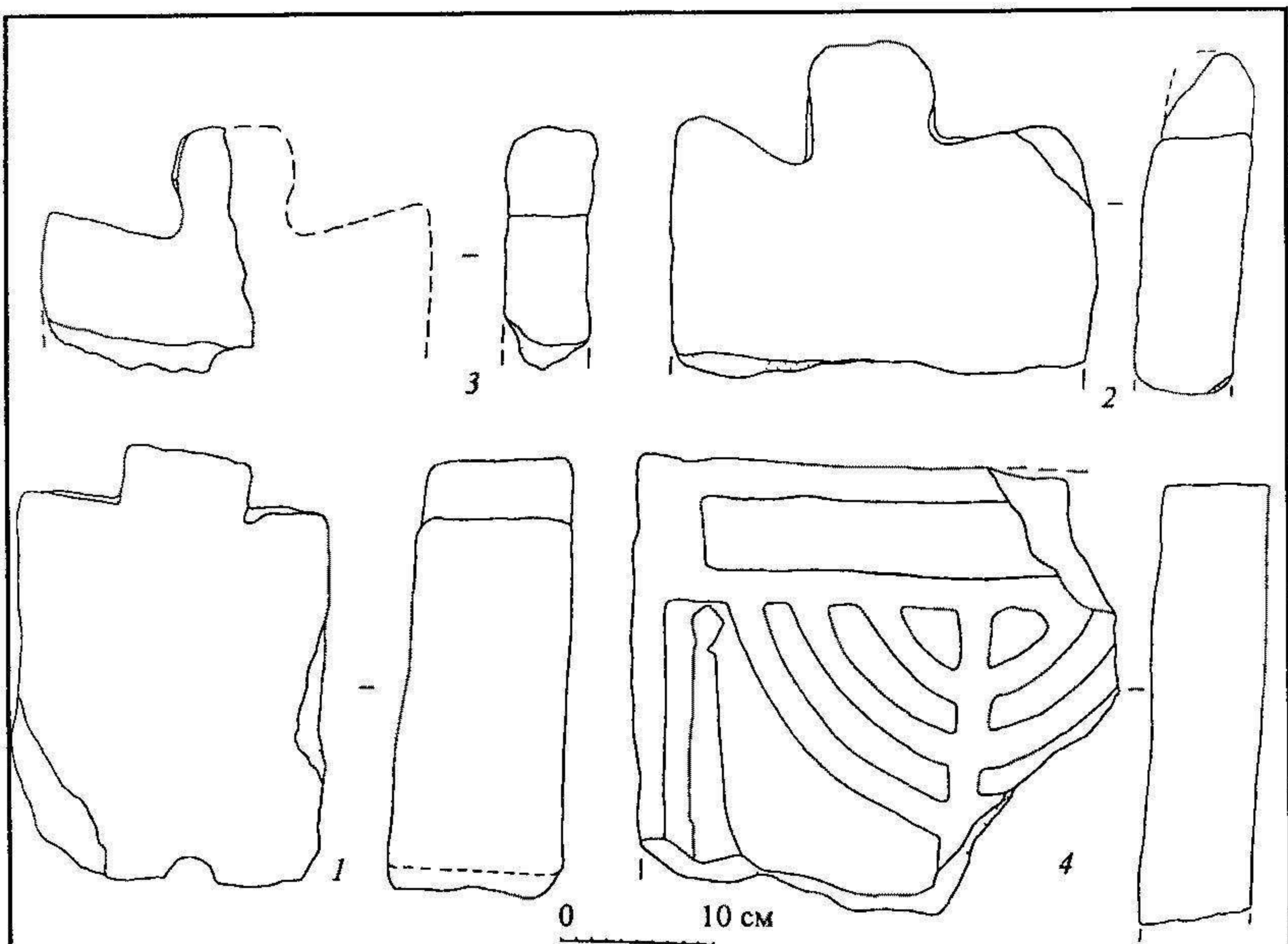

Рис 1 Находки 2000 года из Вышестеблиевской

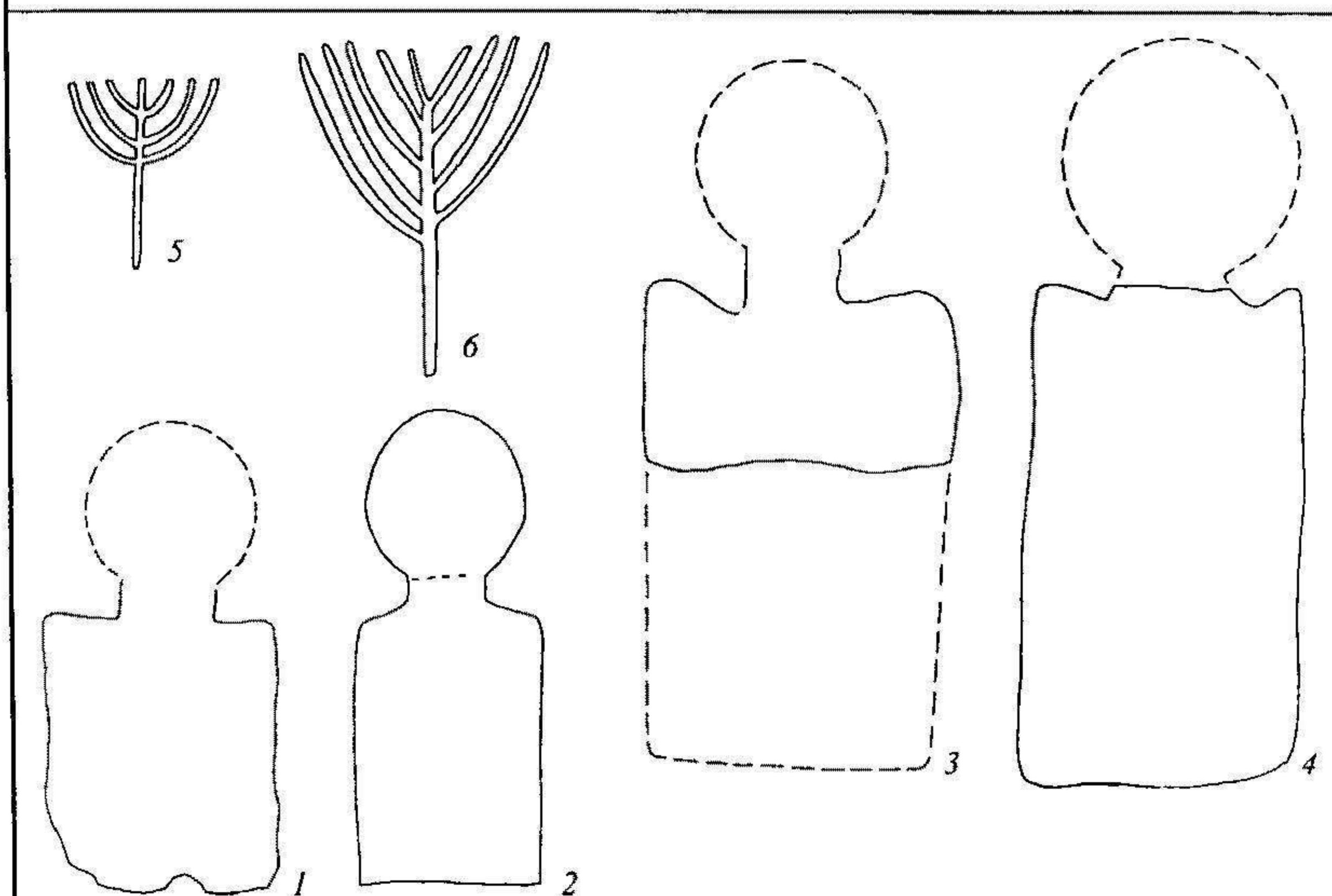

Рис 2 Реконструкции боспорских антропоморфов (1-4) и варианты семисвечников (5, 6)
Без масштаба

2 Фрагмент антропоморфа из каменного завала в землянке СК 4, квадрат I B b (рис 1 2)

Изготовлен из плоской плиты мягкого, пористого известняка – ракушечника. Фигуре антропоморфа придана трапециевидная форма – с плечами чуть более широкими, чем нижняя часть. По-видимому, принадлежит к числу антропоморфов с так называемыми “поднятыми плечами”. Сохранившиеся размеры фрагмента – высота 20,0 см, ширина 27,0 см, толщина 6,5–7,0 см. Как и в первом случае, мы имеем дело с небольшим фрагментом, оставшимся от целой стелы. Отсутствие нижней части стелы очевидно, а утрату головы мы предполагаем.

Аналогией нашей находке можно считать антропоморф, найденный в Мирмекии (Гайдукевич 1947 С 97 Рис 5). Для наглядности приводим реконструкцию возможного первоначального облика вышестеблиевской стелы (рис 2 3) и прорисовку по фотографии мирмекийского надгробия (рис 2 4). По надписи расположенной на его лицевой поверхности В Ф 1 Гайдукевич датировал находку позднееримским временем (Гайдукевич 1947 С 197).

Стратиграфическая ситуация в квадрате I B b выглядит следующим образом. Наиболее ранним комплексом является яма № 26 римского времени, примерно на 0,5 м выше устья ямы находился пол землянки (СК 4), впущенной примерно с уровня строительного комплекса СКЗ. Последний представляет собой округлую в плане конструкцию, сложенную в один ряд из некрупных камней, ширина кладки 0,4–0,5 м. Скорее всего, СКЗ является основанием для круглой, не капитальной постройки типа юрты и связан с салтово-маяцким периодом жизни поселения. Подквадратная в плане землянка СК 4 размером 3,2–3,4 м, после прекращения своего существования, была частично завалена камнями, среди которых и обнаружен фрагмент антропоморфа, а также керамический материал римского и средневекового времени. Исходя из описанной стратиграфической ситуации, выявляется синхронное функционирование комплексов СК 3 и СК 4, находки керамики также подтверждают это предположение. Можно сделать вывод, что землянка СК 4, в которой обнаружен антропоморф, датируется средневековым временем.

3 Фрагмент антропоморфа из ямы № 1 (рис 1 3)

Изготовлен из плоской плиты мягкого известняка – ракушечника. Сохранившаяся высота 15,0 см, ширина до 13,5 см, толщина 5,5 см. Реконструируемая первоначальная ширина в “плечах” 25,0 см.

В данном случае мы имеем дело с небольшим фрагментом – плечом и частью шеи – оставшимся от антропоморфа аналогичного по форме предыдущему (рис 1 2). В поле, при наложении одного фрагмента на другой совпадение их внешних контуров было просто очевидно.

Материал из ямы № 1 типичен для памятников салтово-маяцкой

культуры VIII–X в. Прежде всего – это, множество фрагментов горшков с горизонтальным и волнистым гребенчатым орнаментом, известным по многочисленным аналогиям (Плетнёва 1981 С 161 Рис 47 10–15, Плетнёва 1976 Рис 15, 16), а также фрагменты красноглиняной керамики. Одной из интересных находок стала полностью реставрированная высокая корчага, сосуды таких типов часто встречаются на салтовских памятниках (Плетнёва 1976 Рис 15). Яма № 1, по обнаруженным в ней находкам, надёжно датируется средневековым временем.

В литературе датировки боспорских антропоморфов имеют широкие рамки. Одна из ранних дат предложена В. В. Шкорпилом. Он датировал антропоморфы, по имеющимся на них греческим надписям, IV, III–II вв. до н.э. (Иванова 1950 С 242, Шкорпил 1910 С 101, 107). Имеется так же упоминание о могилах II в. до н.э., перекрытых фрагментами антропоморфов (Иванова 1950 С 240), но большинство стел всё же датированы римским временем (Иванова 1950 С 242). Антропоморф, прорисовка которого приведена на рис. 2, 2, датирован по имеющейся на нём надписи римским временем (Латышев 1904 С 72).

Рассматривая контекст обнаружения трёх вышестеблевских антропоморфов (рис. 1 1–3), можно выделить общие для них черты: все они найдены в средневековых комплексах (ямы № 1, 14 и СК 4), во фрагментах и вторичном использовании. Значит, к этому времени они уже были повреждены и потеряли своё сакральное значение, а носители салтово-маяцкой культуры воспринимали их как строительный материал. Учитывая датировки существующих аналогий и то, что вышестеблевские стелы обнаружены в средневековых комплексах, считаем возможным соотнести их с предшествующим, то есть римским периодом жизни поселения и датировать III–IV вв. н.э.

По завершении полевого сезона все три представленные фрагмента антропоморфов переданы на хранение в Таманский музей.

4. Фрагмент надгробия с семисвечником (рис. 1 4)

Сохранившаяся высота 27,5 см, ширина 31,0 см, толщина 7,5 см. Глубина рельефа 1,5 см. Если допустить, что середина семисвечника находилась примерно по середине целой плиты, то реконструируемая изначальная ширина надгробия около 44,0 см.

От плиты сохранилась верхняя, левая часть. На лицевой стороне, в центре, выбито выпуклое изображение меноры – семисвечника. Выше него углубление – ‘экран’, слева трубный рог – шофар, от которого сохранилась только верхняя часть. Всё изображение по краю окружено бортиком. Лицевая и боковая стороны тщательно обработаны, задняя сторона обработана значительно хуже, на ней имеется глубокая (до 3 см), каверна, видимо, естественного происхождения. В углублениях между рожками семисвечника и вокруг шофара заметны следы красной краски.

Плита была случайно обнаружена местными жителями в районе

поселения Вышестеблевская-1, по классификации Я М Паромова (Паромов 1992 С 551–554 № 173) Оно расположено в западной части станицы, вдоль берега Цокур лимана. Общая площадь поселения около 33 га, южная часть площадью около 5 га затоплена водами лимана. Подъемный материал с поселения датируется V в до н э – III в н э. В настоящее время памятник очень сильно поврежден, если не сказать уничтожен, песчаным карьером при местном кирпичном заводе.

Обнаруженная плита на сегодняшний день является очередным добавлением к большому числу иудейских надгробных плит найденных на обоих берегах Боспора в XIX–XX веках. Изучение надгробий, со времени первых находок выросло в самостоятельную научную тему и развивалось по различным направлениям: эпиграфический анализ, орнаментальное оформление, архитектура памятников. Это позволило подтвердить наличие теперь уже установленное, межэтнических контактов, в которые были вовлечены переселенцы-иудеи. Подобные отношения привели к появлению смешанных синкритических и квазипрозелетических культов на периферии античного мира или с элементами иудаизма или на его основе (Левинская 2000 С 51, 129, 144).

Прошлогодние (Кашаев Кашовская 1999 С 337) и нынешняя находки анэпиграфные и одним из источников их приблизительной датировки являются изображенные на плитах символы: семисвечник, трубный рог – шофар и пальмовая ветвь – лулав. Попробуем атрибутировать надгробия на основании имеющихся изображений перечисленных символов с хронологическими привязками.

Имеется много опубликованных примеров изображения семисвечников, встречаемых при раскопках различных памятников на всей территории Римской империи. Колонна Трояна (Ринкер 1999 Рис 69) мозаики из синагог, надгробные стелы, росписи склепов показывают примерно однотипную 'геометрическую' форму меноры (Сэмюэлс 1990 126, 129, 134). Ее особенностью являются дуги светильника в виде полукругов с центром в точке пересечения ствола и горизонтальной линии, соединяющей чашечки светильника. Многочисленные аналогии, как нам кажется, позволяют считать именно такое изображение меноры характерным для римского времени. Подобной формы менора изображена на находках этого (рис 1-4) и прошлого (Кашаев Кашовская 1999 С 337) сезонов.

Появление изображения меноры, как иудейского символа, по всей видимости, следует связывать с событиями Маккавейских войн (167–142 гг. до н э) когда чудесным образом, светом и маслом одной меноры в течение 8 дней (165 г. до н э) происходило освещение Храма от языческого осквернения. К сожалению мы не имеем примеров изображения семисвечников столь раннего времени, но дошедшие до нас памятники, начиная с I в н э, дают уже сложившуюся традицию.

Изображения лулава как пучка веток или одинокой пальмовой ветви стало появляться на монетах Иудеи после завоевания ею политической самостоятельности и образования государства с династией Хасмонеев, затем Иродов (157 г до н э – 70 г н э) На медных монетах царей Антигона и Ирода изображены пальмовые ветви а на монетах Агриппы I вычеканена и менора-ханукия но довольно стилизованного варианта (Сэмюэлс 1990 101 108, 117)

В качестве примера утверждающейся новой орнаментальной традиции которая затронула иудейский центр и диаспору, можно привести плиту с большого некрополя Бет-Шеарим, что на севере Израиля На ней изображен семисвечник на подставке слева от ствола меноры – изогнутый рог ниже вырезана греческая надпись (Сэмюэлс 1990 С 134) Приводим прорисовку меноры с этой плиты (рис 2 5) Некрополь, по комплексу находок датируется III в н э На рубеже второго-третьего веков в Бет-Шеарим активизируется социальная и культурная жизнь, после гонений Адриана (середина II в н э) здесь был восстановлен центр изучения иудаизма и открыты заново учрежденные Синедрион и Академия Наличие еврейских надгробий с эпитафиями на греческом языке является совершенно нормальным явлением для того времени и показывает глубину проникновения в иудейскую среду греческой культуры Такое явление наблюдалось в центре Палестины а окраины греко-римского мира с иудейской диаспорой представляли еще более тесное и пестрое смешение

Боспорские надгробные памятники не противоречат общей тенденции Нам известны крымские надгробия с изображением иудейских символов в Херсонесе, Вилино Эски-Кермене – (Соломоник 1994 С 14, Соломоник 1997 С 19 Рис 3–4) и Пантикапее (Даньшин 1993 С 68) которые датируются их публикаторами примерно одним и тем же временем – III–IV вв н э

На этой группе памятников Д И Даньшин делает вывод что в III в н э в Пантикапее среди иудейского населения ‘отмечается появление традиции постановки надгробий с иудейской символикой’ Обсуждая проблему существования иудейской общины Фанагории в IV–V вв н э он находит в керченском собрании надгробий подтверждение появлению иудейских поселений в этом районе Тамани в данное время (Даньшин 1993 С 68) Из изображаемых символов преобладают менора и рог Менора на всех плитах вырезана одной формы – ‘геометрической’ – с округлыми рожами светильников Это наглядный пример проникновения изобразительной традиции римского времени на Боспор

Занимаясь описанием новых надгробных памятников, не будем забывать о находках сделанных в районе Вышестеблевской ранее На ‘Батарейке’ В С Долгоруков обнаружил прямоугольную стелу

из известняка-ракушечника с греческой надгробной надписью В Археологических Открытиях за 1977 год сообщается о работах на городище (Басовская 1977.С 104), но о находке плиты не сказано В П Яйленко перевел греческую надпись и описал плиту, и пишет о ней как о находке 1976 года (Яйленко 1987 С 20) По надписи автор датирует плиту III–IV вв н э Особенно отмечают им стиль эпитафии, формула, начинающая надпись “Здесь покоится ”, – и ее курсивный шрифт как основные датирующие элементы “Еврейские плиты” (Яйленко 1987 С 21), которые в КБН зафиксированы под номерами 743, 1225 (КБН 1965 428, 718) как считает В П Яйленко, своей аналогичной формулой, предваряющей эпитафию, и датировкой дополнительно аргументируют его мнение, хотя на плите с ‘Батарейки’ нет ни иудейских, ни христианских символов Дополнительно можно сказать что подобная преамбула эпитафии становится одной из типовых и для еврейскоязычных надгробий но значительно позже

Чем дальше во времени от античного наследия, тем более терялись традиции, менялись культурные ориентиры, менялась вся культурно-историческая ситуация На смену приходили новые вкусы новых создателей традиций Их первыми характеристиками был, как нам кажется, примитивизм и простота Это напрямую отражает историческую судьбу еврейских и иудаизированных общин раннего средневековья На надгробных плитах продолжают изображать менору, но она меняет свои очертания становится более схематичной и стилизованной – теряется округлость рожков В качестве примера можно привести беспаспортную надгробную плиту из Керченского музея (Соломоник 1997 Рис 4) Она содержит изображение меноры, над которой прорезаны отдельные еврейские буквы по начертанию их можно отнести к раннесредневековому или более позднему времени, но не античному Менора имеет “треугольную” форму, рожки – светильники сходятся к центральному стволу под острым углом, приводим прорисовку по фотографии этой меноры (рис 2 б)

Изображение такой ‘треугольной’ меноры характерно для средневековья, к тому же, оно почти не встречается в композиции с шофаром и лулавом В раннее средневековье менора, как позволяют нам судить опубликованные материалы, часто не выбита в камне а скорее прорисована или процарапана Примитивным рисунком выполнена менора на кирпичах из Челарсево (Эрдели 1983 С 177 Рис 3) и в Партенитах (Кондараки 1883 С 238) На блоках и кирпичах городища Шамран на севере Азербайджана находил прорисовки ‘треугольной’ меноры азербайджанский археолог Р Б Геюшев В течение трех лет (1987 – 1990 гг) он вел раскопки на городище Доктор Геюшев в устной беседе рассказывал автору о изображениях семисвечников и датировал их по находкам керамики и характеру

каменных кладок хазарским временем К сожалению, нам пока не удалось найти публикации Р Б Гсюшева по городищу Шамран

Приведенные выше доводы позволяют отнести фрагмент надгробия с иудейской символикой из Вышестеблиевской–I к III–IV вв н э Все находки надгробий из Вышестеблиевской–II, хотя и разнохарактерные – антропоморфы, надгробия с иудейской символикой, стелы с греческим текстом, подтверждают наличие в этом районе могильника позднееримского времени

В заключении можно сказать, что для уточнения датировок Боспорских надгробий, необходима их систематизация, скорейшая публикация всех обнаруженных плит и создание общего свода памятников – “Корпуса боспорских надгробий”

Литература

Басовская и др 1978 – *И И Басовская В С Долгоруков В Д Кузнецов, Т Г Шавырина, В П Яйленко* Исследования Фанагории // Археологические открытия 1977 г М, 1978

Гайдукевич 1947 – *В Ф Гайдукевич* Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмексия // ВДИ 1947 № 3

Даньшин 1993 – *Д И Даньшин* Фанагорийская община иудеев // ВДИ 1993 № 1

Иванова 1950 – *А П Иванова* Боспорские антропоморфные надгробия // СА 1950 XIII

Кашасв, Кашовская 1999 – *С В Кашасв И В Кашовская* Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани // Боспорский феномен греческая культура на периферии античного мира Материалы международной научной конференции СПб, 1999

Кондараки 1883 – *В Х Кондараки* В память столетия Крыма Том “История и археология” М, 1883

Латышев 1904 – *В В Латышев* Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901–1903 годов) // ИАК 1904 Вып 10

Левинская 2000 – *И А Левинская* Десяния апостолов на фоне еврейской диаспоры Санкт-Петербург, 2000

Паромов 1992 – *Я М Паромов* Археологическая карта Таманского Полуострова М 1992 (ИНИОН РАН № 47103 1 10)

Плетнёва 1976 – *С А Плетнёва* Хазары М 1976

Плетнёва 1981 – *С А Плетнёва* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья М, 1981 – (Археология СССР)

Ринекер, Майер 1999 – *Ф Ринекер, Г Майер* Библейская Энциклопедия Брокгауза Русское издание Кременчуг, 1999

Соломоник 1959 – *Э И Соломоник* Сарматские знаки Северного Причерноморья Киев, 1959

Соломоник 1994 – *Э И Соломоник* Новая находка в Крыму плиты с изображением семиевечника // Крымский музей №1 Симферополь, 1994

Соломоник 1997 – *Э И Соломоник* Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма Очерки истории Симферополь Иерусалим, 1997

- Сэмюэлс 1990 – *P. Samuels* По тропам еврейской истории Иерусалим, 1990
- Шкорпил 1910 - *В. В. Шкорпил* Боспорские надписи найденные в Керчи в 1910 году // ИАК 1910 Вып 40
- Эрдели 1983 – *И. Эрдели* Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // СА 1983 № 4
- Яйленко 1987 – *В. И. Яйленко* Материалы по Боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии Кипра и Античного Северного Причерноморья М., 1987

В. Л. Мыц, А. В. Лысенко, В. Ю. Юрочкин

Некрополь Пантикапея-Боспора: проблемы и перспективы исследования

Некрополь Пантикапея-Боспора, занимающий значительный участок северного склона г. Митридат, некогда подаривший науке целый ряд выразительных и самобытных комплексов, неизменно привлекает внимание исследователей позднеантичной и раннесредневековой эпохи. Хотя большинство известных ныне погребальных сооружений подверглось разграблению еще в XIX – начале XX вв. сохранившиеся материалы активно используются для характеристики различных аспектов материальной и духовной культуры населения Боспора. Сведения о них частично опубликованы в “Известиях Императорской Археологической комиссии”, “Материалах по археологии России” и других изданиях. Склепы с росписью специально рассмотрены М. И. Ростовцевым в монографии “Античная декоративная живопись на Юге России”. Находки из наиболее ярких и показательных комплексов стали доступны благодаря публикациям И. П. Засецкой.

За прошедшие годы накопился целый ряд проблем и неразрешенных вопросов этнического и социального состава населения оставившего некрополь, хронологии и конфессиональной атрибуции комплексов.

Пока отсутствует специальное исследование касающееся архитектуры склеповых конструкций позволяющее в динамике проследить преемственность и изменения в приемах сооружения гробниц на протяжении функционирования некрополя. Следует отметить, что работы прошлых лет содержат, по большей части, мелкомасштабные планы отдельных склепов, и лишь в исключительных случаях – фасировки, с присущим им схематизмом исполнения. Это осложняет типологическую классификацию погребальных сооружений. Не менее важно картографирование известных объектов, сопоставление их с планом современной застройки позволяющее очертить границы некрополя и соотнести их с культурными напластованиями на окрестной территории Пантикапея.

Традиционная версия о некрополе как о месте захоронения исключительно боспорской элиты небыстречна Она базируется, прежде всего на богатых находках из нескольких склепов ул Госпитальной, оказавшихся в распоряжении ученых О составе инвентаря большинства склепов мы располагаем лишь отрывочной и не всегда надежной информацией Вместе с тем, уже сейчас известно, по предварительным оценкам, более сотни погребальных сооружений сходных по конструкции, не позволяющих предполагать строгой социальной дифференциации участков могильника В древности катакомбных сооружений такого рода, естественно было куда больше и число их должно быть увеличено по крайней мере в несколько раз В В Шкорпил полагал, что здесь расположено как минимум тысяча склепов Компактность в расположении катакомб, лишний раз свидетельствует о регламентации границ кладбища городскими властями, те сохранении в это время определенных социальных институтов города

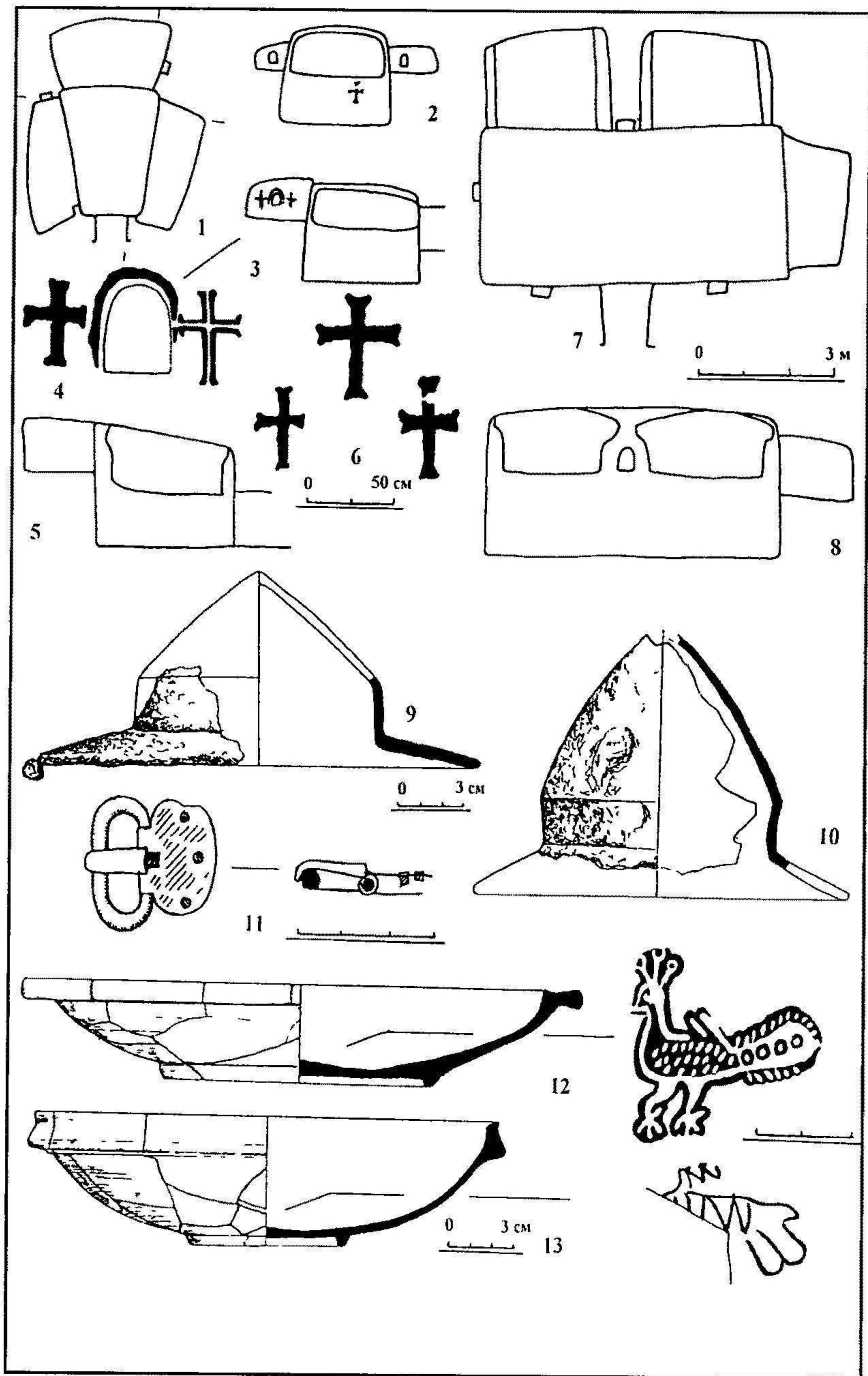
Несмотря на сложную этническую ситуацию в районе Боспора (присутствие аланов, германцев, гуннов), а также явные варварские элементы в культуре, искусстве и ремесле, на некрополе господствует традиционный тип грунтового склепа с лежанками, известный в этом регионе еще в первые века н э Причем речь идет о семейных склепах, что подчеркивает определенную преемственность между культурой позднеантичного времени и предшествующей эпохи Либо масштабы варваризации столичного населения преувеличиваются исследователями либо тип погребального сооружения в данном случае не может выступать как показатель для этнической атрибуции погребенных Возможно, это обусловлено некой традицией в сооружении погребальных конструкций, носителями которой была определенная группа населения Пантикапея издревле специализировавшаяся на оборудовании мест погребения, тем самым сохранившая приемы и формы, унаследованные от предшествующих поколений

Не вполне разрешенной остается проблема конфессиональной принадлежности погребенных В настоящее время известно всего несколько склепов, на стены которых нанесены изображения креста или других христианских символов Их число несравнимо с общим количеством погребальных сооружений Вместе с тем, предположение о языческом характере основной массы погребений лишь по признаку отсутствия христианской символики кажется не однозначным Находки на территории Боспора свидетельствуют о довольно раннем (по крайней мере со второй половины II в) распространении христианства Неоспоримо существование Боспорской епархии, подтверждаемое актами Вселенского Собора в Никее 325 г В "Похвале священномученику Фоке", составленной епископом Амасии Астерием (вторая половина IV в) упоминается

боспорской правитель, приносивший пожертвования храму св Фоки В середине V столетия в церковных соборах деятельное участие принимал епископ Евдоксий Вероятно, справедливо замечание Н Н Болгова относительно роли Боспорской церкви в сохранении культурного континуитета Особенно это показательно как раз для периода ослабления царской власти на Боспоре Стоит отметить, что склепы с христианской символикой расположены не на отдельном участке, а среди других (часто однотипных) “языческих” катакомб Складывается впечатление, что христианская символика это скорее исключение, нежели правило Сама конструкция склепов, хотя и связана с местной традицией, но в тоже время вполне соответствует христианским представлениям о форме захоронения тела (срав Гроб Господень) Не должно смущать и обилие инвентаря в погребениях Это, надо полагать, скорее дань древней культурной традиции, нежели проявление языческих воззрений на загробный мир В таком случае инвентарь переосмысливался в связи с христианской доктриной, приобретая иное, часто противоположное значение Возможно, надо искать иные объяснения отсутствию христианской символики в одних погребениях и наличия таковой – в иных Известно, что долгое время не существовало сколько – нибудь строго фиксированного христианского обряда Источники по истории церкви обычно повествуют лишь о литургическом характере поминальной процессии, не уделяя должного места внешней атрибутике обряда и не конкретизируя его отдельные детали Не исключено, что в упомянутых склепах погребены люди, принявшие крещение уже на смертном одре Такая практика была довольно распространена в ранневизантийскую эпоху, хотя и подвергалась критике со стороны со стороны церковных иерархов В таком случае кресты на стенах и у входа в катакомбу должны были “удостоверить” православие погребенных

До сих пор существует ряд проблем в хронологии как некрополя в целом, так и отдельных категорий инвентаря Датировка данного участка городского кладбища “гуннским временем” условна и не полностью отражает историко-археологический контекст памятника Не ясна хронология ряда ремесленных изделий и украшений, например некоторых типов фибул, пряжек и поясных наборов Сопоставление датировок вещей с планиграфией некрополя, указывающей на относительную хронологию, может дать неожиданные результаты

Все это создает необходимость продолжения изучения всего круга вопросов, касающихся позднеантичного и раннесредневекового некрополя Пантикапея, в том числе проведение новых полевых исследований с целью уточнения топографии, хронологии и типологии погребальных сооружений При этом нельзя полностью исключать возможности открытия еще не разграбленных склепов В последнем десятилетии одним

из направлений работы Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины стало изучение позднеантичных памятников Крыма и Боспора в частности

Начало охранных исследований группы позднеантичных и раннесредневековых погребальных сооружений, было обусловлено открытием прохода в систему склепов на участке (площадью 76 x 24), расположенном под жилой застройкой по ул Желябова (бывшая Первая Подгорная) В ходе работ, проводившихся экспедицией Крымского филиала ИАНАН Украины, при участии Керченского Государственного историко-культурного заповедника (А Л Ермолин) и Русского общества спелеологии и спелеонавтики (М Ю Сохин) выполнена детальная теодолитная съемка рельефа и жилой планировки в районе вновь выявленной части могильника и подземная полуинструментальная съемка системы из 47 склепов Кроме того произведены архитектурные обмеры погребальных сооружений (в масштабе 1:20) с высотной привязкой к поверхности Шесть склепов зачищены, собран вещевой и антропологический материал

Все исследованные склепы, ориентированные дромосами на С-СЗ, вырублены в мягком материковом мергеле, на склоне горы, на глубине 3-5 м В размещении катакомб четкой системы нет, однако заметна некоторая упорядоченность Прослеживается три ряда погребальных сооружений, расположенных вдоль склона (по направлению ЮЗ-СВ) на различной глубине от современной поверхности Но довольно много склепов размещено с нарушением этого принципа

К началу нашего обследования большинство сооружений были частично заполнены грунтом а некоторые в прошлом заилены в результате затопления стоками вод Каждый из склепов состоит из дромосной ямы, погребальной камеры и соединяющего их коридора (шириной 0,60-0,80 м, высотой 1,10-1,20 м), закрытого снаружи каменной закладной плитой в нескольких случаях сохранившихся *in situ* Погребальные камеры представляют собой подземные вырубные помещения с плоским потолком уровень которого повышается от входа к прогивоположной стороне В стенах камеры на высоте 1,00-1,20 м от пола вырезаны глубокие, трапециевидные в плане лежанки (длиной 1,60-2,80 м, шириной 0,40-1,70 м) для установки гробов и ниши с арочным сводом (размером 0,10 x 0,15-0,25 x 0,50) В отдельных случаях ниши вырублены в стенках лежанок

По особенностям объемно-планировочного решения склепы можно предварительно разделить на несколько групп В первую входят погребальные сооружения с подпрямоугольными в плане камерами, ориентированными длинной осью перпендикулярно дромосу, с тремя, реже двумя лежанками, профили боковых стенок которых усложнены в верхней части покатыми уступами Некоторые их склепов этой группы отличаются особенно большими размерами (длиной 6,20-7,10 м, шириной 2,60-2,70 м) с высокими поголками, с двумя лежанками в длинной

противоположной входу стене Ниши числом от 2 до 5 обычно располагаются по обеим сторонам коридора, между смежных лежанок и на свободных стенах (рис 7-8). Вторую группу составляют склепы меньшего размера, ориентированные длинной осью примерно по оси дромоса. В них, как правило, 3 лежанки и 1-3 ниши. Длина камер 2 10-2 20 м, ширина 1,20-2 20 м. К третьей группе мы относим небольшие склепы с одной лежанкой и одной нишей. Следует отметить погребальные сооружения неправильной формы и необычной ориентацией камеры которых 'вписаны' между уже существующими склепами и соединены с ними древними "сбояками". Не исключено, что форма и размеры в данном случае могут оказаться хронологически значимыми признаками.

Большинство склепов отличается довольно высокое качество обработки. На стенах видны следы орудий, которыми проводилась "доводка" а возможно и выборка камер. Видимые отпечатки позволяют судить о том, что это были орудия с широким, слегка скругленным режущим краем (шир 6,5-12,2 см). Характер расположения отпечатков показывает, что многие склепы сооружались в несколько приемов: вырубались дополнительные лежанки или удлинялись уже существующие. После обработки камеры на ее стены наносилась разметка контуров лежанок и ниш, прочерченная по мергелю острым предметом.

На стенах четырех склепов видна роспись, выполненная красной охрой. Три из них (№ II, XI, LI), относящихся к первой группе заилены. Через слой натечного ила можно заметить, что лежанки и ниши по контуру украшены геометрическим орнаментом из треугольников. Расписной склеп № XVI относится ко второй группе. На стенах и потолке его камеры изображено 6 христианских крестов высотой 0,33-0 47 шириной 0 23-0 34 (рис 1-6).

Интересно так же сюжетное граффити на дальней стенке лежанки склепа XXV. Здесь тонкой линией прочерчены две стилизованные человеческие фигурки (выс 0,30-0,36 м) с поднятыми руками. У пояса изображенных фигур заметны горизонтальные линии с перекрестиями у правого окончания черты, по-видимому, схематическое изображение 'меча в ножнах'. В 5 см от антропоморфных изображений в той же технике исполнен профиль корабля (выс 0 35 м дл 0,5 м) развернутого к ним носовой частью (левым бортом к зрителю). Судно одномачтовое, видимо с двумя парусами: основным прямоугольным и дополнительным - треугольным, заметны так же два рулевых весла на корме. На боковой стенке соседней лежанки того же склепа сохранился фрагмент изображения второго подобного судна. Виден профиль его кормы с двумя 'двурогими' якорями.

Несмотря на то, что все изученные склепы были неоднократно ограблены, при их обследовании удалось получить некоторые сведения о практиковавшемся на некрополе погребальном обряде. Судя по количеству лежанок, большинство погребальных сооружений могильника

использовались для многократных захоронений. Состав антропологического материала указывает на то, что это были семейные склепы. Наличие древесного тлена и железных гвоздей на лежанках свидетельствует о том, что покойные находились в гробах. Исходя из формы и уклонов поверхности лежанок, можно предположить, что на боковых лежанках погребенных размещали ногами к дромосу (головой чаще всего на ЮЗ). В больших склепах первой группы с двумя лежанками в одной стене умерших помещали на них, видимо, головами друг к другу. В некоторых склепах на лежанках прослежена подсыпка из раковин морских моллюсков и песка.

В числе погребального инвентаря, собранного в процессе зачистки фрагменты амфорной тары, краснолаковой и лепной посуды, изделия из железа (ножи, пряжки, умбоны), бронзы (накладки на шкатулки, пряжки), бусины.

Предварительный анализ погребального инвентаря показывает, что обнаруженные склепы относятся к первому (вторая половина IV – первая половина V в.) и второму (вторая половина V – первая половина VI вв.) периодам по классификации И. П. Засецкой. Показательны в этой связи находки пряжек второй половины IV в. из склепа XXV (рис. 11), умбонов типа Zieling K 2 IV в. (рис. 9), в склепе IV и типа Csongrad/Zieling L (конца IV – первой половины V в.), в склепе XV (рис. 10). Представлены образцы краснолаковой посуды группы «Поздний римский C» формы 3 (по классификации Дж. Хейса) – первой половины VI в. (рис. 13). В склепе № VI обнаружены совместно блюдо группы «Африканские краснолаковые сосуды» формы 69, второй четверти V в. и группы «Поздний римский C» формы 3, типа F (рис. 12), первой половины VI в., что, как представляется, свидетельствует о длительности использования погребального сооружения.

Формы крестов, помещенных на стенах склепа XVI (рис. 1–4), напоминают аналогичные изображения из «катакомбы 491», а так же крест, вырезанный на каменном надгробии диакона Евсевия 437 г. Скорее всего, христианский склеп должен быть датирован в пределах V в. Римская монета эпохи Константина, или его ближайших приемников, обнаруженная на одной из лежанок катакомбы, датирующего значения не имеет. Изображение на ней фактически полностью стерто, а просверленное отверстие заставляет видеть в ней украшение и не более.

Дальнейшее изучение вновь открытой системы склепов позволит уточнить хронологию данного участка позднеантичного-раннесредневекового некрополя боспорской столицы и будет способствовать разрешению вышеуказанных спорных вопросов.

Блюдо царя Рескупорида из погребения с Золотой маской

Несомненно самым ярким комплексом для Боспора римской эпохи является знаменитое погребение с Золотой маской, открытое директором Керченского музея Антоном Балтазаровичем Ашиком в 1837 г на Глинище в Керчи. Уникальное “царское” погребение издано до сих пор в очень неполном виде и приходится использовать сведения из художественного сочинения А. Б. Ашика “Часы досуга”, 1850 года и данные о комплексе, указанные Флорианом Жилем в 1854 году в “Древностях Боспора Киммерийского” на основании отчетов и рапортов о раскопках в 1837–1838 гг. директора Керченского музеума. С тех пор, с момента первых публикаций, самые яркие находки из этого комплекса стали широко иллюстрировать в отечественной и западноевропейской литературе раздел по античному Боспору (Benndorf 1878, Linas de 1878, Minns 1913, Ebert 1921, Kondakov, Tolstoj 1889, 1890, Reinach 1892). Комплекс вошел в науку под разными названиями “Погребение царицы с Золотой маской”, “Погребение царя Рескупорида III”, “царская гробница жены Рескупорида II”, “погребение с Золотой маской 1837 года”, “комплекс Глинище 1837 года”, “Grab mit goldene Maske, Jahre 1837” и т. д.

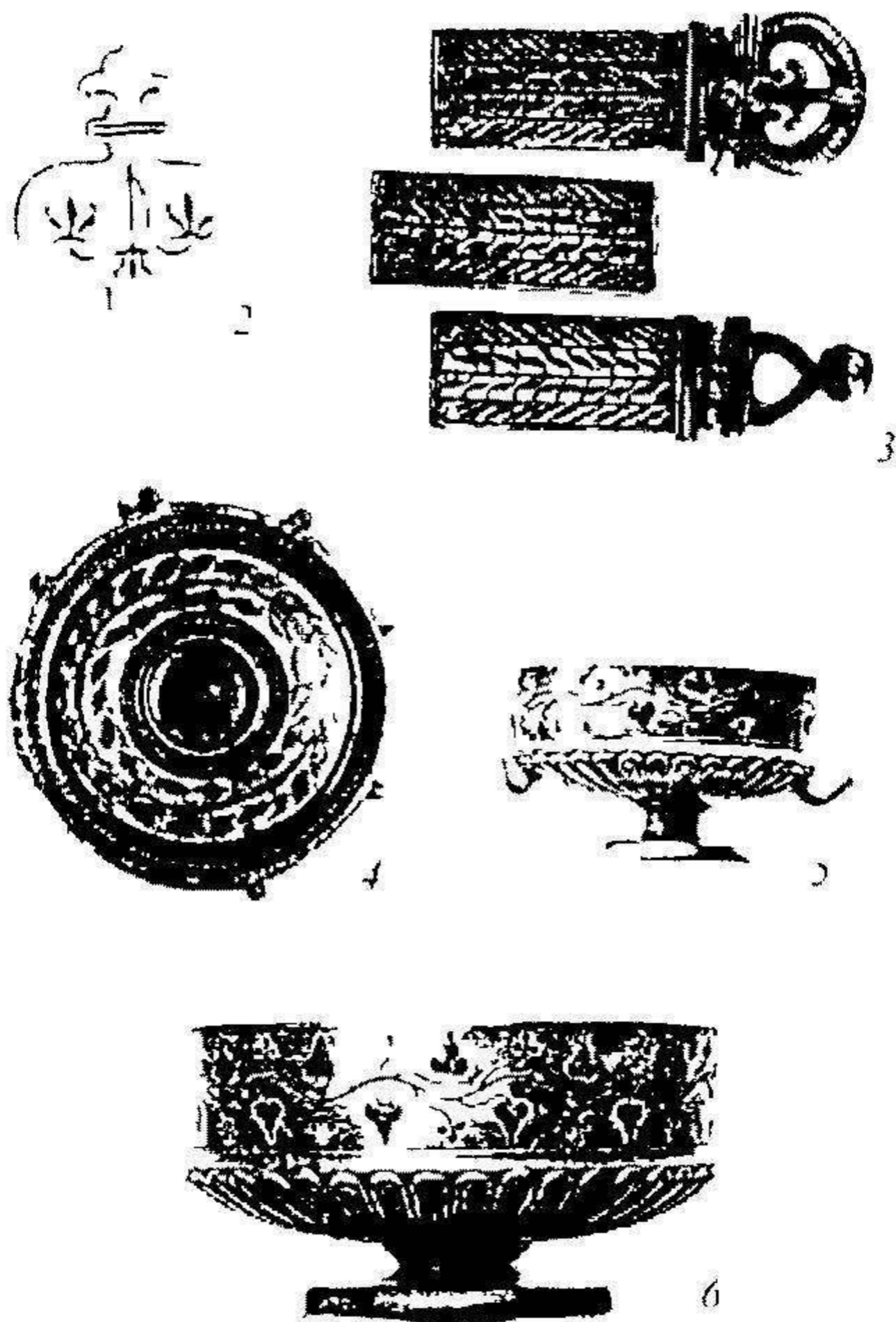
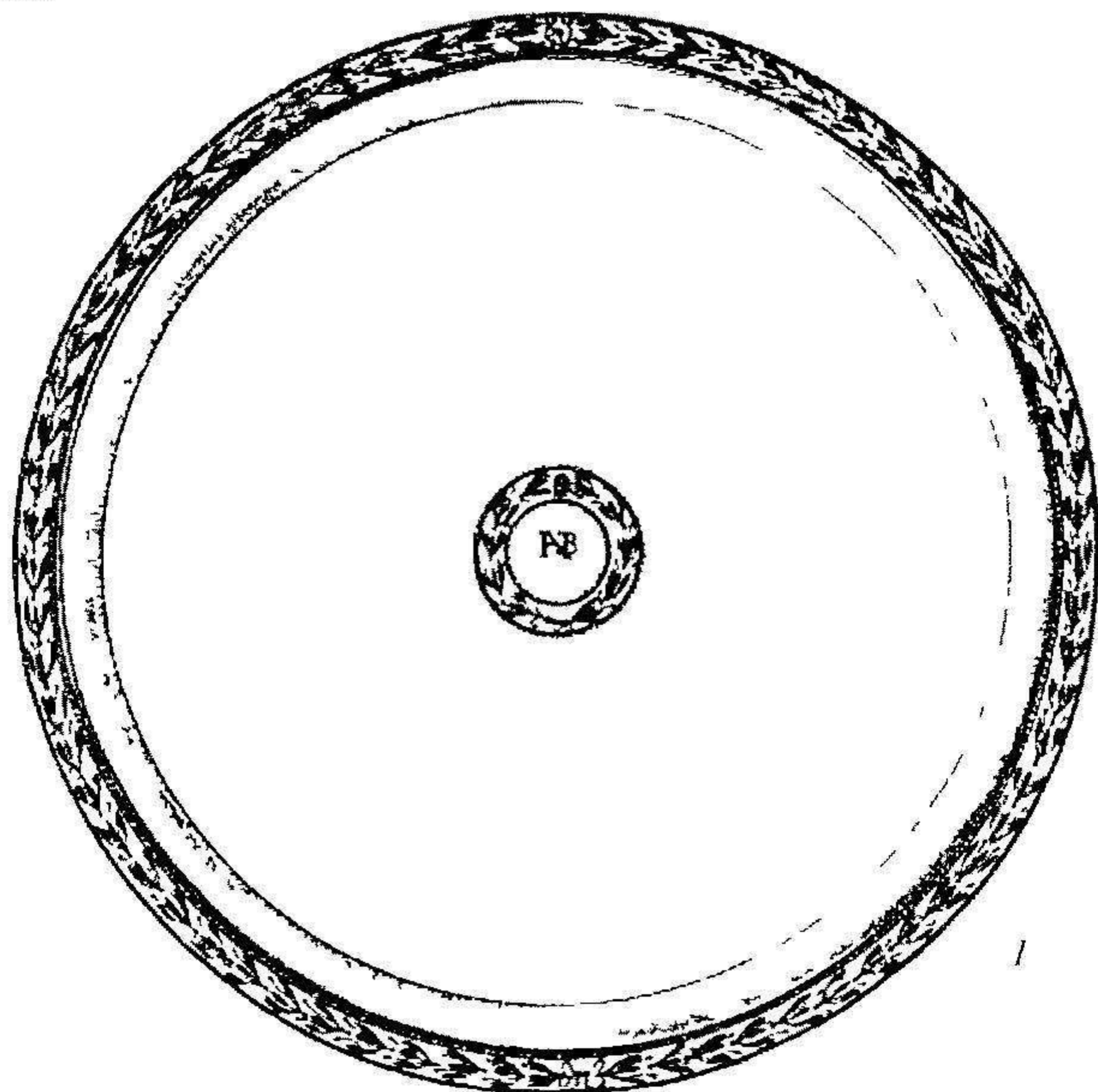
Приведем исходя из рапортов Антона Ашика следующее описание этого погребения.

В большом кургане высотой 9,6 м, в окрестностях Керчи на Глинище, на глубине 4,27 м, был найден мраморный саркофаг, имевший форму параллелепипеда с треугольной крышей и коническими фигурами по углам, напоминающими рога (Часы досуга 1850 С 141, см аналогии Сокольский 1960). В нем лежал скелет в полном убранстве с большим количеством драгоценных находок. Помимо золотой маски и золотого венка-диадемы с центральной пластиной, украшенной по краям четырьмя гранатами в оправках, на остовах найдены золотые серьги, украшенные гранатами, золотая гривна, два золотых браслета, два золотых перстня с вставками камней и одно кольцо из чистого золота (ДБК 1854 Табл XV–3, XVIII–19, Minns 1913 P 434 Fig 325). По обоим сторонам тела лежали золотая фибула без всяких украшений (фрагмент пружины фибулы с иглой, без дужки – *О III*), деревянное веретено, покрытое золотой фольгой (ДБК 1854 Табл ХХХ, 8), красный кожаный кошелек, с аппликацией в виде хищной птицы, вырезанной из кожи, две небольших фибулы – золотая и бронзовая (в хранении не числятся, вероятно остались в Керченском музее – *О III*, но см Амброз, 1966 54), золотой флакон, украшенный гранатами, несколько оправленных в золотую оправу гранатов, монета с монограммой ‘BAE’, множество золотых бляшек, которыми была усеяна одежда (ДБК 1854 Табл ХХII, 1, 3, 4, 6, 22–25, ХХIII, 10–12, 14). Остальные вещи лежали

без точного указания частично в самом саркофаге, частью в могильной яме. Из золотых вещей в погребении найдены также части двух золотых полихромных конских уборов с серебряными ременными пряжками (ДБК 1854 Табл. ХХІХ, 6), из серебряных предметов названы А Б Ашиком скипетр, ваза с крышкой, украшенная амурами с гирляндами (ДБК 1854 Табл. ХХХVII, 1), три серебряных сосуда – два кувшина и ковш, составляющих, вероятно, сервиз, три ложки и круглое большое блюдо с надписью царя Рескупорида на обороте и монограммой 'AB' или 'ANTB' в центральном плафоне, которое стояло вне саркофага – за головой (Ашик 1850 С 143, ДБК 1854 Табл. ХХХ, 11). В комплексе были найдены также вне саркофага – у ног в могильной яме два бронзовых котелка типа 'Хеммур', большая бронзовая чаша, украшенная с двух сторон атташе в виде голов Медузы Горгоны и ручками в виде змей (ДБК 1854 Табл. XLIV, 2), бронзовый кувшин с биконическим туловом типа "Стралджа", два колокольчика, две бронзовые ножки от трона (?) в виде лап фантастического животного (грифона?) и верхняя часть стойки треножника с креплением для чаши с изображением Диониса (ДБК 1854 Табл. XLIV, 15). В этом погребении были найдены также фрагменты бронзового ножа очень плохой сохранности, но сохранилась золотая оправа рукояти с элементами скани и в описи числятся также два железных меча (Спасский 1846 С 138).

Вся серебряная и бронзовая посуда принадлежит, по мнению М. И. Ростовцева, раннему времени – III в. до н. э. (ДБК 1854 Табл. ХХХVII 1, 2, ХХХ, 3, 5, 11, XLIV, 2, 8, XLIV, 15). Как попала эта посуда в погребение III века н. э., показывает надпись на обороте серебряного блюда 'Басилеос Рескупорейн' (ДБК 1854 Табл. ХХХ 11) – и монограмма в центре 'ANTB', которая может толковаться и как вязь имени 'Басилевс Антиохос', и как 'Басилевс Антигонос' (Кондаков, Толстой 1889 С 66–67 Minns 1913 P 433). Такое прочтение и дало основание блестящему знатоку боспорских древностей М. И. Ростовцеву говорить о том, что мы имеем дело с эллинистической посудой из сокровищницы одного из царей Рескупоридов, попавшей в гробницу любимой жены или наложницы (Ростовцев 1925 С 247).

Коснемся описания этого блюда (рис. 1). Блюдо серебряное, плоское, на низком кольцевом поддоне диаметром 417 мм, с профилированным бортиком. По горизонтальному бортику идет орнамент, выполненный тончайшей гравировкой и чернью в центральной части в виде лаврового венка с ягодами, а по краям в виде бегущей волны, обращенной гребнями к центру блюда. Напротив верха большого центрального плафона блюда между листьев лавра, на бортике, выполнен гравировкой и чернью маленький круглый плафон, в котором между листьями венка читаются буквы 'AB' или 'ANTB'. В центральном круглом плафоне по краю идет повторение орнамента бортика, а в центре выполнены гравировкой и чернью буквы 'AB', причем буква В образует своей горизонтальной

(серебряное блюдо из «погребения с золотой маской» (1) и аналогии к его орнаментам (2-6)

линией с линиями буквы А абрис буквы “N”, а завиток верха буквы В дает возможность читать здесь еще и букву “Г” Отсюда чтение многих авторов, писавших об этом блюде, – “АНТВ” Нижний завиток буквы Б в виде точки находится точно в центре блюда На обратной стороне блюда с внутренней стороны поддона вдоль его бортика пунсоном идет надпись ‘βασιλεωσ ρησκοψτορει’ и 2 надписи с обозначением веса “λН», λ Нγ5 <”

В последние годы получила распространение несколько иная точка зрения что это блюдо – подарок римского императора Каракаллы царю Рескупориду III (надпись на обороте) и поэтому монограмма в центре может читаться как “Басилеос Антонинос” (Каракалла Марк Аврелий Антонин) (см Давыдова 1995 С 41 № 55, Кропоткин 1970 С 22, 87 № 739) Но дело в том, что римского императора не могли обозначать в первых веках н э царским титулом “Басилеос” Скорее мы имеем дело с монограммой, обозначающей восточного монарха Это могли быть монограммы басилевсов династии Селевкидов I века до н э (исходя из дат погребального инвентаря) – (АНТ)иоха X Благочестивого (95–83 гг до н э), (АНТ)иоха XI Филадельфа (94 г до н э), (АНТ)иоха XII Диониса (87–84 гг до н э), (АНТ)иоха XIII Азиатского (69–64 гг до н э), Антиохов Коммагенских, последний из которых – (АНТ)иох IV правил в 38–72 годах н э, бактрийского царя (АНТ)иалкида (115–100 гг до н э), иудейского (АНТ)игона Макавея (40–37 гг до н э), галилейского ирода (АНТ)ипы (4 г до н э – 39 г н э) Если же читать в монограмме только первые две буквы “AB” или “ANB”, то список царей Востока займет целую страницу Мы не исключаем полностью и вариант прочтения в монограмме первых трех букв имен римских императоров династии Антонинов начиная с (АНТ)онина Пия (138–161 гг) который по бабке был (Б)ойонием, но мы думаем, что наиболее приемлемый вариант такого прочтения мог бы быть следующий “(АНТ)онин (Б)ассиан”, т е два реальных имени императора, которого мы больше знаем по прозвищу как Каракаллу В 196 году 8-летнего Бассиана его отец Септимий Север провозгласил цезарем и дал ему имя Марка Аврелия Антонина, поэтому в монограмме могли быть отражены сокращения именно этих имен Эта версия допустима, но она все же менее убедительна, чем обозначение в этой монограмме аббревиатуры одного из басилевсов Востока Нам кажется, что для сужения круга возможных носителей этой монограммы необходимо провести более обоснованное по формальным признакам уточнение даты этого блюда По мнению Дональда Стронга при датировке этого блюда можно опираться на тип орнамента, так как основной узор, включая вязь букв ‘АНТВ’ нанесен при помощи техники чернения, которую освоили в Риме по его мнению только в конце III века н э (Strong 1966 Pl 63 a) Марк Розенберг также, отмечая появление основной массы изделий в Римской Империи украшенных чернью для III–IV веков, приводит примеры редких изделий II века н э, как, в частности, золотую фибулу из античного кабинета в Вене

и золотой перстень с квадригой и греческой надписью из Брескии (Rosenberg 1907 P 4–5 Fig 6) Роберт Цан приводит еще более ранние примеры употребления вставок черни на серебряных сосудах из сервиза, зарытого в кладе Хильдесхайм I века н э и на узкой полоске горла бронзового сосуда из Берлинского Антиквария относящегося ко II веку н э (Zahn 1933 S 82) Мы обратились к материалам клада из Хильдесхайма, в составе которого его издатели Эрих Пернис и Франц Винтер отметили большой канфар, шесть кубков и сосуд на львиных лапах, орнаментированных в технике “Niello” (Pernice-Winter 1901 S 18 Taf XVIII, XX, XXXV) Следует сказать, что на чаше на ножках из клада чернь была нанесена на выгравированный орнамент из лавровых листьев, который наиболее близок по декору к орнаменту в виде лаврового венка на серебряном блюде из погребения с маской (Pernice-Winter 1901 Taf XX) Такой же орнамент из лавровых листьев, выполненный чернью, мы знаем на пряжках римских легионеров I века н э и фибулах-брошах того же времени В более позднее время такой орнамент чернью нам пока неизвестен Приведенные факты (рис 2–6) могут, по нашему мнению, свидетельствовать о том, что керченское блюдо могло быть изготовлено скорее в первом, чем во втором и третьих веках н э Нужно еще отметить, что сервиз первого века из Хильдесхайма в котором представлено значительное количество сосудов, украшенных чернью, был изготовлен, вероятно в Александрии – столице Птолемеевского Египта, где в 69 году восточные легионы провозгласили Веспасиана императором Примерно, в это же время (68г н э) начал чеканить свои монеты на Боспоре Рескупорид I Не мог ли он тогда получить это блюдо (возможно, даже эллинистической работы) из Александрии при своем утверждении как дар императора в честь начала правления и затем оставить надпись на обороте блюда? Тогда круг лиц, оставивших монограмму “ANTB” сильно сужается, и может быть не так уж были не правы М И Ростовцев, Э Миниз, Н П Кондаков, когда писали о том, что мы имеем дело с эллинистической посудой, попавшей в более поздний комплекс Пока это только вполне возможное предположение Технологический прием чернения, т е создание смеси из серебра, меди и свинца мог быть перенят римскими мастерами в I в н э с Востока, где он длительное время мог сохраняться Марк Розенберг приводит первое употребление орнамента “Niello” на топоре и кинжале фараона Ахмоса, датированных временем XVIII династии в Египте (1530–1320 гг до н э (Rosenberg 1907 P 3, Fig 1–2) Поэтому мы не исключаем предположения, что на Боспор это блюдо могло попасть из восточных провинций, учитывая при этом все большую вероятность прочтения в монограмме буквы “B” – как “Басилеос”

**Могильник III–IV в. н.э. у с. Курское
на западной периферии Боспора**

На карте памятников Предгорного Крыма III–IV вв. н.э. территория между г. Белогорском и Керченским полуостровом выделяется исключительно малой степенью изученности. Между тем, исходя из археологического контекста и следуя данным письменных источников, эти земли в III в. н.э. являлись подконтрольными Боспору, а в IV в. н.э. стали ареной столкновений Боспора и Херсонеса.

До недавнего времени информация о памятниках позднеантичного времени в этом регионе исчерпывалась данными о нескольких слабо изученных поселениях, датируемых на основании подъемного материала. В 2000 г. нам представилась возможность исследовать могильник этого времени, расположенный у с. Курское Белогорского района. Всего было раскопано 13 погребальных сооружений, в числе которых 9 подбойных могил, одно конское захоронение и 3 склепа. Все изученные склепы были к моменту проведения работ разграблены. Склепы продольно-осевой планировки, ориентированы камерами на ЮЗ. Дромосы и камеры соединены «коридорчиками». Камеры, вытянутые по оси дромоса, имели подпрямоугольную и трапециевидную в плане форму.

Судя по разрозненному инвентарю и собранному антропологическому материалу, в склепах было захоронено по 2–4 человека. Среди находок — фрагментированные и целые лепные сосуды (рис. 1, 16, 17, 19), краснолаковая керамика (рис. 1, 12, 14, 15, 18), бронзовые и серебряные пряжки, золотые подвески, бусы (рис. 1, 13) и другой инвентарь. Особое значение имеет находка в склепе № 2 монеты Фофорса (300/301 г. н.э.). Рядом с дромосом склепа № 2 на уровне древней поверхности была обнаружена прямоугольная каменная стела (2,20х0,70х0,10 м).

Подбойные могилы, исследованные на территории некрополя, имели обычную для позднеантичных памятников Крыма конфигурацию. Шесть из них были ориентированы длинной осью по линии СВ–ЮЗ, одна — по линии СЗ–ЮВ и две по линии СЗЗ–ЮВВ. Надо полагать, что на ориентацию, как склепов, так и подбойных могил, в данном случае, влиял рельеф местности. Все могилы содержали по одному захоронению.

Среди инвентаря женских захоронений были встречены лучковые одночленные подвязные фибулы (рис. 1, 9) и шарнирные фибулы (рис. 1, 3), закрепленные на бронзовых кольцах различных типов (рис. 1, 4), бронзовые зеркала-подвески с боковой петлей и с орнаментом в виде тамгообразных знаков (рис. 1, 5), пряслица (рис. 1, 7), бронзовые браслеты с расплюснутыми окончаниями (рис. 1, 2), колокольчики, фрагменты металлических накладок шкатулок, лепные сосуды (рис. 1, 8) а так же

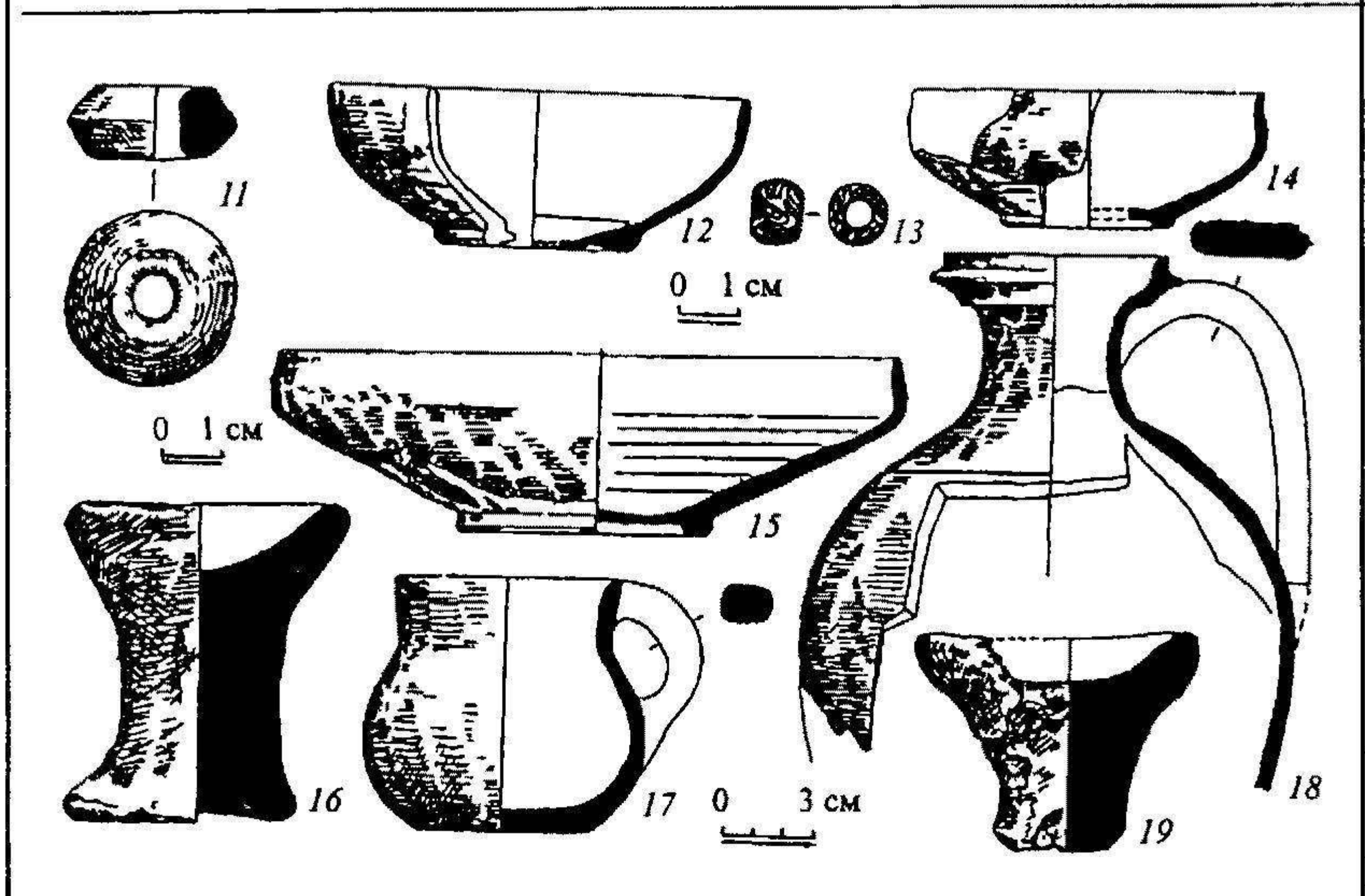
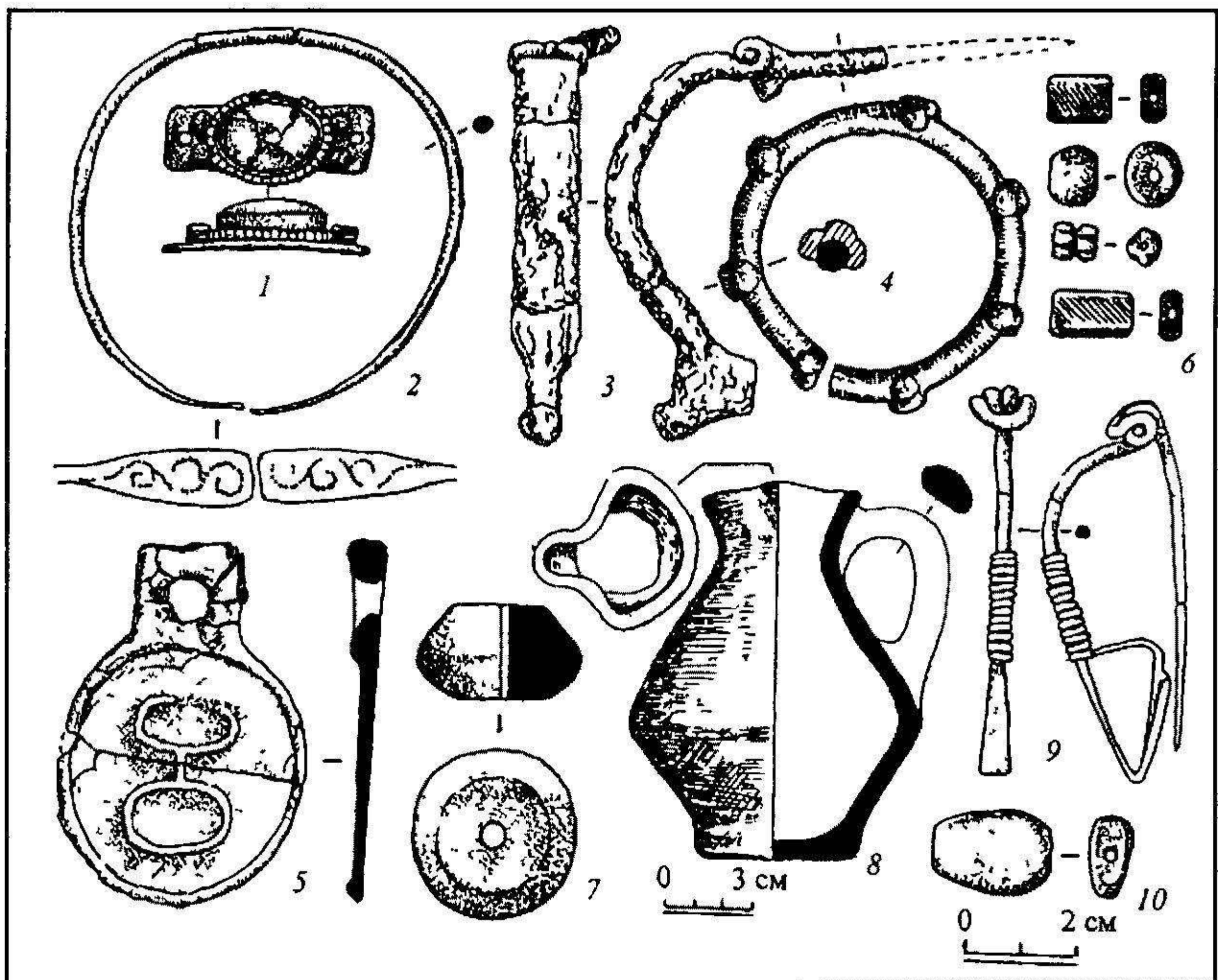

Рис 1 1-10 - Инвентарь женских захоронений в подбойных могилах у с Курское
1-5 - мог 4, 6-10 - мог 8, 11-19 - инвентарь из склепа 1

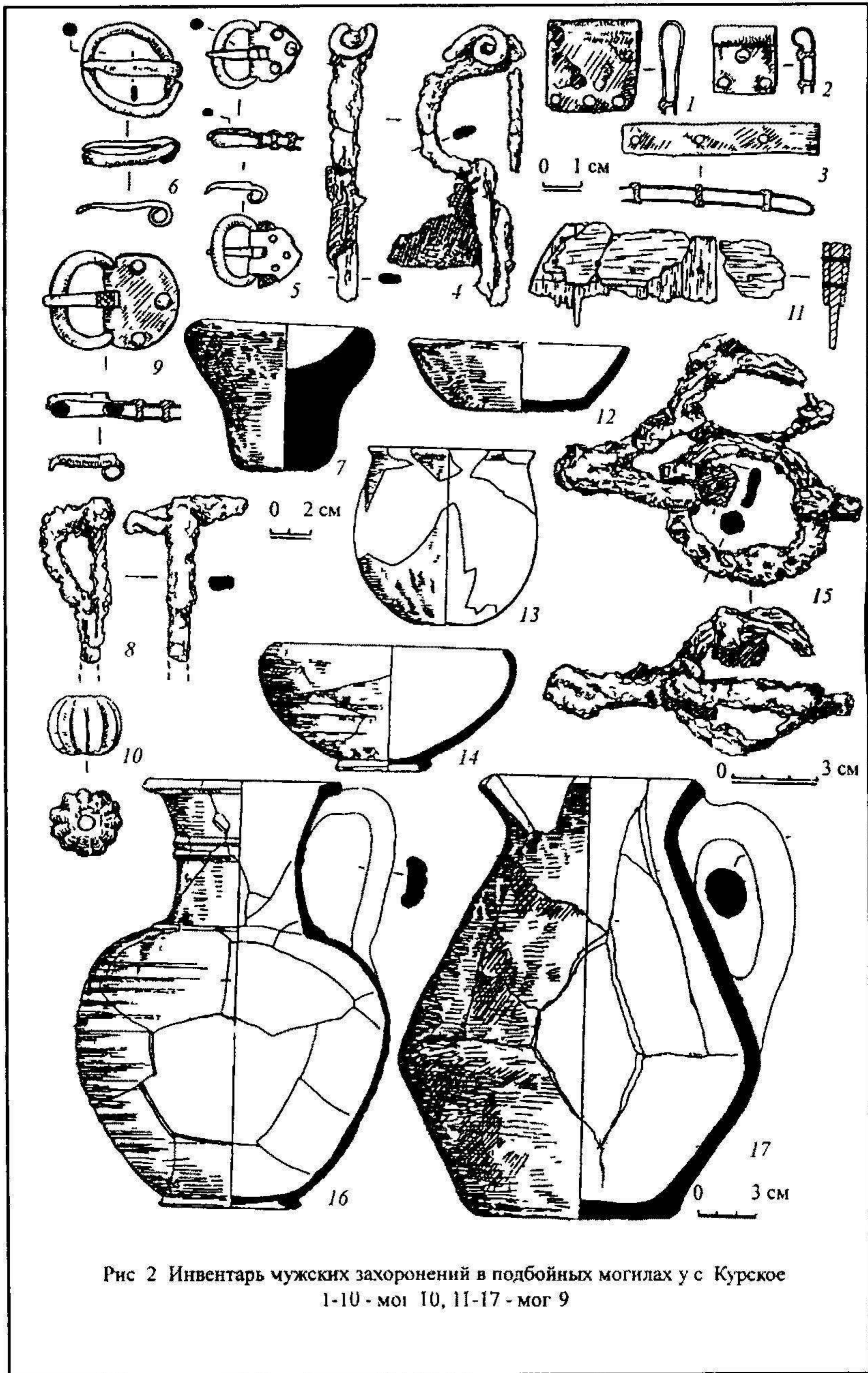

Рис 2 Инвентарь мужских захоронений в подбойных могилах у с Курское
 1-10 - могила 10, 11-17 - могила 9

множество стеклянных и янтарных бус (рис 1, 6–10), которыми были расшиты рукава и обувь погребенных

Мужские захоронения содержали железные прогнутые подвязные фибулы (рис 2, 4, 8), бронзовые и серебряные пряжки (рис 2, 5, 6, 9), серебряные оконцеватели ремней (рис 2, 1–3) стеклянные (рис 2, 13), краснолаковые (рис 2, 14), простые гончарные (рис 2, 16) и лепные сосуды (рис 2, 7, 12, 17), крупные стеклянные бусины (рис 2, 10) В могиле №9 были найдены железные удила, фрагменты меча и трехчастного костяного гребня с бронзовыми заклепками (рис 2, 11)

В большинстве случаев захоронения сопровождалась погребальной пищей остатки которой в виде костей животных были зафиксированы возле черепов

В целом инвентарь женских захоронений в подбоях (рис 1, 1–10), вскрытых на дальнем участке некрополя, представляется более ранним по отношению к прочим погребениям и датируется концом II–III в н э Погребальный обряд и инвентарь имеет соответствия в традициях сарматизированного населения центральных областей Крымской Скифии

Мужские погребения, открытые в центральной части могильника (рис 2, 1–17) датируются последней третью III – первой половиной IV в н э Их инвентарь сочетает в себе признаки, характерные для изделий, происходящих из раскопок памятников типа Озерное–Инкерман, Рогожкино и аланских могильников Нижнего Дона

Несмотря на то, что все склепы рассматриваемого некрополя были разграблены, их фрагментированный инвентарь (рис 1, 11–19) позволяет предполагать их датировку в пределах IV в н э

В совокупности раскрытые погребения можно относить к III–IV вв н э и связывать с оседлым населением, проживавшим на западной периферии Боспора, причем погребальный обряд характеризуется чертами, традиционно связываемыми с сармато-аланским миром

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РЕГИОНА	
<i>Д А Мачинский, В Т Мусбахова (СПб)</i> Земля Айэ, остров Айайэ и вход в Аид в ранних “Аргонавтиках” и “Одиссее” в сопоставлении с достоверными сведениями о Понте и Причерноморье античной письменной традиции	4
<i>Д А Щеглов (СПб)</i> Путешествие Аристея Проконнесского проблема датировки	5
<i>А С Русяева (Киев)</i> Афродита Урания – патронесса милетско-понтийской колонизации	17
<i>А А Завойкин (Москва)</i> Боспор территориальное государство и полис	22
<i>Е А Молев (Нижний Новгород)</i> О возможности персидского протектората над Боспором (по поводу статьи Федосеев 1997)	29
<i>С Д Крыжицкий, К К Марченко (Киев, СПб)</i> К вопросу о наиболее ранних строительных комплексах северопричерноморских греков	33
<i>А М Бутягин (СПб)</i> Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие)	36
<i>М Ю Вахтина, Ю А Виноградов (СПб)</i> Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского	41
<i>В П Толстиков (Москва)</i> Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспорско-скифских отношений в VI–V вв до н э	45
<i>Д В Журавлев, Г А Ломтадзе (Москва)</i> Керамические комплексы раннего Пантикапея	57
<i>С Р Тохтасьев (СПб)</i> Еще раз о синдских монетах и синдском царстве	63
<i>Я М Паромов (Москва)</i> Укрепленные дома азиатского Боспора	79
<i>В И Кац (Саратов)</i> К вопросу о времени существования боспорской колонии на Елизаветовском городище	85

<i>Й Форназиер</i> (Берлин)	
Танаис в эллинистическую эпоху – часть Боспорской державы?	91
<i>С И Безуглов, И В Толочко</i> (Ростов-на-Дону)	
К характеристике культурных связей Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений)	96
II АРХЕОЛОГИЯ И ИСКУССТВО БОСПОРА	
<i>В Н Зинько</i> (Керчь)	
Становление Нимфейского полиса	102
<i>О Ю Соколова</i> (СПб)	
К вопросу о торговых связях Нимфея в VI в до н э	105
<i>С Н Сенаторов</i> (СПб)	
Бронзовые наконечники стрел из Нимфея I По материалам раскопок 1939–1941 гг	108
<i>С М Зинченко</i> (Москва)	
Нашивные бляшки с изображением оленя из некрополя Нимфея (К вопросу об особенностях функционирования одного канонического образа)	115
<i>Д Е Чистов</i> (СПб)	
Система искусственных террас на южном склоне Нимфейского плато	123
<i>Д С Бунин</i> (Владимир)	
К вопросу о хтонических элементах в культе Афродиты на Боспоре	127
<i>Н В Молева</i> (Нижний Новгород)	
Сакральные памятники Боспора VI – начала V в до н э	131
<i>Н П Сорокина, Н И Сударев</i> (Москва)	
Предметы связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв до н э	133
<i>М В Русяева</i> (Киев)	
Художественные особенности монет Ольвии и Пантикапея VI – начала V в до н э	139
<i>А П Абрамов, С И Болдырев</i> (Москва)	
“Клады” 1998 г из Патрея	143
<i>И А Тульпе, В А Хршановский</i> (СПб)	
Эллинистический ритуальный комплекс на некрополе Китея	146
<i>Л И Давыдова</i> (СПб)	
“Боспорский царь” и другие в контексте “боспорского искусства”	154
<i>П А Кройц</i> (Кельн)	
Некоторые соображения по поводу интерпретации боспорских надгробных рельефов	157
	191

<i>С В Кашаев, Н В Кашовская</i> (СПб) Новые Боспорские надгробия	164
<i>В Л Мыц, А В Лысенко, В Ю Юрочкин</i> (Симферополь) Некрополь Пантикапея-Боспора проблемы и перспективы исследования	174
<i>О В Шаров</i> (СПб) Блюдо царя Рескупорида из погребения с Золотой маской	181
<i>А А Труфанов, С Г Колтухов</i> (Симферополь) Могильник III–IV в н э у с Курское на западной периферии Боспора	186

CONTENS

Introduction	3
I BOSPORUS CIMMERIAN HISTORY OF THE REGION	
<i>D A Machinsky, V T Mousbakhova</i> (SPb) The land of Aea, the island of Aea and the entrance to the Underworld in early Argonautics and in <i>Odyssey</i> in the light of evidences on Pontic region preserved by the ancient tradition	4
<i>D A Sheglov</i> (SPb) The voyage of Aristeas of Proconnesus the problem of dating	5
<i>A S Rusaeva</i> (Kiev) Aphroditae Urania – the patroness of Milesian-Pontic colonization	17
<i>A A Zavojkin</i> (Moscou) Bosporus territorial state and polis	22
<i>E A Molev</i> (Nijnii Novgorod) About the possibility of Persian protectorate over Bosporan kingdom	29
<i>S D Krzshitsky, K K Marchenko</i> (Kiev, SPb) On the question of the earliest building complexes of the North Pontic Greeks	33
<i>A M Butjagin</i> (SPb) Dig-pits building at the Archaic Bosporus (genesis and development)	36
<i>M Ju Vakhtina, Ju A Vinogradov</i> (SPb) Once more about the early fortification of Bosporus Cimmerian	41
<i>V P Tolstikov</i> (Moscou) Archaeological discoveries at the Panticapeum acropolis and the problem of Bosporan-Scythian connections in 6 th –5 th cent BC	45
<i>D V Juravliev, G A Lomtadze</i> (Moscou) Pottery complexes of the early Panticapeum	57
<i>S R Tokhtasiev</i> (SPb) Once more about Syndic coins and Syndic kingdom	63
<i>Ja M Paromov</i> (Moscou) Stratified houses of the Asiatic Bosporus	79
<i>V I Katz</i> (Saratov) On the question of the time of existence of Bosporan colony at Elizavetovskoe city-site	85

<i>J Fornasier</i> (Berlin)	
Tanais in hellenistischer Zeit – Ein Bestandteil des Bosporanischen Reiches?	91
<i>S I Bezuglov, I V Tolochko</i> (Rostov-on-Don)	
About the characteristic of cultural connections of Tanais	96
II BOSPORAN ARCHAEOLOGY AND ART	
<i>V N Zinko</i> (Kerch)	
Formation of the Nymphaeum polis	102
<i>O Ju Sokolova</i> (SPb)	
On the question of trade connections of Nymphaeum in the 6 th cent BC	105
<i>S N Senatorov</i> (SPb)	
Bronze arrow-heads from Nymphaeum 1 According the materials of excavations of 1939–1941	108
<i>S M Zinchenko</i> (Moscou)	
The sewed plaques with the depictions of a stag from Nymphaeum necropolis (On the question of function peculiarities of one canonical image)	115
<i>D E Chistov</i> (SPb)	
The system of artificial terraces at the southern slope of Nymphaeum plateau	123
<i>D S Bounin</i> (Vladimir)	
On the question of the chtonic elements in the cult of Aphroditae at Bosporus	127
<i>N V Moleva</i> (Nijnii Novgorod)	
Sacred monuments of Bosporus in 6 th – early 5 th cent BC	131
<i>N P Sorokina, N I Sudarev</i> (Moscou)	
Objects, connected with cults and magic from the graves of Kepoi necropolis (6 th – 2 nd cent BC)	133
<i>M V Rusaeva</i> (Kiev)	
Artistic peculiarities of coins of Olbia and Panticapaeum in 6 th – early 5 th cent BC	139
<i>A P Abramov, S I Boldirev</i> (Moscou)	
“Treasures” of 1998 from Patraeus	143
<i>V A Khrshanovsky, I A Tulpe</i> (SPb)	
Hellenistic ritual complex at Kytion necropolis	146
<i>L I Davidova</i> (SPb)	
“Bosporan king” and the others in context of “Bosporan art”	154

<i>P A Kreuz</i> (Köln)	
Aspects concerning the interpretation of bosporan grave reliefs	157
<i>S V Kashaev, N V Kashovskaya</i> (SPb)	
New Bosporan gravestones	164
<i>V L Mitz, A V Lisenko, V Ju Jurochkin</i> (Simpheropol)	
Bosporan necropolis some problems and perspectives of study	174
<i>O V Sharov</i> (SPb)	
The silver plate from the grave with the golden mask in Kerch	181
<i>A A Trufanov, S G Koltukhov</i> (Simpheropol)	
Burial ground of 3 rd – 4 th cent AD near the village Kurskoe on the Western periphery of Bosporus	186